ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

KRASNYĬ ARKHIV.

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ (ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ)

1929

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
В 1-й ОБРАЗЦОВОЙ
ТИПОГРАФИИ ГОСИЗДАТА.
МОСКВА, Пятницкая улица, 71.
Главлит А-31691. П. 12. Гиз 31029.
Заказ № 189. * Тираж 2250 экз.

General
Harr.

Lib. Com. (Hist. Sect)
Harr.
8-23-29

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.

Окончание [1]).

1916 ГОД.

12 января.

Министра иностранных дел посетил японский посол. В течение последовавшей беседы барон Мотоно сообщил С. Д. Сазонову о попытке германского посланника в Китае вступить в переговоры с Японией через посредство одного из японских генеральных консулов [2]).

13 января.

К С. Д. Сазонову приезжал г. Диаманди. На вопрос министра, известно ли что-либо посланнику о происшедшем обострении отношений между Германией и Румынией, оказалось, что посланник никакого сообщения от своего правительства не получал и сам приехал к С. Д. Сазонову, чтобы осведомиться по этому предмету. — Министр выразил посланнику свое сожаление, что политика Братиано привела Румынию к такому положению, при котором приходится считаться с возможностью предъявления германского ультиматума. При этом С. Д. Сазонов даже несколько удивлен, что в столь

---

[1]) См. «Красный архив, т. XXXI, стр. 3—50.

[2]) В секретной телеграмме из Пекина от 11/I 1916 г. за № 15 Крупенский сообщал о том, что прибывший недавно в Пекин новый германский посланник Глице в своей беседе с корреспондентом японской газеты «Асахи Шимбун» высказал мысль о желательности заключения союза между Германией и Японией, заявив, что Германия после войны предоставит Японии полную свободу действий на Дальнем Востоке. Несколько раньше германский поверенный в делах в своей беседе с японским посланником высказывался в том же духе.

Об этих разговорах Крупенскому сообщил японский посланник, объяснявший эти попытки Германии ее опасениями возможной посылки японских войск для действий против нее в Европе. (См. дело Секретного архива «Мир. VIII», инв. № 710.)

важный для Румынии политический момент посланник был оставлен своим правительством без надлежащего осведомления.

20 января.

С. Д. Сазонов принимал вновь назначенного военным агентом в Румынии полковника Татаринова, который и ознакомил министра со взглядами генерала Алексеева на возлагаемую на военного агента задачу. — Если весной 1915 г., когда русские войска занимали вершины Карпат, выступление Румынии могло оказать решительное влияние на ход военных действий в смысле окончательного разгрома Австро-Венгрии, то в настоящее время генерал Алексеев склонен думать, что для нас более выгодным является сохранение Румынией нейтралитета. Действительно, вследствие растяжения и крайне невыгодных очертаний румынских границ, неуверенности в достаточном боевом значении румынского войска, а также создавшегося после разгрома Сербии положения, позволившего Германии и ее союзникам почти что окружить Румынию с трех сторон, — приходится считаться с возможностью поражения румын, что заставило бы нас уделить значительные силы на оказание им помощи без прямой пользы для наших ближайших военных задач. Видимое нежелание Братиано прислать для переговоров с нами румынского офицера в Россию, хотя и может быть объяснено боязнью румынского министра скомпрометировать себя в глазах Германии, однако подает генералу Алексееву повод заподозрить вообще искренность Братиано. Генерал Алексеев опасается, что последний желает выведать у нашего уполномоченного размер той помощи, которую мы могли бы предоставить Румынии, с тем только, чтобы иметь в своих руках веские данные для переговоров с болгарами, а, может быть, и с немцами.

Сообразно с этим, полковнику Татаринову поручено прежде всего выяснить вопрос об искренности намерения Братиано заключить с нами военное соглашение, а затем на основании точных данных обсудить способы сочетать усилия русской и румынской армий, не настаивая непременно на скорейшем в настоящую минуту выступлении Румынии [1]).

21 января.

Государь император принимал в Царском Селе в частной аудиенции великобританского посла, который по поручению своего правительства изложил целый ряд соображений, касающихся военного положения союзников. Кроме того, в весьма осторожных и сдержан-

[1]) О миссии полковника Татаринова см. «Красный архив», т. XXVIII, стр. 44—45.

ных выражениях посол доложил его величеству, что в Англии с напряженным вниманием следят за происходящим в России, сознавая тесную связь, неизбежно существующую между внешней и внутренней политикой государства. Радостно приветствуя мудрые предначертания его величества в области внутренней политики, английское общественное мнение, по словам сэра Дж. Бьюкенена, иногда испытывает невольные сомнения, достаточно ли верно истолковываются эти предначертания теми, кому поручено их осуществление. В этом отношении некоторые мероприятия императорского правительства внушают известное недоумение в Англии и вызывают даже беспокойство, ввиду того, что их действие внутри страны может отразиться и на внешних делах.

Государь император, весьма милостиво выслушав великобританского посла, высказал желание, чтобы между Россией и Англией продолжали крепнуть самые откровенные и дружеские отношения [1]).

22 января.

Известный финансовый деятель, брат шведского министра иностранных дел г. Маркус Валленберг приехал на несколько дней в Петроград для переговоров с главным управлением почт и телеграфов по вопросу о возобновлении договора касательно концессий на телефон города Москвы. Г. Валленберг воспользовался этим случаем, чтобы посетить министра иностранных дел и его ближайших сотрудников и дать самые успокоительные заверения в миролюбии Швеции, которая, по его словам, искренне желает лишь сохранения своего нейтралитета. Ввиду занимаемого г-ном Валленбергом в Швеции общественного положения и близкого родства его с руководителем внешней политики королевства, С. Д. Сазонов нашел по нынешним обстоятельствам полезным испросить для него высочайшего приема у государя императора. Его величество принял весьма милостиво

---

[1]) О приеме английского посла царем у Бьюкенена, между прочим, читаем: «В первых числах февраля я получил аудиенцию, на которой я впервые сделал серьезную попытку побудить императора ступить на более либеральный путь. Указав на растущее чувство недовольства, открыто выражаемое всеми классами населения, я сказал ему, что офицеры и даже генералы, возвращающиеся с фронта, заявляют, что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии. Принесенные народом жертвы, — говорил я, — заслуживают некоторой награды, и я советовал его величеству даровать в качестве акта милости за оказанные услуги то, что было бы унизительно отдать под давлением революционного движения...

...Посоветовав мне не придавать преувеличенного значения распространяющимся в Петрограде слухам, император сказал, что он вполне оценивает жертвы, принесенные народом, но что время для уступок еще не пришло...» (См. «Мемуары дипломата», стр. 148—149.)

г-на Валленберга 22 января, чем последний был весьма осчастливлен. Он вообще, повидимому, извлек из кратковременного своего пребывания в Петрограде самые благоприятные для нас впечатления.

25 января.

Итальянский посол прочел барону Шиллингу целый ряд телеграмм итальянского посланника в Бухаресте, в которых г. Фашотти, между прочим, высказывал мнение, что, если бы Румыния обязалась перед Германией сохранить нейтралитет, последний не был бы долговечен, так как Румынии вскоре пришлось бы окончательно перейти на сторону Австро-Германии.

26 января.

Отъезд в Бухарест полковника Татаринова, назначенного военным агентом в Румынии.

27 января.

Утром 27 января французский посол просил барона Шиллинга передать министру иностранных дел, что в Лондоне, по почину французского правительства, между Францией и Англией начались переговоры об образовании самостоятельного Арабского королевства. Французское и английское правительства не обратились к императорскому правительству с просьбой участвовать в этих переговорах лишь по той причине, что Россия менее заинтересована в этом деле, нежели Франция и Англия, но союзные правительства сообщат императорскому правительству те выводы, к которым приведет обсуждение вопроса, и вынесенное решение будет окончательно принято только в том случае, если оно получит полное одобрение России. — Посол еще раз подчеркнул, что французское правительство твердо решило не вступать в какие бы то ни было переговоры без ведома России, даже если бы эти переговоры велись с нашими союзниками [1]).

---

[1]) В памятной записке, переданной Бьюкененом Сазонову 17/III 1915 г., указывалось на то, что английское правительство считает желательным в связи с ожидаемым изгнанием турок из Константинополя образование в каком-либо другом месте независимой мусульманской власти в качестве политического центра ислама.

В телеграммах от 17/XII 1915 г. за № 881 и за № 886 Бенкендорф сообщал со слов Никольсона и Грэл, что английское правительство ведет переговоры с некоторыми из арабских племен относительно Аравии, что арабы обратились к английскому правительству с просьбой об учреждении независимого арабского государства, в состав которого входила бы Аравия, и что английское правительство согласилось на эту просьбу.

В тел. от 27/I 1916 г. за № 90 Извольский сообщал, что «в последнее время между Парижским и Лондонским кабинетами происходили переговоры по поводу плана великобританского правительства образовать независимое «арабское госу-

1 февраля.

Приезд в Петроград императорского посланника в Стокгольме А. В. Неклюдова.

2 февраля.

Вернувшийся из Олонецкой губернии, где он провел целую неделю на медвежьей охоте, румынский посланник посетил барона Шиллинга и с большим оживлением рассказывал о своих охотничьих впечатлениях, оставивших ему наилучшие воспоминания. О политике же г. Диаманди заговорил лишь под конец своего посещения и как бы нехотя. При этом он скорее сам стремился осведомиться о положении дел, нежели мог поделиться собственными сведениями. По его словам, все, что он знает о настроениях в Румынии, заключается в полученной им от Братиано телеграмме в ответ на его запрос о том, насколько можно верить слухам о предстоящих переменах общего направления румынской политики в связи с приписываемым [sic!] давлением германцев в Бухаресте. В упомянутой телеграмме Братиано заявлял, что он во всяком случае останется верен проводимой им до сих пор политике, и что если бы даже обстоятельства заставили его выйти в отставку, то, и пребывая в оппозиции, он не допустит перемены направления политики королевства. К этому г. Диаманди прибавил от себя, что Братиано в оппозиции будет, пожалуй, еще сильнее, чем у власти, и что подобное заявление в его устах является весьма знаменательным, так как, очевидно, всякому правительству в Румынии придется с ним считаться.

На это барон Шиллинг возразил, что, как ни интересны для нас мнения Братиано, едва ли они в настоящую минуту имеют решающее значение. Если еще год тому назад Братиано мог по своему усмотрению либо ускорить, либо задержать выступление Румынии и, пожалуй, даже заставить ее примкнуть к той или другой группе воюющих держав по своему выбору, то создавшееся ныне в значительной степени под влиянием именно политики самого Братиано новое соотношение сил настолько изменило общую картину, что Братиано уже перестал быть хозяином положения. Не оказав своевременно поддержки русскому наступлению в Венгрию и допустив затем враждебное нам выступление Болгарии и разгром Сербии [1]), Братиано дал воз-

---

дарство» (см. «Раздел Азиатской Турции», Литиздат НКИД, 1924 г., XXIII, LIX, LX).

[1]) Разрыв дипломатических сношений Болгарии с державами Согласия относится к 22/IX—5/X 1915 г. Вступление Болгарии в войну на стороне Германии определило катастрофическое положение, в какое попала сербская армия, ее отступление к берегам Адриатического моря и занятие к ноябрю 1915 г. сербской территории неприятельскими войсками.

можность немцам и их союзникам до такой степени стиснуть теперь Румынию, что дальнейшая ее политика зависит уже более от усмотрения Берлина, нежели румынского первого министра. Теперь, если Братиано не пожелает подчиниться велениям Германии, он может только уйти в отставку, но как бы силен он ни был в оппозиции, превосходя в этом отношении главарей нынешней оппозиции (Филипеско и Таке Ионеско), едва ли какое-нибудь министерство Карпа, Маргиломана или Майореско будет считаться с мнениями оппозиционного Братиано больше, нежели с придвинутыми к румынской границе, а то и к самому Бухаресту, австро-германо-болгарскими пушками. Вывод из сказанного ясен: своей политикой Братиано довел Румынию до такого положения, при котором его личные намерения в значительной степени утратили свою цену.

Г-ну Диаманди было, видимо, очень неприятно выслушать эти слова, но, вопреки своей обычной находчивости, он на этот раз ничего не нашел ответить и ограничился выражением уверенности, что немцы не пожелают оказать давление на Румынию и заставить ее действовать под их угрозой.

«Против этого я не спорю, — сказал барон Шиллинг, — но согласитесь, что таким образом, если Румынии удастся сохранить свой нейтралитет, а впоследствии, может быть, и выступить на стороне Четверного Союза, то это будет, как вы говорите, лишь потому, что немцы не признают нужным вас втянуть теперь в войну против России, и, следовательно, заслуги в этом со стороны Братиано никакой нет». Румынский посланник начал-было что-то говорить в защиту своего друга Братиано, но в это время вошел итальянский посол, и разговор снова перешел на неполитические предметы.

По уходе г-на Диаманди маркиз Карлотти прочел барону Шиллингу полученную им весьма доверительную телеграмму итальянского посланника в Бухаресте Фашотти, в которой последний передавал содержание своей беседы с румынским первым министром.

По словам барона Фашотти, Братиано ему сказал, что он желает во всяком случае избежать войны на румынской территории, и затем, указав на необходимость предварительно согласиться не только относительно военных, но и политических вопросов, Братиано спросил своего собеседника, из-за чего, в сущности, могла бы воевать Румыния — не для защиты своей территории, на которую никто не посягает, а для осуществления своего национального идеала. Между тем австро-германцы будто бы предлагают ей за одно лишь сохранение нейтралитета значительные земельные приращения, включающие в себя Буковину, часть Баната и, может быть, даже исправление границы в Трансильвании. Если Румыния должна воевать, чтобы

получить то, что ей обещают державы Согласия за счет Австрии, то чем же она будет обеспечена на тот случай, если бы державам Согласия не удалось разрушить Австрию и если бы они решились заключить мир до достижения намеченных румынских вожделений? Чтобы вступить в число воюющих, Румыния должна получить обеспечение, что она не выйдет из войны с пустыми руками.

Барон Фашотти утверждает в своей телеграмме, что на этом он счел долгом прекратить разговор, так как предвидел, к чему таковой клонится, а именно, по его мнению, заключение, к которому должен был притти Братиано, было следующим: если державы Согласия желают, чтобы Румыния выступила на их стороне, то они должны обещать ей, что, если бы им не удалось удовлетворить румынские пожелания в сторону Австро-Венгрии, Россия согласится вознаградить Румынию уступкой ей Бессарабии.

По этому поводу барон Шиллинг заявил итальянскому послу, что упомянутое Братиано обещание со стороны Германии Буковины и других австро-венгерских земель за сохранение Румынией нейтралитета представляется весьма сомнительным. Если же это действительно было бы так, то мы могли бы лишь с удовольствием усмотреть в этом признак значительного ослабления Германии, так как только в весьма стесненных обстоятельствах она могла бы придавать такое значение румынскому нейтралитету, чтобы оплатить последний столь дорогою ценой за счет своих союзников. Что касается нас, то мы далеки от такого положения, чтобы откупиться от Румынии добровольной отдачей русских земель, и если бы кто-либо был достаточно безумен, чтобы пойти на подобные обещания, румыны первые были бы вправе заключить из этого, что мы совершенно ослабли и что они могут безнаказанно взять себе Бессарабию без всяких со своей стороны жертв.

Маркиз Карлотти вполне согласился, что поставленный бароном Фашотти вопрос не подлежит даже обсуждению.

5 февраля.

Японский посол посетил министра иностранных дел и передал С. Д. Сазонову ноту [1]), в которой японское правительство изъяв-

[1]) Переданная японским послом нота, датированная 5 (18) февраля 1916 г., гласила:

«С тех пор, как Европа охвачена всеобщим пожаром, императорское правительство неоднократно давало России доказательства той искренней симпатии, которую оно питает к ней, а, именно: 1) гарантируя неприкосновенность русской территории на Дальнем Востоке, оно дало ей возможность перебросить свои войска из азиатских владений и сосредоточить все свои силы в Европе; 2) оно уступило России часть своих военных снаряжений и припасов даже в ущерб интересам своей национальной обороны; 3) вопреки своим собственным интересам оно согласилось

ляет свое согласие вступить в переговоры о заключении союза с Россией.

на выпуск облигаций русского казначейства, создав тем небывалый прецедент в финансовой жизни Японии.

Принимая во внимание эти обстоятельства, японское правительство по справедливости могло ожидать, что русское правительство будет относиться к нему с искренним дружелюбием. Между тем некоторые мероприятия России относительно таможенных пошлин на Дальнем Востоке и некоторые нововведения ограничительного характера, внесенные в положение о правах японцев на рыбную ловлю в русских водах, нанесли серьезный ущерб японским торговцам и рыбакам. Эти мероприятия России, не соответствовавшие ожиданиям Японии, начинали вызывать серьезные опасения у императорского правительства и чувство недоверия в японских общественных кругах.

Посещение его имп. высочеством вел. кн. Георгием Михайловичем, представителем его величества императора российского, японской императорской семьи было счастливым событием, а именно, оно содействовало оживлению у японцев надежд на улучшение отношений между Японией и Россией. Но укрепление добрых отношений между двумя странами должно иметь своим основанием чувство искреннего дружелюбия как с той, так и с другой стороны, а потому императорское правительство хочет надеяться, что русское правительство не преминет выказать свои добрые намерения относительно Японии.

Сообразно этому японскому послу поручено откровенно изложить его высокопревосходительству российскому министру иностранных дел взгляд императорского правительства.

В соответствии с этим, в ответ на те дружественные заявления, которые г. Козаков любезно передал барону Исии от имени его высоко. ревосходительства г. Сазонова, японскому послу поручено откровенно изложить его высокопревосходительству министру иностранных дел точку зрения императорского правительства. Итак, императорское правительство находит нужным прежде всего просить русское правительство дать свое согласие на удовлетворение японцев, заинтересованных в отношении двух вопросов: таможенного тарифа и прав рыбной ловли в русских водах.

Г. Козаков, в своем разговоре с бароном Исии, дал нам повод надеяться, что вопрос об уступке железнодорожной ветки Харбин — Чанг-Чун мог бы быть поднят при известных обстоятельствах.

Во время переговоров об уступке Южно-Манчжурской железной дороги вышеупомянутая ветка была оставлена за Восточно-Китайской железной дорогой, что является, конечно, аномалией, которая должна рано или поздно исчезнуть, так как эта линия на большей части своего протяжения находится в японской сфере влияния. Если бы русское правительство могло уступить Японии эту ветку, при наличии подходящих условий императорское правительство усмотрело бы в этом факте ясное доказательство признания русским правительством тех дружественных чувств, которые императорское правительство ей выказывало, и той помощи, которую оно не переставало до сего времени оказывать ей. Министр иностранных дел Японии уверен, что, если бы удалось разрешить этот вопрос к обоюдному удовлетворению, то опасения, которые Япония питает относительно России, совершенно рассеялись бы, и у парламента не было бы уже оснований упрекать правительство за его отношения к России, и военные власти могли бы найти способ удовлетворить до некоторой степени желание России, поскольку дело идет о по-

6 февраля.

Возвращение в Петроград великого князя Георгия Михайловича из поездки в Японию [1]).

9 февраля.

Утром 9 февраля стало известно, что государь император будет присутствовать на открытии заседания Государственной Думы. Вследствие этого С. Д. Сазонов по телефону просил послов союзных держав, которые намеревались, по обыкновению, приехать лишь к декларации министра иностранных дел, прибыть в Таврический дворец к 2 часам дня. Министр иностранных дел не указал, однако, союзным послам, почему он обращается к ним с этой просьбой.

9 февраля утром итальянский посол посетил барона Шиллинга и в совершенно частном разговоре сообщил ему, что итальянским королем послана государю императору поздравительная телеграмма по поводу взятия Эрзерума. Зная, что его величество благодарил по телеграфу президента Французской республики за содействие, оказанное Францией в деле спасения сербской армии, маркиз Карлотти лично от себя просил барона Шиллинга, не может ли быть указано в ответной высочайшей телеграмме королю Виктору-Эммануилу на помощь Италии при перевозке сербских войск. Барон Шиллинг ответил послу, что раз беседа носит совершенно частный характер, то лично он не может не заметить, что в деле спасения сербской армии

ставке России оружия, о чем снова шла речь во время визита его императорского высочества вел. кн. Георгия Михайловича.

В том случае, если русское правительство могло бы согласиться на вышеизложенные предложения, императорское правительство Японии вполне готово обсудить и заключить с Россией договор о союзе, о желательности которого русское правительство часто давало нам понять.

Посол Японии уполномочен своим правительством начать переговоры с русским правительством по вышеупомянутым вопросам, и барон Мотоно был бы очень благодарен его высокопревосходительству министру ин. дел, если бы последний соблаговолил сообщить ему взгляды его правительства по данному предмету». (Перевод с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол. См. дело Аз. деп. «Русско-японский союз», В. Д. Японский стол, инв. № 213.)

[1]) Значение поездки в Японию вел. кн. Георгия Михайловича определяется теми переговорами, какие вел с бар. Исии и гр. Терауци сопровождавший в. князя советник IV политического отдела Козаков. В записке последнего от 10/II 1916 г. передается краткое содержание имевших при этом место политических бесед. В разговоре с Терауци Козаков, напомнив, что Европа после войны будет разделена на два лагеря и что германский лагерь представляет для Японии опасность в Китае, ибо Германия стремится сделать Китай орудием своей политики, сказал: «противодействовать этим замыслам... необходимо столько же Японии, сколько и России, и в этих видах они должны объединить свои силы. Став союзниками, Россия и Япония естественно могли бы расечитывать на некоторые взаимные услуги. Русское правительство желало бы получить от японского необходимое нашей

роль Италии нельзя сравнивать с ролью Франции. От Италии можно было ожидать более деятельного отношения к вопросу, который имел столь существенное значение как для Сербии, так и для самих союзников. Итальянский посол не возражал против слов барона Шиллинга, но указывал на то, что упоминание о помощи Италии сербам было бы встречено с искренним удовлетворением королем итальянским.

Просьба итальянского посла была передана бароном Шиллингом министру иностранных дел, и С. Д. Сазонов выразил свое согласие на упоминание в ответной телеграмме государя, хотя и не в слишком теплых выражениях, о помощи Италии в деле перевозки сербских войск.

Присутствуя в Таврическом дворце на открытии заседания Государственной Думы, государь император изволил обратиться после молебна с несколькими словами к союзным послам и, между прочим, заметил маркизу Карлотти, что им получена телеграмма короля Виктора-Эммануила.

Узнав несколько позже о согласии С. Д. Сазонова на высказанное им пожелание, итальянский посол выразил свою искреннюю благодарность министру иностранных дел.

10 февраля.

Государь император изволил принять императорского посланника в Швеции А. В. Неклюдова.

Государь, между прочим, повелел д. с. с. Неклюдову передать по возвращении своем в Швецию королю Густаву V от имени его вели-

---

армии оружие... Что касается японского правительства, то, хотя, в сущности, к большим политическим комбинациям неразумно примешивать вопросы о мелких выгодах, но, дабы избежать упреков в том, что Япония не извлекает соответствующих выгод из сближения с Россией, японское правительство могло бы потребовать от нас каких-либо компенсаций, например, уступки ему ветки Китайской Восточной железной дороги, находящейся в японской сфере, или компенсаций в других областях, не затрагивающих суверенных и территориальных прав России». После своей беседы с Терауци, вполне солидаризировавшимся с его мыслями, Козаков виделся с бароном Исии и развил перед ним те же мысли. «Я прибавил, — читаем дальше в той же записке, — что говорю по поручению С. Д. Сазонова и повторяю то, что уже говорилось неоднократно русским министром ин. дел японскому послу. Барон Исии ответил, что сочувствует мыслям С. Д. Сазонова и постарается дать мне ответ до моего отъезда из Токио. Через несколько дней г. Адаци, с которым мы постоянно видались, пожелал точнее выяснить, согласно ли русское правительство уступить Японии всю южную ветку Китайской Восточной железной дороги или же только часть ее, лежащую в японской сфере. Я ответил, конечно, что в объяснениях с бар. Мотоно речь шла только о части этой ветки к югу от Сунгари, где ее присутствие в японской сфере может представлять для японцев некоторые неудобства. Накануне нашего отъезда из Токио бар. Исии вызывал меня и дал мне тот ответ, о котором я донес по телеграфу. О возможности внедрения Германии в Китай он выразился: «We cannot tolerate it...» («Мы не можем допустить этого ..») (См. дело Аз. деп. «Русско-японский союз», 1916 г. В. Д. Японский стол, инв. № 213.)

чества, что он признает за благо сделать все от него возможное, дабы поддержать и укрепить искренние и добрососедские отношения между Россией и Швецией, и что он надеется, что король Густав со своей стороны приложит все старания к тому же.

14 февраля.

В Петроград прибыл г. Филипеско. На пути из Румынии он останавливался на ставке верховного главнокомандующего, куда приехал вечером 11 февраля. Так как в этот день у государя императора собирался военный совет, г-ну Филипеско удалось лишь на другой день быть принятым генералом Алексеевым, а приглашение к обеду у его величества застало его уже в самую минуту отъезда из Могилева. Тем не менее он мог еще выйти из вагона и отправиться в занимаемый государем губернаторский дом, где после обеда его величество удостоил его, хотя и не наедине, милостивой беседы. С генералом Алексеевым г. Филипеско говорил в присутствии директора дипломатической канцелярии князя Кудашева. Г. Филипеско изложил сведения о состоянии румынской армии, высказал мнение, что опасность ультиматума со стороны Германии ныне уменьшилась, и подчеркивал сочувствие румынского народа к «державам Согласия» (о сочувствии отдельно к России он не говорил). По поводу румынского выступления г. Филипеско сказал, что Румыния готова объявить войну Австро-Венгрии и Германии, как только державы Согласия ей заявят, что минута для этого наступила, т. е. что все необходимые для этого условия налицо, а таковыми условиями г. Филипеско считал сосредоточение в русской Бессарабии 250-тысячной русской армии, защиту Румынии со стороны болгарской границы и единовременный переход всех союзников в общее наступление. Генерал Алексеев отвечал, что Румыния может рассчитывать на широкую помощь России как войсками, так и в деле доставки боевого снаряжения из Франции. При этом он указал на нецелесообразность оставления значительной армии без определенного назначения только «на всякий случай» в Бессарабии и упомянул об отрицательных сторонах отправки русских войск далеко от главных сил в Добруджу только для защиты румынской границы от болгар. Вообще же генерал Алексеев высказался за обсуждение всех этих вопросов по существу с уполномоченными на то представителями румынского генерального штаба, считая, что эти вопросы должны перейти из области общих разговоров на почву чисто делового рассмотрения.

Филипеско не скрыл от начальника штаба, что в случае каких-нибудь крупных неудач у союзников Румыния окончательно откажется связать свою судьбу с державами Согласия.

В день своего приезда в Петроград г. Филипеско оставил лишь свои карточки министру иностранных дел и некоторым другим лицам. Вечером, по просьбе румынского посланника, ему была предоставлена возможность присутствовать в Мариинском театре на балете [1]).

15 февраля.

Барона Шиллинга посетил сотрудник «Русского слова» Богатский, который, будучи давно лично знаком с г-ном Филипеско, виделся с ним в день приезда и передал о своем разговоре следующее. По его словам, г. Филипеско очень уверенно смотрит на будущее и прямо заявил, что, как только союзники скажут Румынии, что минута для ее выступления настала, Румыния тотчас последует этому приглашению. Барон Шиллинг счел нужным предостеречь г-на Богатского от чрезмерного оптимизма и обратил его внимание на нежелательность путем распространения в печати столь решительного заявления создать в русской публике ошибочное представление, могущее повести лишь к неприятному разочарованию. В пояснение этих слов барон Шиллинг сказал своему собеседнику, что г. Филипеско делал те же заявления и другим лицам, но в связи с целым рядом других соображений, из которых явствовало, что, по его мысли, упомянутое приглашение держав должно последовать лишь по выполнении известных условий, рассматриваемых Румынией как необходимая предпосылка приведенного заключения. Богатский признался, что и в разговоре с ним Филипеско также упомянул о 250 000 русских войск в Бессарабии, но менее ясно устанавливал непременную связь между этим требованием и готовностью Румынии к выступлению. Он согласился также и с нежелательностью слишком обнадеживать широкие круги русского общества и высказал намерение считаться с данным ему бароном Шиллингом указанием.

16 февраля.

Пригласивши г-на Филипеско к завтраку в среду 17 февраля, министр полагал приурочить к этому деловой разговор с названным румынским политическим деятелем. Но г. Филипеско просил назначить ему свидание, не дожидаясь среды, и министр принял его во вторник, в седьмом часу, по возвращении из Совета Министров. Во время этой беседы г. Филипеско довольно много распространялся о прошлом и подробно изложил последовательное колебание румынской политики с самого начала войны. Отзываясь о Братиано вполне корректно, он тем не менее высказал убеждение, что в июле 1914 г.

---

[1]) О посещении Филипеско ставки см. «Красный архив», т. XXVIII, стр. 32 — 34.

румынский первый министр был весьма склонен к выступлению Румынии на стороне Австро-Германии. Говоря о нынешнем состоянии румынской армии, г. Филипеско определил численность последней в 550 000 человек. Он положительно отверг возможность для Румынии сражаться на два фронта и сказал, что румынские войска могут итти лишь против Венгрии и ни в коем случае против Болгарии, со стороны которой, однако, Румыния должна быть обеспечена лучше всего русскими войсками — без чего ей нельзя было бы думать о наступлении в сторону Трансильвании. Для этой цели, по мнению Филипеско, необходимо сосредоточить в Бессарабии 250 000 русских войск. Вообще же для присоединения Румынии к союзникам г. Филипеско считает прежде всего необходимым, чтобы Германия не одержала никакого крупного успеха.

Во всех своих суждениях г. Филипеско выказал большую умеренность и сдержанность и, в сущности, не сообщил ничего нового.

18 февраля.

Утром была получена телеграмма посланника в Бухаресте о том, что королева Елизавета заболела воспалением легких и находится при смерти. Днем пришла другая телеграмма от Поклевского с известием о кончине королевы. Барон Шиллинг по телефону сообщил об этом румынскому посланнику, который еще ничего об этом не знал. Назначенные на ближайшие дни два завтрака у г-на Диаманди в честь г-на Филипеско были отменены.

20 февраля.

18 февраля французский посол передал телеграмму президента Французской республики на имя государя императора, помеченную 17 февраля [1]). В этой телеграмме затрагивается вопрос о выступлении

---

[1]) Телеграмма президента Пуанкаре от 17/II (1/III) 1916 г., переданная царю Палеологом на бланке французского посольства с датой 18/II (2/III) 1916 г., гласила:

«Прошу извинения в том, что обращаю внимание вашего величества на то важное значение, которое французское правительство придает решениям, которые Румыния должна принять в недалеком будущем. Серьезная опасность грозила бы союзникам, если бы эта держава рано или поздно уступила давлению Германии. Подлинной моральной и военной неудачей было бы для них также упорство ее в сохранении нейтралитета до окончания военных действий. Франция намерена сделать все от нее зависящее, чтобы побудить Румынию к выступлению. Несмотря на сильный напор немцев в данное время на французский фронт, она, продолжая содержать военные отряды в Салониках, имеет главным образом в виду сотрудничество с Россией, Англией, Сербией и Румынией. Я не сомневаюсь в правильности оценки вашего величества, приписывающей сотрудничеству Румынии важное значение. Ваше величество дали блестящее доказательство своих чувств в то время,

Румынии. Ответная телеграмма государя была послана в Париж 20 февраля [1]).

20 февраля.

Узнав, что г. Филипеско находится под впечатлением, будто в России допускают возможность скорого примирения с Болгарией и соответственной перемены русской политики по отношению к Румынии, министр иностранных дел счел нужным вызвать г-на Фили-

---

когда дело шло о рассмотрении территориальных требований Румынии. Теперь же, когда эти щекотливые вопросы улажены, и остается только выработать план и условия, определяющие ход военных действий, я уверен в том, что ваше величество и в этих переговорах проявите свою примиряющую волю, так что и русская и румынская армии получат отдельные задания, притом в таких районах действия, где каждая из них сможет дать максимум на пользу общего дела. Неудивительно, что Румыния желает главным образом действовать в областях, которые были ей предоставлены дипломатическими соглашениями, и, думается, румынская армия, поддержанная русскими войсками, более надежными и испытанными, должна быть воодушевлена своей ролью освободительницы на том театре военных действий, где она встретит своих братьев по крови.

Ваше величество, конечно, уже ранее взвесили все эти соображения, и я твердо надеюсь, что, благодаря вашему авторитету и проницательности, те затруднения, которые еще препятствуют заключению военного соглашения, будут устранены. Я пользуюсь этим случаем, чтобы снова выразить мои горячие и наилучшие пожелания вашему величеству и России». (Перевод с франц., сдел. в Архиве Внешней Политики. См. Секр. архив, инв. № 296.)

[1]) В Архиве Внешней Политики (в папке Секр. архива, инв. № 296) имеется проект ответной телеграммы Николая II к президенту Пуанкарэ. На полях проекта имеется собственноручная помета царя: «Одобряю», с припиской рукою Сазонова: «Царское Село. 19 февраля 1916 г.». Проект этот имел следующую редакцию:

«С самого начала войны русское правительство, придавая большое значение Румынии в общем деле, прилагало все усилия для заключения военного соглашения с Румынией.

Правительство республики, конечно, осведомлено о посылке в Бухарест полковника генерального штаба Татаринова с целью заверить Румынию в том, что Россия готова оказать ей поддержку, а также выработать совместно с румынским генеральным штабом план и условия общих военных действий. Однако румынское правительство, повидимому, не склонно в данное время определенно формулировать свой взгляд на военное сотрудничество и, не входя даже в переговоры по этому вопросу, отложило принятие каких-либо решений.

Я могу вас уверить, г. президент, что Россия уже сделала и продолжает делать все, что только в ее силах, для того, чтобы устранить затруднения, которые препятствуют заключению военного соглашения с Румынией, и не ее вина, что Румыния все еще откладывает свое выступление.

Я с восхищением слежу за той героической борьбой, которую ведет в данное время Франция с грозным натиском врага.

Всем сердцем желая, чтобы это наступление разбилось о твердую преграду, которую оно встречает в лице доблестной французской армии, я пользуюсь этим случаем, чтобы снова уверить вас в моем глубоком уважении и постоянно дружественном расположении». (Перевод с франц., сдел. в Архиве Внешней Политики.)

песко к себе, чтобы самым решительным образом рассеять это впечатление и заявить ему, что при нынешних обстоятельствах Россия не может забыть измены Болгарии, а потому страх Румынии перед поворотом русской политики по отношению к ней неоснователен. Это сообщение, повидимому, успокоило г-на Филипеско.

22 февраля.

Зайдя к барону Шиллингу, румынский посланник сказал, что Филипеско уезжает из Петрограда под тяжелым впечатлением, так как из разговоров на ставке и здесь он убедился, что, на основании донесений полковника Семенова, к румынской армии относятся с пренебрежением, а также, что Россия попрежнему относится отрицательно к военным действиям против Болгарии. Барон Шиллинг выразил по поводу этих слов большое удивление и ответил, что, если имеющиеся здесь сведения о румынской армии преуменьшают ее численность и качества, то г-ну Филипеско, как бывшему военному министру, легче всего было исправить неточное представление о румынской боеготовности. Барон Шиллинг прибавил, что и подобного ошибочного представления у нас не могло бы составиться, если бы Братиано внял неоднократно обращенным к нему настойчивым просьбам вступить в доверительные, но деловые переговоры с нашим генеральным штабом относительно возможных совместных действий. Такие переговоры, основанные на точных конкретных данных, устранили бы всякие недоразумения. — Что касается впечатлений Филипеско о мнимом нежелании нашем сражаться с болгарами, то после недавнего разговора его с министром иностранных дел, казалось бы, все его сомнения на этот счет должны были бы быть рассеяны. Когда походом на Болгарию мы могли бы еще спасти Сербию, мы не задумались собрать сильное войско, готовое отправиться в Добруджу. Но кто же, как не Румыния, помешал тогда осуществлению намеченного плана?

Г. Диаманди подтвердил, что, действительно, ему было поручено тогда заявить, что Румыния не может согласиться на пропуск русских войск через свою территорию, но это лишь потому, что в то время Братиано понимал неизбежность вовлечения Румынии в войну, если бы он поступил иначе, а война тогда была для Румынии несвоевременной.

Возразив, что и теперь нет признаков, чтобы Братиано считал войну своевременной, барон Шиллинг указал на то, что общая обстановка на Балканах совершенно изменилась и, если тогда наш поход в Румынию имел существенное значение с точки зрения общих интересов всех союзников, то теперь такой поход является желательным лишь для одной Румынии. Не потому у нас относятся теперь отрицательно к мысли о таком походе, что изменилось наше отношение к бол-

гарам, а потому, что с изменением обстановки наши войска ныне более нужны для общего дела на других фронтах. При этом барон Шиллинг спросил г-на Диаманди, почему собственно в Румынии настаивают на таком распределении союзных русско-румынских сил, при котором вся румынская армия была бы сосредоточена для действий в сторону Венгрии, а болгаро-румынская граница охранялась русскими войсками, удаленными от остальных частей русской армии и оторванными от своей базы. Не проще ли было бы распределить то же общее число бойцов так, чтобы русские войска подкрепили на венгерском фронте румынскую армию в том количестве, которое последняя должна была бы выделить из себя для охраны своей границы в Болгарии, оставаясь при этом в своей же стране и сохраняя тесную связь между частями, расположенными, хотя и на разных фронтах, но недалеко друг от друга, благодаря незначительному расстоянию между таковыми?

Не находя возражений против такой постановки вопроса, румынский посланник ограничился ссылкой на то, что он не стратег и не может судить о затронутых вопросах.

В заключение беседы, подводя итог своим впечатлениям о Филипеско, барон Шиллинг сказал, что был поражен, как мало разнились речи, произнесенные здесь этим представителем румынской оппозиции, от тех речей, которых мы уже наслышались от самого Братиано. Это замечание очень рассмешило г-на Диаманди и, повидимому, доставило ему большое удовольствие, так как доказывало, что г-н Филипеско проявил здесь большую сдержанность и осторожность, а также корректность по отношению к своему политическому противнику — нынешнему главе румынского правительства. Он спросил, означает ли это, что г-н Филипеско вызвал здесь разочарование. Барон Шиллинг ответил отрицательно, подчеркнув, что здесь вполне оценили личные качества румынского государственного деятеля, но прибавил, что единственный выход отсюда, который, повидимому, напрашивается, заключается в том, что даже на тех, которые в Румынии являются наиболее горячими проповедниками скорейшего румынского выступления на стороне держав Согласия, последним не следует возлагать чрезмерных надежд.

25 февраля.

Как было условлено, по заключении в феврале 1915 г. соглашения между Россией, Францией и Англией касательно Константинополя и проливов [1]), великобританское и французское правительства

[1]) Секретное соглашение между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, по вопросу о Константинополе и проливах зафиксировано

обсудили совместно вопрос о будущем устройстве турецких владений в Азии согласно интересам обеих держав. Соответственный проект был выработан под руководством знатоков дела сэра Марка Сайкса и г-на Пико. В свое время великобританское и французское правительства предупредили министра иностранных дел С. Д. Сазонова о предпринятых ими в этом отношении работах, прибавив, что ими не будут приняты никакие решения без предварительного обсуждения вопроса с императорским правительством. Согласно с этим, по выработке упомянутого проекта, было решено отправить его составителей в Петроград для подробного изложения их соображений. С. Д. Сазонов, полагая, что проект касается лишь Сирии и Киликии, относительно незаинтересованности в которых им уже были сделаны от имени России самые положительные заявления, сначала признавал приезд Сайкса и Пико излишним и хотел его отклонить [1]). Тем не менее названные два лица прибыли в Петроград и 25 февраля были приняты министром иностранных дел. При этом оказалось, что привезенный ими проект [2]) касается раздела не только Сирии, но и всей Малой Азии. С. Д. Сазонов, рассмотрев предложенную ему карту, не скрыл своего удивления при виде, что те земли, на которые предъявляют притязания французы, далеко внедряются клином к русско-персидской границе близ Урмийского озера. Г. Пико упорно отстаивал свои предположения, указывая как на естественный характер намеченной границы, так и на необходимость для Франции включить в свои будущие владения местности, где заложены прочные основы французского влияния католическими организациями.

в следующих документах: а) в памятной записке Сазонова на имя великобританского и французского послов от 19/II (4/III) 1915 г.; б) в памятной записке Бьюкенена на имя Сазонова от 27/II (12/III) 1915 г.; в) в памятной записке Сазонова на имя великобританского посла от 9 (22) III 1915 г.; г) в вербальной ноте французского посольства в Петрограде от 28/III (10/IV) 1915 г. См. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 252—295.

[1]) В секр. тел. Извольского от 5/II 1916 г. № 111 сообщалось, что «бывший французский генеральный консул в Бейруте, Жорж Пико, которому поручено было вести в Лондоне переговоры по вопросу о халифате и независимости арабского государства, командируется с тем же поручением в Петроград». В секр. тел. Бенкендорфа от 8/II 1916 г. № 71 сообщалось, что едущего в Петроград Пико будет сопровождать Маркс Сайкс. В секр. тел. от 12/II 1916 г. № 124 Извольский сообщал, что, несмотря на отрицательное отношение Сазонова относительно предполагаемого приезда в Россию Пико и Сайкса, французское правительство настаивает на приезде их в Петроград с целью ознакомить Сазонова со своим трудом. 16/II 1916 г. телеграммой № 829 Сазонов ответил о своем согласии принять Пико и его спутников (см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 152—153).

[2]) Упоминаемый проект изложен в памятной записке великобританского и французского посольств в Петрограде, переданной Сазонову 25/II 1916 г. (см. там же, стр. 154—157).

Сэр М. Сайкс своим открытым характером, основательными познаниями и явным благожелательством к России произвел на министра самое лучшее впечатление. Нельзя сказать того же самого о г-не Пико, который показался С. Д. Сазонову несколько узким в своих воззрениях, с известным клерикальным оттенком.

25 февраля.

Г. Пико и сэр М. Сайкс прибыли на первое свидание с министром иностранных дел одни. Они представили С. Д. Сазонову проект, явившийся результатом их совместных трудов по вопросу о предполагаемом, в случае победоносной войны, разделе азиатских владений Турции. Министр на первом же свидании выразил им удивление, что французы предполагают внедриться углом в русско-персидскую границу в Урмийском районе. Пико возражал, указывая на естественный характер предложенной им границы.

Переходя к впечатлению о самих личностях приехавших в Петроград иностранцев, следует заметить, что сэр М. Сайкс сразу произвел на министра весьма благоприятное впечатление, в то время как г. Пико оставил о себе впечатление неопределенное и, скорее, обратное.

26 февраля.

Во время обычного посещения министра иностранных дел французский посол, говоря о привезенном г-ми Сайксом и Пико проекте разграничения в азиатских владениях Турции, заявил, что относительно этого проекта между французским и английским правительствами уже состоялось окончательное соглашение и что поэтому он должен рассматриваться как дело решенное.

Великобританский посол был, видимо, очень недоволен такой постановкой вопроса и поспешил заявить, что полученные им от своего правительства указания вовсе не придают означенному проекту такого характера, а, наоборот, предписывают ему, послу, лишь представить выработанное предположение на одобрение русского правительства, нисколько не вменяя ему в обязанность настаивать на принятии их [1]) целиком.

26 февраля.

Пико и Сайкс прибыли на второе свидание с министром в сопровождении французского и великобританского послов. Палеолог в разговоре с министром старался представить проект раздела азиатских владений Турции «comme une chose faite» [2]) и говорил о проекте Пико

[1]) Так в подлиннике.

[2]) «Как дело решенное».

и Сайкса, как об «arrangement fait» [1]). Великобританский посол возразил на это, что, хотя он и имеет от своего правительства инструкции поддерживать проект Пико и Сайкса, но сомневается, чтобы на основании этих инструкций он бы мог относиться к проекту, как к «affaire faite» [2]).

27 февраля.

Португальский посланник посетил С. Д. Сазонова и сделал министру сообщение об объявлении Германией войны Португалии [3]).

27 февраля.

Вследствие наших возражений против проникновения французов в Урмийский район Сайкс на следующем своем свидании с министром предложил новую комбинацию, отметив ее на карте. В силу этой комбинации французы вместо приобретений в Урмийском районе получили бы компенсации в Малой Армении, в области треугольника Сивас-Харпут-Кессария. Сайкс высказал мысль, что французы со своей стороны согласились бы на его новую комбинацию. Он указывал при этом, что та часть Армении, которая предназначается нам, населена мирным элементом, своего рода феодальными землевладельцами, на которых Россия вполне может опереться в будущем. Он указывал также и на то, что нам не следует слишком опасаться французов, ибо они обычно чересчур эксплоатируют местное население и не умеют возбуждать его симпатий к себе как к нации.

Из разговора с Бьюкененом и Сайксом у министра создалось определенное убеждение, что английское правительство со своей стороны не очень сочувствует слишком глубокому проникновению французов в Малую Азию.

28 февраля.

Отъезд г-на Филипеско из Петрограда.

За время своего пребывания в Петрограде г-н Филипеско посетил, кроме министра иностранных дел, председателя Совета Министров и военного министра, а также Государственную Думу. Он осматривал достопримечательности города, особенно интересовался придворной конюшней и бывал в театре, пока смерть румынской королевы не заставила его отказаться от появления в нем. Последнюю неделю г-н Филипеско по нездоровью провел почти безвыездно в гостинице.

---

[1]) «Заключенном соглашении».

[2]) «Решенному делу».

[3]) Об объявлении Германией войны Португалии сообщалось в секр. телеграмме Боткина из Лиссабона от 25/II 1916 г. (без №), полученной в министерстве ин. дел 29/II 1916 г.

29 февраля.

На свидании министра с английским послом и сэром М. Сайксом 29 февраля разговор коснулся двух вопросов: 1) разграничения Малой Азии и 2) Палестины и еврейского вопроса.

По первому вопросу Сайкс указал, что, если мы уступим, согласно его мысли, французам взамен местности в районе Урмийского озера территорию в области треугольника Сивас-Харпут-Кессария, между нами и французами фактически образуется буфер, и французское влияние на деле не распространится на эту сферу.

Переходя к вопросу о судьбе Палестины [1]), Сайкс заметил, что до своего отъезда из Лондона он виделся с известным сионистом, членом парламента, Саймоном. Последний говорил ему, что английские евреи допускают возможность установления европейского контроля над Палестиной; они помирятся также и с мыслью об английском генерал-губернаторе, но будут для себя требовать свободы колонизации в Палестине и полного равноправия в этой области. По словам Саймона, евреи вообще будут добиваться возвращения им родины при разрешении палестинского вопроса после войны.

Сайкс со своей стороны допускает также учреждение в Палестине, наряду с английским генерал-губернатором, французского, под условием однако, чтобы последнему было поручено исключительно заведывание полицией.

В заключение сэр М. Сайкс сообщил имеющиеся у него сведения о преследовании армян в Турции. По его данным, за последнее время было вырезано в Армении и выселено из нее около 800 000 человек. Мужское население в возрасте от 18 до 43 лет было целиком выведено из этой области; женский же элемент направлен в персидские владения и на юг, в Месопотамию.

1 марта.

У министра, под его председательством, состоялось совещание, на котором присутствовали товарищ министра А. А. Нератов, советник первого политического отдела и начальник канцелярии министра, советник второго политического отдела и сэр М. Сайкс.

Сайкс еще раз показал по карте изменения, которые, по его мнению, можно было бы внести в первоначальный проект раздела Малой Азии, вследствие наших возражений против французского вклинения в русско-персидскую границу.

---

[1]) Вопросу о поселении евреев в Палестине и внутреннем управлении ее посвящена памятная записка, переданная Бьюкененом Сазонову 29/II (13/III) 1916 г. (см. «Раздел Азиатской Турции», стр. 161—162).

Если мы согласимся на компенсации для Франции в районе Сиваса, то получающийся таким образом раздел турецких земель будет, по мнению Сайкса, соответствовать историческому делению Армении. Франция получила бы Малую Армению (Armenia romana), в то время как к нам перешла бы часть Армении, находившаяся раньше под персидским владычеством. Таким образом, под русской властью оказалось бы большинство курдов, лазов, кызылбашей и других кочевых племен, с которыми сравнительно легко ладить и которые, с точки зрения государственной безопасности, представляют более надежный и удобный элемент [1]).

Далее разговор коснулся евреев. Сайкс указал, что евреи в настоящий момент ведут сильную агитацию против русских. На этот раз Сайкс говорил, что, хотя евреи и согласились бы, повидимому, с проектом учреждения английского генерал-губернатора, но определенно будут возражать против французского и не пойдут также и на интернационализацию Палестины.

По мнению Сайкса, от обещаний евреям зависит также в значительной мере поведение Америки.

В ответ на заявления Сайкса министр указал последнему, что Россия не относится к сионизму отрицательно и что русское правительство, наоборот, сочувствовало бы водворению иудеев в Палестине, при условии однако, чтобы не были затронуты права и привилегии святых мест. В настоящее время, по словам министра, палестинский вопрос еще недостаточно назрел.

4 марта.

Сэр М. Сайкс был вызван в министерство, где его спросили, как знатока Малой Азии, возможно ли было бы в будущем соединить железнодорожным путем Трапезонд с Ангорой, минуя территориальный район между Сивасом, Харпутом и Кессарией. Сайкс ответил утвердительно.

4 марта.

24 февраля 1916 г. императорскому послу в Париже были протелеграфированы инструкции относительно тех общих начал, которыми он мог бы руководствоваться на предстоящей дипломатической конференции в Париже [2]). В этих инструкциях, между прочим, ука-

[1]) Сайкс доверительно сообщил, что в разговоре с г. Пико он затронул вопрос о предоставлении России Битлиса и его округа с вознаграждением Франции путем предоставления ей Сиваса и прилегающего округа и что французский уполномоченный не возражал против такого предположения. [Примечание подлинника, написано карандашом.]

[2]) Секр. тел. Сазонова от 24/II 1916 г. за № 948 на имя посла в Париже гласила: «На предстоящей конференции вы могли бы руководствоваться следующими

зывается, что необходимо настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения.

Между тем сведения о возможных попытках Германии привлечь на свою сторону поляков с целью провести набор рекрут в Царстве Польском сильно обеспокоили французское правительство, и 2 марта г. Камбон спросил А. П. Извольского, как отнеслось бы русское правительство к совместному выступлению союзников в подтверждение тех обещаний, которые Россия дала полякам. Посол ответил г-ну Камбону, что императорское правительство не могло бы согласиться на такое предложение. На следующий день, 3 марта, г. Камбон познакомил А. П. Извольского с текстом телеграммы, отправленной по этому предмету г-ну Палеологу (Париж, № 178), и высказал убеждение, что г. Палеолог исполнит возложенное на него поручение с должной осмотрительностью.

Французский посол сделал предписанное сообщение при свидании с министром 4 марта. Коснувшись вопроса о Польше, г. Палеолог сказал С. Д. Сазонову, что, по поручению Бриана, он может ему сообщить: «que cela ne fera même pas l'ombre d'une question» [1]), так как французское правительство вполне присоединяется к установленной императорским правительством точке зрения в отношении Польши [2]).

общими началами. Заключенные между союзниками за время войны политические соглашения должны оставаться незыблемыми и пересмотру не подлежат. Сюда относится наше соглашение с Францией и Англией о Константинополе, проливах, Сирии и Малой Азии, а также Лондонский договор с Италией. Всякие предположения о будущем размежевании Средней Европы в настоящую минуту преждевременны, но вообще нужно помнить, что мы готовы предоставить Франции и Англии полную свободу в определении западных границ Германии, рассчитывая, что, в свою очередь, союзники предоставят нам равную свободу в разграничении с Германией и Австрией. Необходимо особенно настаивать на исключении польского вопроса из предметов международного обсуждения и на устранении всяких попыток поставить будущее Польши под гарантию и контроль держав. В отношении скандинавских государств следует стремиться к удержанию Швеции от враждебного нам выступления и вместе с тем заблаговременно обсудить меры к привлечению на нашу сторону Норвегии на случай, если бы не удалось предотвратить войну со Швецией. Румынии уже были предложены все политические выгоды, могущие побудить ее взяться за оружие, а потому изыскивать в этой области новые приманки совершенно бесполезно. Вопрос о вытеснении немцев с китайского рынка имеет весьма важное значение, но, так как разрешение его невозможно без участия Японии, предпочтительно подвергнуть его обсуждению лишь на экономической конференции, где будут японские представители. Это не исключает желательности предварительного обмена мнений по сему предмету между Россией, Францией и Англией дипломатическим путем». (Секр. архив инв. № 1703.)

[1]) «Что здесь не будет даже и тени вопроса».

[2]) В секр. тел. от 3/III 1916 г. за № 178 Извольский сообщал, что французское правительство очень обеспокоено усилиями Германии путем различных

12 марта.

12 марта министр иностранных дел пригласил к себе румынского посланника. С. Д. Сазонов обратил внимание посланника на то недоверие к России и отсутствие желания достигнуть дружественного согласования политики Румынии и России, которые все более начи-

---

мероприятий привлечь на свою сторону поляков. «Камбон несколько раз, — писал он, — заговаривал со мною о необходимости противодействовать этим усилиям и вчера, якобы от своего имени, но на самом деле по поручению Бриана, спросил меня, как, по моему мнению отнеслось бы императорское правительство к мысли о коллективной демонстрации союзников в подтверждение обещанных нами полякам объединения и автономии. Я самым решительным образом высказал Камбону, что подобная мысль для нас абсолютно неприемлема, ибо русское общественное мнение никогда не согласится на перенесение польского вопроса на международную почву. Я присовокупил, что, предоставляя Франции полную свободу разрешить по собственному усмотрению вопрос об Эльзасе и Лотарингии, мы, со своей стороны, вправе ожидать, что и нам будет предоставлена такая же свобода в вопросе польском. На замечание Камбона, что возможно изыскать формулу декларации, в которой наряду с Польшей были бы упомянуты и Эльзас и Лотарингия, я ответил, что, по моему глубокому убеждению, и на подобную постановку вопроса мы не могли бы согласиться. Сегодня Камбон ознакомил меня с текстом телеграммы, отправленной по настоящему предмету Палеологу. Из этой телеграммы, передаваемой мною за № 2, вы изволите убедиться, что заявления мои были приняты Брианом в должное внимание и что из нее исключено всякое упоминание о коллективной демонстрации союзников. В разговоре со мною Камбон высказал, что и в настоящем своем виде подобное обращение к России, по личному его мнению, является несколько деликатным, но что он убежден, что Палеолог проявит по сему поводу должную осмотрительность».

Текст телеграммы, с которым ознакомил Извольского генеральный секретарь французского министерства ин. дел Жюль Камбон и которая была отправлена на имя Палеолога за подписью Бриана, передавался Извольским Сазонову секретною телеграммой от 3 (16) III 1916 г. за № 179—№ 2. Текст этот носил следующую редакцию:

«Вы указали мне на намерения царя и российского правительства в вопросе о Польше. Французское правительство знает и ценит либеральные чувства российского императора и заявления, сделанные от его имени в начале войны.

Имея в виду ловкую пропаганду немцев и недавние мероприятия, с помощью которых они стремятся склонить на свою сторону польское общественное мнение и усилить приток новобранцев, мы не сомневаемся, что российское правительство сумеет с своей стороны принять нужные меры и сделать заявления, способные успокоить польский народ и сохранить его верность России. Мы можем только предоставить нашей союзнице самой действовать с той мудростью и либерализмом, которые необходимы при данных обстоятельствах». (Перев. с франц., сдел. в Архиве Ви. Пол.)

В секр. тел. от 6/III 1916 г. за № 187 Извольский, отмечая, что телеграмма Бриана была отправлена под давлением парижских политических кругов, подверженных влиянию польской пропаганды, сообщал вместе с тем, что в своей ответной телеграмме Палеолог заверял Бриана в «мудрости и либерализме» русского правительства. (Секр. архив, инв. № 1666.)

нают сказываться в деятельности правительства Братиано. Румынское правительство постоянно обвиняет нас в некоторого рода недоброжелательстве, что не может не повлиять на отношение России к вывозу в Румынию. Равным образом, переговоры с полковником Татариновым далеко не представляются налаженными. Необходимо содействие Братиано для правильного ведения и успешного завершения этих переговоров.

17 марта.

Назначенное по высочайшему повелению Особое Совещание под председательством председателя Совета Министров собралось 17 марта 1916 года в 9 часов вечера в доме министра внутренних дел. На нем присутствовали, кроме Б. В. Штюрмера, министр иностранных дел, морской министр, за военного министра помощник его генерал-от-инфантерии Беляев, представитель наместника е. и. в. на Кавказе статс-секретарь Никольский, тов. м. и. д. гофм. Нератов, генерал-квартирмейстер Леонтьев, советник второго политического отдела министерства иностранных дел Петряев, первый секретарь миссии в Тегеране Минорский и управляющий делами Совета Министров Лодыженский.

Предметом обсуждения Совещания было рассмотрение англо-французского предложения касательно разграничения будущих владений России, Франции и Англии и зон влияний в Азиатской Турции в случае ее раздела.

В начале заседания министр иностранных дел изложил основные положения англо-французского проекта (см. памятную записку от 25 февраля), с указанием на карте предположенных границ. Им было разъяснено, что первоначальные французские предложения относительно расширения французских владений вдоль будущей нашей малоазиатской границы до Урмийского озера встретили возражения со стороны министерства иностранных дел, с которыми французское посольство согласилось. Таким образом первоначальный проект был изменен в смысле уступки нам французами области около Урмийского озера в обмен на увеличения французских владений в сторону Малой Армении (см. на карте при деле).

Представители морского и военного министерств, а также наместника его императорского величества на Кавказе не возражали по существу означенного соглашения, разделяя мнение министра иностранных дел, что будущая судьба Аравийского халифата и устройство областей к югу от русской границы в Малой Азии, за исключением святых мест в Палестине, мало затрагивают интересы России. Решено лишь со стороны Урмии установить такую границу между русскими и французскими владениями, которая обеспечивала бы

России владение важнейшими перевалами и проходами и стратегическими позициями.

Что касается до определения западной русской границы в Малой Азии, то на вопрос министра иностранных дел, от каких пунктов на Черном море было бы желательно и выгодно для нас ее провести, морской министр высказал мнение, что для России необходимо добиваться владения возможно длинной береговой полосой, и, как на конечный пункт, указал на Синоп. Генерал Беляев высказал мнение, что овладение узкой береговой полосой, конечно, желательное в принципе, будет тогда лишь иметь практическую цену, если эта полоса обеспечивается соответствующей ее длине тыловою областью; в противном же случае такое удлинение границы без опорных пунктов внутри страны нежелательно, так как вызовет чрезмерные и безрезультатные расходы по ее укреплению. Министр иностранных дел с своей стороны указал на то, что еще до войны французы, вследствие отказа от постройки железных дорог в области, примыкающей к нашему Закавказью, получили наше согласие на концессию железнодорожной линии Самсун — Сивас. Присоединение же к нашим владениям Синопа приведет к необходимости для нас добиваться от французов отказа от вышеназванной концессии, так как иначе осуществление ее имело бы место на русской государственной территории, что, конечно, недопустимо. Добиваться добровольного отказа французов от этой концессии, которой они чрезвычайно дорожат и которую не уступят ни за какие деньги, совершенно невозможно.

Участники Совещания вполне согласились с высказанными министром иностранных дел соображениями, но выразили пожелание, чтобы, тем не менее, конечный западный пункт русско-турецкой границы был отнесен к какому-либо порту или гавани между Самсуном и Трапезондом. Наиболее подходящим для этого было признано мест. Терме. В таком случае русская граница направилась бы от этого пункта приблизительно на Карахисар (Шабханэ). До принятия окончательного решения по этому вопросу морской министр выразил желание представить особую записку. Представитель наместника его императорского величества на Кавказе обратил внимание Совещания на то, что разделение Армении на две части, из которых одна отойдет к России, а другая к Франции, вызовет неудовольствие и протесты армян и агитацию на Кавказе. Министр иностранных дел разъяснил, что такое разделение соответствует топографическим особенностям местности и вероисповедной группировке армян. Кроме этого, если невозможно создать единую Армению, то для самих армян лучше, чтобы часть их, остающаяся вне России, принадлежала культурной

Франции, а не Турции, причинившей им столько несчастий. Совещание с этим вполне согласилось.

На просьбу представителя наместника на Кавказе о том, чтобы при окончательном разграничении в Малой Азии был бы урегулирован вопрос о Муганской степи (лежащей в Персии и примыкающей к нашим будущим малоазиатским владениям), министр иностранных дел ответил обещанием иметь это в виду [1]).

Следующее Совещание было назначено через неделю [2]).

22 марта.

Между советником второго политического отдела и г-ном Пико состоялся обмен мнений по поводу неточностей, допущенных во французской ноте от 18(31) марта 1916 г. в вопросе об определении границы и признании капитуляций в малоазиатских территориях, которые будут присоединены к России. Советник второго политического отдела и г. Пико условились составить проекты дополнительных писем, которыми обменяются министр иностранных дел и французский посол для исправления этих неточностей [3]).

22 марта.

На всеподданнейшем докладе в Царском Селе министр излагал полученные из-за границы сведения, указывающие на необходимость оказания помощи бедствующему населению занятых неприятелем польских областей (записка гр. Велепольского [4]) со слов князя Любомирского [5]).

Это подало повод к тому, чтобы также затронуть вообще польский вопрос, причем С. Д. Сазонов указывал на желательность более определенных заявлений об отношении России к будущности Польши. Выслушав министра весьма внимательно, государь отметил крайнюю сложность данного вопроса и высказал мнение, что к разрешению его необходимо приступить с большой осторожностью. С. Д. Сазонов испросил разрешение поручить разработать в министерстве иностранных дел некоторые его соображения для освещения этого вопроса.

---

[1]) Протокол заседания Особого Совещания 17/III 1916 г. опубликован в кн. «Раздел Азиатской Турции», стр. 172—174.

[2]) Следующее заседание Особого Совещания состоялось 28/III 1916 г. (см. там же, стр. 174—175).

[3]) Связанную с этим вопросом переписку см. в сб. «Раздел Азиатской Турции». стр. 175—188.

[4]) Гр. С. И. Велепольский — польский политический деятель; председатель «польского коло» в Государственном Совете.

[5]) Кн. С. Любомирский — польский политический деятель, консерватор.

5 апреля.

К барону Шиллингу явились состоящие ныне помощниками командира Чешско-Словацкого Стрелкового полка [1]) гг. Тучек и Рейман, приехавшие с фронта на несколько дней в Петроград. Указав на достигнутый ими успех в образовании чешских дружин в России, они сообщили о возникшей у них мысли образовать такие же дружины для действий либо на итальянском, либо на македонском фронте из числа чехов, попавших в руки итальянцев, а также чехов-военнопленных, перевезенных из Сербии в Италию. По словам гг. Тучека и Реймана, они изложили уже свои предположения итальянскому военному агенту на ставке верховного главнокомандующего и встретили со стороны подполковника Марсенго полное сочувствие. По его же указанию, они желали бы теперь доложить свою мысль итальянскому послу и просили содействия барона Шиллинга для получения доступа к последнему. Случайно в то самое время, как они говорили об этом, итальянский посол позвонил к барону Шиллингу по телефону, чтобы переговорить о другом деле, и барон Шиллинг воспользовался этим, чтобы тотчас устроить представителям чешской дружины свидание с маркизом Карлотти.

Прежде, чем проститься с бароном Шиллингом, названные чешские деятели высказали еще одну просьбу, а именно: указав на важность для чехов знать доподлинно намерения императорского правительства в отношении будущности Чехии, они высказали пожелание получить на этот счет какое-нибудь авторитетное заявление.

Подобное желание высказывалось и другими чехами уже неоднократно. Как и прежде в подобных случаях, барон Шиллинг ответил гг. Тучеку и Рейману, что подобное заявление могло бы быть сделано им лишь министром иностранных дел, но что С. Д. Сазонов находит, что время для этого еще не наступило. Чехам должно быть известно, что Россия, неизменно относящаяся к ним благожелательно, будет всегда готова оказать им возможную поддержку, но будущность Чехии в значительной степени зависит от того, как сложатся обстоятельства при окончании нынешней войны. Кроме того, прежде чем высказаться на этот счет, России нужно знать, что именно составляет предмет стремлений чешского народа. Надо сознаться, что обращающиеся в министерство иностранных дел разные представители живущих в России чехов далеко не единодушны в этом отношении, не говоря уже о том, что никто из них не имеет полномочий, в силу кото-

[1]) Приказом верховного главнокомандующего от 29/I 1915 г. была учреждена запасная добровольческая чешско-словацкая дружина, в конце 1915 г. переименованная в Чешско-Словацкий Стрелковый полк.

рых они могли бы считаться представителями чешского народа. Поэтому необходимо обождать, пока Чехия не будет занята русскими войсками и чехи не получат возможности свободно и ясно определить свои вожделения. Только тогда Россия, узнав доподлинно пожелания чехов, будет в состоянии определить свое к ним отношение.

Гг. Тучек и Рейман не могли не признать справедливости сказанного о недостаточном единодушии и отсутствии полномочий у пребывающих здесь чехов. Они указали лишь на то, что полномочными истолкователями чешских чаяний могут считаться Масарик и Дюрих, которые, по их словам, намерены вскоре прибыть в Россию. Сообразно с этим они высказали надежду, что, быть может, русское правительство найдет возможным сделать желательное для них заявление по выслушании названных чешских деятелей [1]).

5 апреля.

Во время обычного посещения министра иностранных дел французский посол прочел С. Д. Сазонову полученную им из Парижа телеграмму, в которой г-н Бриан, указывая на нежелание французского правительства вмешиваться в польский вопрос, вместе с тем указывал на то, что, вопреки стараниям правительства республики, этот вопрос постоянно обсуждается известной частью французской печати и общества под влиянием живущих во Франции многочисленных поляков. Сомневаясь в возможности помешать этому одними лишь запретами, г. Бриан предлагал услуги французского правительства для направления общественной мысли в этом отношении в желательном для нас смысле, под условием, чтобы ему были сообщены определенные данные о намерениях русского правительства касательно будущего устройства Польши.

В последовавшем по этому поводу разговоре С. Д. Сазонов, выражая признательность за добрые намерения г-на Бриана, настойчиво отклонял его предложения, ссылаясь на твердое намерение России считать польский вопрос предметом исключительно ее ведения и указывая на опасность для самих дружеских взаимоотношений между Россией и Францией какого бы то ни было вмешательства последней в настоящее дело. Министр напомнил даже, что охлаждение между

---

[1]) Проф. Масарик — член австрийского парламента, лидер чешской партии реалистов, председатель Чешско-словацкого национального совета в Лондоне, являвшегося организационным центром чешско-национального движения в эпоху войны; приезжал в Россию в мае 1917 г. Дюрих — член австрийского парламента, один из лидеров чешской партии аграриев; в качестве представителя Чешско-словацкого национального совета прибыл в Россию в июне 1916 г., приняв крайнюю руссофильскую ориентацию, вступил в борьбу с Масариком и был лишен данного ему Ч.-с. н. с. мандата.

Петербургским и Парижским дворами, вызванное политикой Наполеона III в 1863 году, сыграло несомненную роль в последующих событиях, приведших Францию к Седану.

6 апреля.

Вызвав румынского посланника, министр указал ему на крайне неблагоприятное впечатление, произведенное в России известием о заключенном Румынией с Германией соглашении [1]), за экономической стороной которого поневоле заподозриваются секретные политические статьи. Г. Диаманди, по обыкновению, сослался на полную свою неосведомленность, но в то же время он отрицал политический характер соглашения и оправдывал его заключение тяжелым экономическим положением Румынии.

В тот же день из ставки прибыл полковник Татаринов, который с вокзала прямо проехал в генеральный штаб для доклада, затянувшегося несколько часов. Уже в 8-м часу вечера он приехал оттуда к барону Шиллингу, чтобы изложить итоги своих недавних переговоров в Бухаресте. По его словам, он был принят румынами весьма любезно, но долго переговоры тянулись довольно безрезультатно, и лишь когда полковник собрался ехать в Россию для доклада, с ним заговорили более конкретно. Суть достигнутого соглашения сводилась к следующему: когда последует общее наступление союзников, Россия должна занять Буковину по линии Дорна-Ватра — Кирли Баба — Селегин, после чего лишь Румыния объявит войну Австро-Венгрии, и тогда русские войска должны будут занять Добруджу для защиты ее от болгар и освобождения стоящих там румынских войск, которые будут переброшены в качестве резерва на венгерскую границу.

Так как все переговоры по этому поводу велись устно, полковник Татаринов пожелал перед отъездом закрепить их итоги, вызвав на соответствующее заявление самого Братиано. Посетив его с этой целью накануне отъезда, он повторил ему все вышесказанное и был немало удивлен, когда Братиано, внимательно его выслушав, вдруг заявил, что этих условий недостаточно для выступления Румынии, так как Россия должна обязаться не только защищать Добруджу, но и повести энергичное наступление на болгар и занять Рущук. На возражения Татаринова, что об этом никогда не было речи, Братиано ответил, что, наоборот, он всегда имел в виду и это условие.

[1]) Соглашением, заключенным Румынией с центральными державами 21/III 1916 г., предусматривался вывоз из Румынии в Австрию продуктов продовольствия в количестве 100 000 вагонов кукурузы и 40 000 вагонов пшеницы. 1/IV 1916 г. было заключено отдельное румыно-германское соглашение об обмене между странами продуктов производства за исключением предметов военного снаряжения.

Съездив немедленно к генералу Илиеско, с которым собственно велись им переговоры, полковник Татаринов был еще более удивлен, когда, указав ему на происшедшее, повидимому, с Братиано недоразумение, он услышал от генерала, что последний, будто бы, также всегда имел в виду русское наступление на Рущук. Когда полковник заметил ему, что между ними об этом никогда и не упоминалось, генерал Илиеско ответил просто, что, может быть, он не говорил об этом с Татариновым, но всегда указывал на это «всем другим». На это, конечно, Татаринов мог лишь возразить, что переговоры-то велись с ним, а не «с другими». Как бы то ни было, ввиду этого неожиданного поворота дела, результаты переговоров являются еще более шаткими.

На вопрос барона Шиллинга, как он себе объясняет случившееся, а именно, следует ли в этом видеть обычный прием Братиано, желающего ускользнуть от соглашения, как только таковое налаживается, или нужно искать связи между поступком румын и заключенным ими к этому времени соглашением с Германией, полковник Татаринов ответил, что он склонен остановиться на первом из этих двух предположений, хотя не может не признаться, что по времени неожиданный поворот Братиано совпал с заключением румыно-германского соглашения.

В 9 часов вечера министр иностранных дел принял полковника Татаринова, который изложил ему все вышесказанное, прибавив, кроме того, свои сведения о военном положении в Турции, которое он, повидимому, считает для нас вполне благоприятным [1]).

10 апреля.

Французский посол приехал утром к барону Шиллингу и сказал, что им только-что получена телеграмма из Парижа в ответ на ту, в которой он, Палеолог, дал отчет о своем разговоре с министром по польскому вопросу. Хотя в означенном разговоре посол лишь исполнил возложенное на него поручение, г-н Бриан выразил ему ныне упрек за то, что он коснулся этого вопроса при существующей столь неблагоприятной для этого в России почве, и просил его более к разговорам об этом предмете не возвращаться.

16 апреля.

Румынский посланник сообщил советнику второго политического отдела о том, что Братиано поручил ему разъяснить смысл и значе-

[1]) О переговорах, которые вел Татаринов в Бухаресте, повествуется также в записке директора дипломат. канцелярии ставки Базили, опубликованной в XXVIII т. «Красного архива», стр. 44—46.

ние заключенной с германцами сделки. По словам г-на Диаманди, Румыния нуждалась в получении некоторых предметов промышленности и мануфактуры, заказы на которые в Германии были сделаны уже давно, главным же образом паровозов и вагонов. Германия согласилась выпустить все эти предметы на условиях заключения экономического соглашения, в силу которого Румыния обязывалась разрешить пропуск в Германию продовольствия постольку, поскольку это было связано с соблюдением Румынией нейтралитета. Никакого политического соглашения этой сделкой не прикрывается, и экономические выгоды, получаемые Германией и даже Румынией, совершенно ничтожны. Г-н Диаманди признал однако, что, конечно, лучше было бы этого соглашения не заключать и что, раз правительство его заключило, то оно должно было предупредить об этом представителей Четверного Согласия. Диаманди передал просьбу своего правительства о том, чтобы Россия не принимала никаких запретительных мер по отношению к румынскому вывозу, подчеркнув, что самый факт постоянного обращения Румынии за разрешениями провоза предметов военного снаряжения указывает на приверженность ее к России и что, если бы Румыния питала какие-либо враждебные замыслы против Четверного Согласия, то тогда ей бы оружие предоставляла Германия. Он просил также о воздействии на печать для прекращения антирумынской агитации, причем высказал мнение, что приведенных им аргументов и объяснений достаточно, чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, произведенное на русское общественное мнение румыно-германским торговым соглашением. Что касается, в частности, вывоза лошадей, то, по мнению Диаманди, в печати можно было бы разъяснить, что Румыния всегда являлась старой и верной клиенткой России в этом отношении; следовательно, закупка лошадей не должна тревожить русское общественное мнение.

А. М. Петряев [1]) сказал, что он принимает к сведению заявления румынского посланника, доложит о них министру, но в то же время высказал мнение, что объяснения эти не рассеивают исчерпывающим образом всех сомнений и подозрений, порожденных румыно-германским торговым соглашением. Так, указание на ничтожность результатов от этого экономического соглашения для Германии и Румынии, подчеркнутое посланником, скорее наводит на мысль, что за ним скрывается какая-то другая политическая сделка. Русское правительство, считаясь с тревогой, возникшей в печати и общественном мнении под влиянием этого соглашения, принуждено теперь относиться с величайшей осторожностью и осмотрительностью к вопросам о ру-

[1]) А. М. Петряев — советник второго политического отдела мин. ин. дел.

мынском вывозе до окончательного выяснения обстоятельств, при которых состоялась вышеозначенная сделка. Печати уже были сделаны некоторые разъяснения, но одни академические соображения делу помогут мало. Ссылка на то, что Румыния была всегда старой клиенткой России, теперь не может быть особенно доказательна, после выступления против России еще более старой и связанной с нею клиентки — Болгарии.

В заключение беседы Диаманди и А. М. Петряев высказались в том смысле, что только время и обстоятельства могут окончательно рассеять подозрения и сомнения, возникшие около румыно-германского договора.

16 апреля.

Приезд Пашича.

17 апреля.

Посещение Пашичем министра иностранных дел.

19 апреля.

Посещение Пашичем гофмейстера Нератова и А. М. Петряева.

20 апреля.

Вторичное посещение министра Пашичем совместно с Иовановичем [1]).

21 апреля.

Государь император утром принимал Пашича и Иовановича, которые после этого были приглашены к высочайшему завтраку.

Высочайшая аудиенция английскому послу в Царском Селе [2]).

22 апреля.

Приезд гг. Вивиани и Тома [3]).

23 апреля.

Высочайшая аудиенция в Царском Селе гг. Вивиани и Тома в присутствии французского посла.

Посещение гг. Вивиани и Тома министра иностранных дел.

---

[1]) Л. Иованович — сербский политический деятель, министр внутренних дел в кабинете Пашича во время мировой войны.

[2]) По словам Бьюкенена, во время аудиенции был затронут ряд вопросов, в частности — о наступлении Брусилова, о мерах к улучшению русского железнодорожного транспорта и о возможности тесного экономического сближения между Россией и Англией после войны. См. Дж. Бьюкенен, «Мемуары дипломата», стр. 150.

[3]) О приезде Вивиани и Тома в Россию см. М. Палеолог, «Царская Россия накануне революции», стр. 115—130. «Красный архив», т. XV, стр. 71 и т. XXVIII, стр. 49—50.

23 апреля.

Японский посол посетил С. Д. Сазонова и сообщил ему о состоявшемся обращении германского посланника в Стокгольме к японскому посланнику г. Ушида с просьбой о содействии японского правительства к заключению мира между Германией, Россией и Японией. При этом барон Мотоно передал памятную записку с подробным описанием двух свиданий г. Луциуса с г. Ушида.

Министр иностранных дел уже ранее был осведомлен из весьма секретного источника об обращении г. Луциуса к японскому посланнику в Стокгольме. Те же сведения перед тем были сообщены ему и английским послом, который был весьма доверительно уведомлен об этом сэром Э. Грэем.

Выслушав японского посла, министр ответил ему, что был бы готов обсудить германские мирные предложения под условием, чтобы таковые были одновременно сделаны России, Франции, Англии и Японии. Обращение германского правительства к Италии не представляется необходимым, так как она не объявила войны Германии, но, разумеется, союзники не скроют от нее германских предложений.

26 апреля.

Приехав к барону Шиллингу, великобританский посол осведомился об имеющихся в министерстве иностранных дел сведениях о настроении в Швеции, прибавив, что полученное им из Стокгольма известие скорее тревожного характера. В подтверждение этих слов он сообщил содержание нескольких телеграмм английского посланника в Швеции Хоуарда.

По этому поводу сэр Дж. Бьюкенен, оговорившись, что высказывает только личное свое мнение и говорит не по поручению своего правительства, развил следующие мысли: за последнее время главным оружием в руках шведских активистов является вопрос о возведенных Россией укреплениях на Аландских островах [1]). Вполне понимая, что русские военные власти не могли поступить иначе и во все время

[1]) Согласно так называемой Аландской конвенции 1856 г. Швеции была гарантирована со стороны Англии и Франции территориальная неприкосновенность, и тогда же русское правительство обязалось не укреплять Аландских островов и не устраивать на них никаких военных сооружений. В 1906—1907 гг. Россией был поднят перед Англией и Францией вопрос об освобождении островов от наложенных на них соглашением 1856 г. сервитутов. В 1914 г., после возникновения империалистской войны, поскольку, в связи с закрытием Дарданелл, пути через Швецию и шведские воды оказались главными путями сообщения между Россией и Англией, вопрос об Аландских островах приобрел для русского правительства особо важное значение. В конце 1914 г. шведское правительство обратилось

войны не могут отказаться от укрепления названных островов, безотносительно к вопросу, насколько такой образ действий соответствует заключенным касательно этих островов договорам, посол спрашивает себя, не следовало ли бы принять безотлагательно меры к тому, чтобы на этой почве не разгорелась агитация, могущая привести к войне с Швецией. Принимая во внимание, что, с точки зрения интересов союзников, необходимо сделать все возможное для избежания такой войны, не следует ли своевременными успокоительными заявлениями в Стокгольме отнять почву у означенной агитации? Посол опасается, что в случае обострения положения все равно придется, быть может, сделать подобное заявление, когда таковое, пожалуй, окажется уже запоздалым и неспособным предотвратить события. В представлении сэра Дж. Бьюкенена подобное заявление могло бы заключаться в заверении со стороны России, что по окончании войны укрепления на Аландских островах будут вновь снесены, причем эти заверения могли бы быть подкреплены со стороны Англии и Франции, примерно, следующим заявлением в Стокгольме: «Великобританское (французское) правительство имеет основание утверждать, что укрепления на Аландских островах носят лишь временный характер; Россия была вынуждена возвести их, чтобы оградить себя от нападения со стороны Германии, и намерена, как только кончится война, вновь попрежнему сообразоваться с декларацией, заключающейся в трактате 1856 г.».

Барон Шиллинг возразил послу, что последние известия, полученные от императорского посланника в Стокгольме, носят более успокоительный характер. Что же касается предлагаемого послом заявления касательно будущего положения на Аландских островах, то министр иностранных дел, очевидно, не мог бы сделать такового иначе, как по соглашению с военными и морскими властями, а последние, надо думать, едва ли решатся ныне же связать себя в этом отношении на будущее время. Нынешняя война показала все значение

к Германии с предложением нейтрализовать Аландский архипелаг и, получив отказ, вступило в переговоры с Россией.

В декабре 1914 г. для «предотвращения» возможного захвата островов немцами русское правительство решило принять меры по их укреплению, о чем тогда же через русского посланника в Стокгольме поставило в известность шведское правительство (31/XII 1914 г.), гарантировав обеспечение развития торговых сношений между Швецией и Россией. Шведский министр ин. дел сообщил посланнику, что Швеция не протестует против принимаемых Россией на островах военных мероприятий, обещает русское заявление держать в тайне и, в случае, если принимаемые русским правительством мероприятия получат огласку, — успокоить общественное мнение. (Письмо Сазонова Григоровичу от 5/I 1915 г. № 5. Секр. архив, дело «Аландские острова», инв. № 583.)

Аландских островов, без обладания ими и укрепления их Россия не могла бы отразить германского натиска на финляндское побережье. Неизвестно, не потребуется ли по окончании нынешней войны принять на основании приобретенного опыта новые меры к ограждению себя от опасности с этой стороны. Во всяком случае, заявление в предложенной послом редакции со ссылкою на договор 1856 г. представляется барону Шиллингу неприемлемым уже ввиду самой редакции означенного договора, допускающей чрезмерно распространительное толкование. Действительно, в 1856 г. Россия отказалась от права возведения на Аландских островах всяких военных сооружений — «etablissement militaire»; между тем под этим выражением можно понимать даже радиостанцию, установление которой может оказаться совершенно необходимым.

Посол с улыбкой заметил, что в настоящую минуту главное — избежать войны с Швецией, а впоследствии, несомненно, можно будет найти не один предлог для оправдания новых укреплений на Аландских островах, если в этом окажется потребность.

Вышеизложенный разговор в тот же день был передан бароном Шиллингом министру, который, признав затруднительность принятия предложения сэра Дж. Бьюкенена, высказал мнение, что со стороны России достаточно сделанного уже им, министром, здешнему шведскому посланнику 23 сентября 1915 г. заявления (см. исх. телеграмму № 4952 от 1915 г.) [1]), что шведы должны судить о будущем по прошлому: подобно тому, как до сих пор Россия не пользовалась Аландскими островами для враждебных против Швеции действий, так и впредь она не намерена ими пользоваться для подобных целей. Если союзники считают ныне уместным со своей стороны подкрепить это заявление, то, по мнению С. Д. Сазонова, они могли бы сделать это только в виде неофициального и доверительного сообщения в Сток-

[1]) Секр. тел , Сазонова от 23/IX 1915 г за № 4952 на имя посланника в Стокгольме являлась ответом на сообщения последнего об имевших место фактах разглашения шведской печатью тех переговоров, которые велись по аландскому вопросу между Россией и Швецией в строго секретном порядке. Телеграмма эта гласила: «Ваши телеграммы №№ 354 и 355 получены. Вызвав шведского посланника, я выразил ему удивление по поводу обнародованного в Стокгольме правительственного сообщения. Не возражая против неуместности такового, Брандстрем указал на важность для Швеции получить успокоительные заверения насчет наших намерений относительно Аландских островов в будущем. Я ответил, что нынешнее укрепление этих островов против Германии явилось военной необходимостью, а что о будущем шведы могут судить по прошлому, когда в течение целого века нашего владения островами они никогда не были обращены в угрозу против Швеции. Я прибавил, что пользуюсь случаем, чтобы лично подтвердить все вами неоднократно сказанное о дружественном расположении России к Швеции». (Секр. архив, дело «Аландские острова», инв. № 584.)

гольме приблизительно следующего содержания: «Англии (Франции) известно, что Россия была вынуждена укрепить Аландские острова лишь ввиду угрожавшей им опасности захвата со стороны Германии и что Россия не имеет ни малейшего намерения использовать эти острова для каких-либо враждебных действий против Швеции — «Les Gouvernements Alliés sont à même d'affirmer que la Russie n'a été obligée de fortifier les îles d'Aland que pour empêcher l'Allemagne de s'en emparer et n'a pas la moindre intention de se servir de ces îles comme base pour des actes hostiles quelconques contre la Suède».

27 апреля.

При обычном свидании с союзными послами министр иностранных дел сказал сэру Дж. Бьюкенену, что, ознакомившись с переданным им через барона Шиллинга предложением сделать от имени английского правительства успокоительное заявление в Стокгольме по вопросу об Аландских островах, он, министр, вполне сочувствует самой мысли о таком заявлении, но предпочел бы заменить предложенный послом текст другим текстом, который он тут же и передал послам: «Les Gouvernements Alliés sont à même d'affirmer que la Russie n'a été obligée de fortifier les îles d'Aland que pour empêcher l'Allemagne de s'en emparer et n'a pas la moindre intention de se servir de ces îles comme base pour des actes hostiles quelconques contre la Suède».

28 апреля.

Утром получены от императорского посланника в Стокгольме телеграммы №№ 252, I и II. С своей стороны, великобританский посол также получил тревожные телеграммы английского посланника в Стокгольме, содержание коих он сообщил министру иностранных дел.

Ввиду необходимости испросить высочайших указаний предварительно решения вопроса о том, можно ли дать шведскому правительству какие-либо обещания в смысле неукрепления Аландских островов после войны, посланнику в Стокгольме была отправлена телеграмма № 1971 с поручением передать шведскому министру иностранных дел успокоительные заверения общего характера с указанием на возможность «разговоров» по аландскому вопросу, когда уляжется поднятая ныне вокруг него шумиха [1]).

---

[1]) В середине апреля 1916 г. в шведской печати отмечается появление ряда статей, посвященных вопросу о положении Аландских островов и о той опасности, какая угрожает со стороны России этим островам, а вместе с тем и нейтралитету Швеции. В органе шведских активистов «Стокгольм-Дагблад» развивалась мысль о возможности выступления Швеции на стороне Германии. 20/IV в верхнюю палату

29 апреля.

Государю императору отправлена на ставку всеподданнейшая докладная записка министра иностранных дел с подробным изложением нынешнего положения аландского вопроса и ходатайством о высочайших указаниях, следует ли рисковать дальнейшими ослож-

---

рикстага социалистом проф. Стеффеном был внесен запрос об укреплении Россией Аландских островов и опасности, проистекающей отсюда для Швеции.

В секр. тел. от 27/IV 1916 г. за № 252 — I посланник в Стокгольме сообщал: «Ввиду усиливающейся агитации по поводу Аландских островов я имел вчера объяснение с Валленбергом, которое я счел нужным в тот же вечер подкрепить частным письмом, текст которого посылаю вашему высокопревосходительству завтра. В письме этом я выражаю пожелание, чтобы правительство, отвечая на запрос Стеффена, заклеймило непримиримую агитацию активистов, воздало бы должное корректному и дружественному поведению России, выразило бы при этом доверие к многократным и недвусмысленным заверениям нашим, словом, чтобы оно отмежевалось ясным образом от активистов. Все письмо мое написано в самом дружественном и спокойном тоне. Сегодня, опять-таки по моему желанию, я имел у Валленберга разговор с Хаммаршшольдом. Я недоволен результатом этого разговора: Хаммаршшольд все время старался выгораживать активистов, указывал на вопрос об укреплении нами Аландских островов как на источник понятного и извинительного волнения во всей стране, а не только в одной партии, что и дает, якобы, пищу агитации. «Ablata causa cedit effectus» — повторил он при этом дважды. В конце разговора и Хаммаршшольд и Валленберг выразили желание, чтобы мы согласились продолжать обмен мыслей об Аландских островах. Я ответил, что мы не имеем причин уклоняться от разговоров при нормальных условиях, но что сами шведы должны создать атмосферу, при которой единственно подобные разговоры были бы возможны; при нынешней атмосфере агитации и угроз, против нас направляемых, всякая уступка с нашей стороны явилась бы сдачей перед вымогательством, а на это у нас никто не пойдет».

В секр. тел. от 27/IV 1916 г. № 252—II тот же посланник писал: «Вот, что я думаю: во-первых, положение еще не опасно, но может всегда осложниться, и не столько вопросом об Аландских островах, сколько возможным конфликтом между правительством и большинством рикстага из-за вопросов внешней политики. В таком случае двор может поддаться искушению итти напролом, призвать активистский кабинет и объявить мобилизацию в целях обуздания рабочей партии. Во-вторых, некоторые, более определенные, заявления наши относительно Аландских островов после войны могут действительно успокоить серьезное общественное мнение и придать силу нынешнему правительству. Но, если бы мы пошли на это, то должны были бы поставить непременным условием предварительное прекращение агитации и честное и откровенное заявление правительства перед рикстагом о тех заверениях, которые мы уже дали. Ответ Валленберга на запрос Стеффена отложен, повидимому, до понедельника. Я считал бы весьма желательным и важным получить от вас следующие указания: во-первых, могу ли я разрешить Валленбергу воспользоваться моими ему сообщениями от 8 января и 14 октября 1915 года; во-вторых, — могу ли я сообщить ему, что мы не отказываемся от дальнейших «разговоров», но только непременно на вышеупомянутых условиях».

Ответная тел. Сазонова от 28/IV 1916 г. № 1971 гласила: «Благоволите прежде всего напомнить Валленбергу его обещание постараться успокоить обществен-

нениями, до вооруженного столкновения со Швецией включительно, или положить конец нынешнему возбуждению в Швеции путем обещания не вооружать названных островов по окончании войны, постаравшись, быть может, получить взамен этого даже соответствующее обязательство со стороны шведов сохранить нейтралитет до конца войны [1]).

ное мнение, если бы оно обнаружило тревогу вследствие огласки наших оборонительных мер на Аландских островах (ваша телеграмма сего года № 1). Затем попросите его заявить в риксдаге, что еще до принятия таких мер вам было поручено разъяснить шведскому правительству их значение и дать самые успокоительные заверения насчет наших намерений по отношению к Швеции (моя телеграмма 1914 г. № 4874). Что касается дальнейших «разговоров» со шведским правительством по вопросу о названных островах, то вы можете сказать, что мы от этих «разговоров» не уклоняемся, но что таковые могут быть плодотворными, лишь если будут вестись при спокойной и деловой обстановке, а не под влиянием поднятой ныне шумихи, а потому я надеюсь, что шведское правительство найдет способ воздействовать умеряющим образом на общество и печать».

[1]) Текст докладной записки Сазонова, датированной 29 апреля 1916 г., следующий: «Вопрос об Аландских островах, уже раньше составлявший больное место русско-шведских отношений, естественно, дал Германии и ее сторонникам в Швеции благодарную почву для подстрекательства шведского общественного мнения против России, особенно после того, как укрепление нами этих островов подверглось огласке. С своей стороны, королевское правительство, получившее по этому поводу от императорского посланника самые успокоительные заверения, поняло необходимость для России оборонительных мер на Аландских островах и не возражало против них, но выразило пожелание получить уверенность, что по окончании войны мы вновь откажемся от укрепления названных островов. Не признав уместным связать себя в этом отношении какими-либо обещаниями, я, согласно высочайшим указаниям вашего императорского величества, поручил д. с. с. Неклюдову ограничиться заявлением, что Россия, стремясь поддерживать со Швецией добрососедские отношения, не имеет в виду ни создавать какой-либо угрозы безопасности последней, ни пользоваться островами иначе, как в целях самообороны против Германии. Одновременно я сказал и здешнему шведскому посланнику, что его страна должна судить о будущем по прошлому и верить, что, если за сто слишком лет обладания Аландскими островами мы не использовали их против Швеции, то и впредь ей ничто не угрожает с этой стороны. — Теперь, под влиянием враждебных нам течений, в Швеции вновь появляется сильное волнение на почве аландского вопроса, грозящего до крайности обострить наши отношения с северным соседом. Поэтому, принимая во внимание неоднократно высказанное военным ведомством мнение, что нам необходимо приложить все старания, чтобы при нынешней обстановке избежать столкновения со Швецией, я спрашиваю себя, не следует ли пересмотреть вопрос о том, можем ли мы удовлетворить желание шведов получить исчерпывающее заявление относительно неукрепления Аландских островов в будущем. Желая выиграть время и достигнуть прежде всего некоторого успокоения шведского общественного мнения, я поручил посланнику в Стокгольме ответить на домогательства шведских министров, что мы не уклоняемся от «разговоров» об означенных островах, но что подобные разговоры могут оказаться плодотворными, лишь если будут вестись спокойно, а не под влиянием

Днем, лично встретившись на заседании Совета Министров с генерал-адъютантом Григоровичем, С. Д. Сазонов запросил морского министра, как отнеслось бы наше морское ведомство к вопросу о разоружении Аландских островов после войны. Генерал-адъютант Григорович ответил министру иностранных дел, что, с точки зрения морского ведомства, снятие укрепления с Аландских островов после войны не нанесет ущерба государственной обороне.

30 апреля.

Утром получены от посланника в Стокгольме еще более тревожные телеграммы №№ 259 и 261 [1]). Союзные послы, также получившие

поднятого ныне вокруг этого вопроса шума. — Если таким образом ближайшая цель будет достигнута, то нужно будет решить, в каком направлении вести «разговоры», которых добивается шведское правительство. Великобритания через своего посла в Петрограде настойчиво высказывается за отказ от укрепления Аландских островов в будущем, если только этой ценой можно обеспечить себя от выступления Швеции против нас. — С своей стороны, полагаю, что, если шведское правительство не удовлетворится одним лишь заверением в том, что укрепления на Аландских островах не будут направлены против Швеции, то придется взвесить, что более отвечает интересам России: рисковать ли войною со Швецией или согласиться на обещание по заключении мира вновь отказаться от укрепления островов, особенно, если бы за такое обещание удалось выговорить формальное обязательство Швеции остаться нейтральной до конца нынешней войны? — Повергая вышеизложенное на всемилостивейшее благовоззрение, приемлю смелость испрашивать по сему поводу высочайших указаний вашего императорского величества».

[1]) В секр. тел. от 29/IV 1916 г. за № 259 Неклюдов сообщал: «Сегодня из разговора с одним глупым и откровенным шведским придворным я мог почерпнуть данные о следующем проекте требований относительно Аланда, который немцы внушили наивности короля Густава и его приближенных. Шведское правительство должно-де «предложить» нам: объявить немедленно Аландский архипелаг нейтральным под ручательством, данным и с нашей и с немецкой стороны; причем наблюдение за строгой нейтрализацией архипелага поручено было бы шведскому флоту и небольшому отряду войск. Как это ни безумно, но подобного рода «предложение» может быть нам предъявлено через несколько дней. В таком случае Валленберг, вероятно, предварительно уйдет». На полях машинописной копии этой телеграммы имеется собственноручная помета Николая II: «Я этого не прощу шведам!!» Здесь же другою рукою приписано: «Царская Ставка. 2 мая 1916 г.».

В секр. тел. Неклюдова от 29/IV 1916 г. № 261 значилось: «Всесторонне обдумав положение, я прихожу к следующему заключению: нам следует заявить шведскому правительству, что по окончании войны мы разоружим Аландские острова и обещаем не иметь на них в мирное время военной и морской базы. Заявление это следует сделать немедленно, ранее предъявления нам Швецией невозможных требований, после коих это явилось бы как бы уступкою перед вымогательством. Оно должно быть непременно опубликовано нами с тем, чтобы все в Швеции на другой же день были о нем осведомлены; следовало бы оговорить, что это заявление является лишь более определенным и торжественным повторением тех предыдущих сообщений, которые сделаны были мною Валленбергу 8 января и 14 октября 1915 года. Таким образом еще более подчеркнут будет вполне добровольный характер

подобные же сведения из Швеции, вновь обратились к министру иностранных дел с советом скорее успокоить шведов обещанием не укреплять Аландских островов после войны. По поручению своих правительств они просили разрешения сделать в Стокгольме через посредство французского и английского представителей заявление в смысле предложения, переданного сэром Дж. Бьюкененом барону Шиллингу 26 апреля. Отвергнув вновь упоминание в этом заявлении трактата 1856 г., министр иностранных дел согласился на подобное заявление, но лишь в редакции, переданной им послам 27-го апреля, допустив только прибавку второй фразы следующего содержания: «Le Gouvernement de la République et le Gouvernement Britannique sont de plus en mesure d'affirmer d'après les assurances qui'ls ont reçues du Gouvernement Imperial que en ce qui concerne les fortifications le statut des îles sera rétabli comme avant la guerre actuelle» [1]).

Великобританский посол сообщил также, что шведские газеты «Dagens Nyheter» и «Handelbalded» обратились к сэру Э. Грэю с просьбой высказать свое мнение по поводу аландского вопроса. Воздействие на шведское общественное мнение в успокоительном направлении представлялось бы весьма желательным, и поэтому сэр Э. Грэй просит разрешить ему дать помянутым шведским газетам следующий ответ: «The recent agitation in Sweden with regard to the question of the Aland Islands seems to us here to be of an unfair and somewhat fictitious character. This is shown by the fact that as far as we are aware, the Swedish Government have not since the agitation began, approached the Russian Government on the subject. If they did so we feel certain that the Russian Government, who have every desire for good relations with Sweden, would evince a friendly disposition with regard to Swe-

заявления. — Выгоды подобного шага заключаются в том, что действительно существующие в Швеции — помимо всякой агитации — опасения будут рассеяны, что все благоразумные шведы убедятся в искусственности нынешней агитации и в искренности и благожелательности России; а это положение вещей даст оппозиции новую силу и неотразимые доводы. — Что касается будущего, то мое убеждение следующее: Германии удалось бы усилиться после войны на Балтийском прибрежьи только в случае окончательной над нами победы; но в таком случае она обязана будет потребовать для Швеции нейтрализации Аланда и непременно этого потребует. В случае же поражения Германии она не будет нам более опасна в Балтийском море, а против Швеции для нас совершенно излишне сохранять военную базу на Аландских островах. Нерешительный же исход настоящей борьбы совершенно немыслим».

[1]) «Правительство республики и британское правительство к тому же могут подтвердить согласно заверениям, полученным ими от императорского правительства, что, поскольку дело идет об укреплениях, то правовое положение островов будет восстановлено в том виде, какой оно имело до настоящей войны».

dish wishes» [1]). С. Д. Сазонов счел предполагаемое сообщение сэра Э. Грэя шведской печати весьма полезным и дал на него свое согласие, заменив лишь последнее слово «wishes», как могущее подать повод к слишком распространительному толкованию, словом «interests» [2]).

Ввиду того, что вышеозначенные телеграммы А. В. Неклюдова и его союзных сотоварищей, повидимому, указывали на быстро обостряющееся положение, министр иностранных дел решил поручить по телеграфу директору дипломатической канцелярии при штабе верховного главнокомандующего немедленно доложить полученные из Швеции тревожные сведения начальнику штаба с просьбой исходатайствовать телеграфных указаний его императорского величества по содержанию отправленной накануне докладной записки. (Телеграммы были отправлены на ставку около часа дня [3]).) Поздно вечером была получена телеграмма генерал-адъютанта Алексеева № 700, уполномочивающая министра от имени государя императора сделать шведскому правительству заявление о том, что после войны Аландские острова нами в мирное время укрепляться не будут взамен обещания Швеции соблюдать нейтралитет до окончания войны [4]).

Соответственные указания были тотчас срочно переданы посланнику в Стокгольме телеграммой № 2017 [5]).

---

[1]) «Тревога, вызванная недавно в Швеции вопросом об Аландских островах, носит, на наш взгляд, не совсем искренний и несколько искусственный характер. Это видно из того факта, что, насколько нам известно, шведское правительство со времени возникновения этих тревожных настроений не входило по этому вопросу в сношения с русским правительством. Если бы оно это сделало, то мы уверены, что русское правительство, которое вполне искренне желает быть в добрых отношениях со Швецией, высказало бы дружественное намерение пойти навстречу удовлетворению шведских пожеланий».

[2]) «Интересы».

[3]) Обе цитированные телеграммы Неклюдова были отправлены в дипл. канцелярию ставки 30/IV 1916 г. за №№ 1993 и 1994.

[4]) В секр. телеграмме на имя Сазонова от 30/IV 1916 г. за № 700 ген. Алексеев писал: «Вследствие доклада моего телеграмм вашего высокопревосходительства за № 1991 до 1994, государю императору благоугодно было соизволить на заявление, в случае надобности, шведскому правительству, что в мирное время, не нуждаясь ни в укреплении Аландских островов, ни в устройстве на них морской или военной базы, мы в этом отношении готовы принять на себя обязательство на мирное время после войны взамен категорического обещания Швеции соблюдать строгий и лойяльный нейтралитет до окончания войны».

[5]) В секр. телеграмме Сазонова в Стокгольм от 30/IV 1916 г. за № 2017 значилось: «Если считаете положение опасным, можете заявить о готовности императорского правительства дать Швеции обещание не иметь после войны укреплений на Аландских островах в мирное время. Было бы весьма желательно облечь таковое заявление в форму двустороннего договора, в котором, взамен означенного обещания с нашей стороны, Швеция в свою очередь приняла бы на себя перед нами обязательство соблюдать до конца нынешней войны строгий нейтралитет».

Почти одновременно была получена и телеграмма А. В. Неклюдова № 264 [1]). На нее было предположено ответить указанием на отсутствие в министерстве иностранных дел точного текста сделанных посланником шведскому правительству заявлений 26 декабря 1914 г. (8 января 1915 г.) и 1(14) октября 1915 г., но разрешением передать г-ну Валленбергу ныне соответственное письменное изложение таковых заявлений задним числом.

1 мая.

Вследствие получения от посланника в Стокгольме телеграмм №№ 266 и 267 [2]) с изложением предположенного письменного за-

---

[1]) Секр. телеграмма Неклюдова от 30/IV 1916 г. за № 264 была ответом на телеграмму министра за № 1971; она гласила: «Сообщу сегодня же содержание ее Валленбергу. Благоволите спешно указать мне, позволяем ли мы Валленбергу сообщить риксдагу текст моих словесных и записанных им заявлений от 8 января и 14 октября нового стиля 1915 года. Считаю подобное сообщение совершенно необходимым. Валленберг будет отвечать на запрос Стеффена только во вторник. За всем тем подтверждаю мою вчерашнюю телеграмму № 261. Я имею из верного источника сведения, что Валленберг готов дать самые успокоительные заверения в риксдаге, если мне было бы позволено вами передать ему мои два вышеупомянутые заявления в письменной форме и теми же задними числами».

[2]) В секр. телеграмме от 30/IV 1916 г. за № 266 Неклюдов писал: «Я передал Валленбергу содержание вашей телеграммы № 1971. Валленберг, в свою очередь, обращается к вам с просьбой облегчить для него задачу успокоения нынешней агитации, а также более искренних опасений благоразумных кругов, дав в его распоряжение такой документ, который служил бы наглядным оправданием его образа действий и подспорьем политики абсолютного нейтралитета. Таким документом, по убеждению Валленберга, явилось бы письменное сообщение мною того словесного заявления, которое, по вашим указаниям, я сделал Валленбергу 8 января нового стиля 1915 года. В телеграмме № 267 я даю текст подобного письменного сообщения таким образом, как мы установили с Валленбергом на случай вашего согласия, исключив лишь побочные частности устного заявления, ныне более ненужные. Я ответил Валленбергу, что передам немедленно вашему высокопревосходительству его просьбу, но условился с ним предварительно, что в случае, если мы сделаем письменное сообщение, то и Валленберг установит вместе со мною редакцию той части его ответа на запрос Стеффена, которая касается России и Аландских островов.

Таким образом отпадает мое предложение, высказанное в телеграмме № 261, и остается лишь вопрос о возможности дать в письменной форме те самые заверения, которые мы дали Валленбергу в устной форме 8 января 1915 года. Принимая в серьезное внимание общую обстановку и усматривая необходимость поддержать положение Валленберга, я нахожу, что безусловно нужно снизойти на его просьбу и дать ему наше письменное заявление в предлагаемой форме. Мои союзные коллеги разделяют всецело мое мнение. Ожидаю возможно скорейших указаний ваших. Ответ Валленберга на запрос Стеффена должен последовать в среду».

В секр. телеграмме Неклюдова от 30/IV 1916 г. за № 267 значилось: «Стокгольм, 8 января 1915 г. нового стиля. Императорское правительство поручило мне довести до сведения вашего превосходительства следующее: Российское правитель-

явления, взамен намеченного ответа на № 264, А. В. Неклюдову была послана телеграмма № 2020 [1]), в которой он, с одной стороны, уполномочивался передать составленное им письменное заявление, а, с другой стороны, ему предписывалось, ввиду надежды на улажение дела и без обещания касательно неукрепления Аландских островов в будущем, без крайней надобности воздержаться от порученных ему переговоров в смысле ночной телеграммы № 2017.

Несмотря на выяснившуюся таким образом из телеграммы А. В. Неклюдова № 266 надежду избежать обострения положения, министр счел нужным предупредить как военного и морского министров, так и главнокомандующего северным фронтом генерал-адъютанта Куропаткина о создавшейся обстановке на случай необходимости для них принять соответствующие меры предосторожности, тем более что полученные одновременно от посланника в Стокгольме телеграммы № 263, I и II [2]) об отмене предполагавшейся поездки

ство имеет основание думать, что германский флот намерен воспользоваться предстоящим замерзанием аландского Скаргерда для занятия Аландского архипелага, чтобы использовать его в качестве оперативной базы по отношению к берегам Финского залива и чтобы прекратить морскую торговлю между Швецией и Россией. С целью помешать осуществлению этого плана атаки и обезопасить, насколько возможно, торговое мореплавание между Россией и Швецией в Ботническом заливе, российские власти принимают особые меры для обороны Аландского архипелага. Императорское правительство считает своим долгом совершенно конфиденциально предупредить об этом королевское правительство, подчеркивая то обстоятельство, что все эти мероприятия имеют исключительно оборонительный характер и проводятся только на время войны. Императорское правительство надеется, что в случае, если, несмотря на строгую тайну проведения этих мероприятий, слух о них распространится, королевское правительство постарается успокоить общественное мнение Швеции относительно характера вышеупомянутых мероприятий и исключительно оборонительных целей, преследуемых российским правительством». (Перев. с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол.)

[1]) В секр. телеграмме от 1/V 1916 г. за № 2020 Сазонов писал: «Ваша телеграмма № 266 получена. Можете передать Валленбергу письменное заявление, изложенное в вашей телеграмме № 267. Если опасность столкновения с Швецией может быть избегнута без обещания с нашей стороны не укреплять Аландских островов в будущем, тем лучше, а потому без крайней надобности благоволите воздерживаться от заявлений в смысле моей телеграммы № 2017».

[2]) В секр. телеграмме Неклюдова от 29/IV 1916 г. № 263—I значилось: «Вчера я посетил принца Карла, дабы сообщить ему о снятии нашего «veto» с Петерсена специально из уважения к его высочеству и о пожаловании высшего знака Красного Креста принцессе Ингеборг. При этом случае мы переговорили о путешествии принца и принцессы в Хапаранду, о предполагаемой встрече его там с е. и. высоч. принцем Ольденбургским и о приеме, который готовит принцу в Торнео гр. Шувалов. Принц был, по обыкновению, крайне милостив и весел и радовался свиданию со своим августейшим родственником. Сегодня ко мне явился гофмейстер принца и просил от его имени передать его императорскому высочеству, что,

принца Карла в Торнео показывали, что настроение в Швеции продолжает быть несколько тревожным и еще не всякая опасность столкновения миновала.

2 мая.

Вернувшиеся из Москвы гг. Вивиани и Тома посетили министра иностранных дел, который по высочайшему повелению передал им пожалованные государем императором подарки. Таковое пожалование было вызвано тем, что, принадлежа к социалистической партии, названные лица не могли принимать орденов. По той же причине уже в 1914 г. г. Вивиани вместо ордена был пожалован подарок, а именно — колонка с висевшим на ней миниатюрным портретом государя. Так как этот подарок считается одним из высших, могущих быть пожалованными, было решено на этот раз вместо того, чтобы дать г. Вивиани подарок меньшего значения, пожаловать подарок сопровождавшей его г. Вивиани. Таким образом, г. Вивиани был передан министром для его жены браслет из сапфиров и бриллиантов с маленьким бриллиантовым двуглавым орлом ввиде затвора, каковой браслет был изготовлен в 1897 г. для г. Люси Фор ввиду ожидавшегося тогда ее приезда с отцом президентом.

Г. Тома министр передал братину из нефрита с двуглавым орлом, украшенным рубинами.

О своей поездке в Москву оба министра высказывались с большим удовлетворением, говоря, что виденное ими превзошло их ожидания.

3 мая.

Обед по случаю 25-летия русско-французского союза.

Речь министра иностранных дел на обеде.

Messieurs,

Le Gouvernement Impérial m'a chargé de vous dire, en son nom, la vive satisfaction que nous cause votre présence parmi nous ce soir.

не будучи уверен в том, что поедет в Хапаранду, он просит его имп. высочество не ехать со своей стороны в Торнео. Далее же гофмейстер сказал мне, что принц не может принять приглашение гр. Шувалова на завтрак, так как обещал завтракать в Хапаранде у губернатора, и вообще не знает, успеет ли приехать в Торнео. Благоволите доложить его имп. высочеству, а также сообщить Дмитрову».

В секр. телеграмме от 30/IV 1916 г. за № 263—II Неклюдов сообщал: «Мне это с точки зрения политической очень не понравилось. Между тем сегодня утром принц получал приказ короля воздержаться от всяких родственных и дружественных демонстраций на нашей границе, между тем как поездка его в Хапаранду все-таки решена и отъезд состоится в среду. Необходимо отметить, что между принцем и нашими делегатами Красного Креста и мною царили все это время самые близкие и дружественные отношения».

Cette tâche flatteuse répond entièrement à mes sentiments personnels et je m'en acquitte avec un plaisir extrême. Soyez donc les bienvenus, Messieurs, vous qui représentez le Gouvernement Français et cette belle et noble terre de France à laquelle nous tenons par tant de liens solides d'affection, d'admiration et de communauté d'intérêts en présence de l'épreuve terrible que nous fait subir en ennemi sans honneur et sans scrupule, dont les mobiles sont un orgueil et une soif de domination comme le monde n'en a pas vu jusqu'ici.

Vous êtes venus pour dire à Vos Alliés et amis de la première heure ce que Vous avez déjà fait et ce que Vous allez faire encore pour repousser l'agresseur, ainsi que pour Vous renseigner sur ce que nous de notre côté avons fait dans le même but. On ne Vous a rien caché ici et nous espérons qu'en nous quittant Vous remporterez la conviction que nous partageons la légitime colère que Vous fait éprouver l'abominable attentat commis par l'ennemi contre la paix du monde et que nous sommes aussi résolus que Vous mêmes de combattre jusqu'à l'heure du triomphe.

L'admirable résistance que la France offre à la poussée allemande dans la région de Verdun nous impose une dette de gratitude, car elle marque une étape dans l'histoire de la lutte des alliés contre les hordes germaniques. La France en sort grandie et couverte de lauriers, l'Allemagne — diminuée moralement et atteinte dans son prestige militaire. C'est un bon augure pour l'issue finale.

Attendons cette issue en luttant vaillamment ainsi qu'il sied à des Français et à des Russes confiants les uns dans les autres et dans nos valeureux alliés. Cette confiance nous ménera à la gloire et nous aidera à délivrer l'Europe du joug le plus odieux dont elle ait jamais été menacée.

Je lève mon verre en l'honneur de nos hôtes, de la France qui nous les envoie et de la glorieuse armée française [1]).

---

[1]) «Господа! Императорское правительство поручило мне от его имени выразить вам то чувство живейшего удовлетворения, которое доставляет нам ваше присутствие на этом вечере. Это лестное для меня поручение вполне соответствует моим личным чувствам, и я исполняю его с громадным удовольствием. Позвольте же, господа, приветствовать вас — представителей французского правительства и прекрасной и благородной Франции, с которой нас связывают тесные узы любви, восхищения и общности интересов перед лицом ужасного испытания, которому подвергает нас враг без чести и совести, движимый неслыханною до сих пор гордостью и жаждой власти.

Вы прибыли, чтобы рассказать вашим союзникам и давнишним друзьям, что вы сделали и что намерены сделать, чтобы отразить нападение врага, а также, чтобы узнать, что мы со своей стороны сделали, имея в виду ту же цель!

От вас здесь ничего не скрывали, и мы надеемся, что, покидая нас, вы унесете с собой убеждение в том, что мы разделяем тот справедливый гнев, который

4 мая.

Во время свидания с С. Д. Сазоновым английский и французский послы просили согласия министра на то, чтобы великобританский и французский посланники в Стокгольме передали Валленбергу письменное заявление приблизительно следующего содержания: Франция и Англия свидетельствуют, на основании полученных ими от императорского правительства заверений, что укрепления, возведенные на Аландских островах, вызваны лишь необходимостью самообороны России против Германии и рассчитаны только на время нынешней войны. С. Д. Сазонов изъявил согласие на передачу союзными посланниками такого заявления письменно Валленбергу.

Гг. Вивиани и Тома отбыли из Петрограда за границу.

5 мая.

Ввиду переезда министра иностранных дел 4 мая в Царское Село союзные послы были приняты бароном Шиллингом, когда, по обыкновению, они приехали в министерство в 12 часов. Великобританский посол сообщил только что полученную им телеграмму, в которой английский посланник в Стокгольме спрашивал, может ли он уполномочить г. Валленберга огласить в риксдаге заявление, которое с согласия С. Д. Сазонова английский и французский представители должны были передать ему письменно. Сэр Э. Хоуард указывал на крайнюю желательность дать Валленбергу просимое разрешение и притом спешно, до назначенного на другой день заседания риксдага.

Французский посол, с своей стороны, сказал, что им получены из Стокгольма 3 телеграммы, но, к сожалению, они совершенно не поддались разбору. Он полагает, однако, что в одной из них французский посланник обращается с подобной же просьбой относительно французского заявления. Ввиду необходимости срочно ответить на

вызывает в вас гнусное посягательство врага на мир на земле, и что мы, как и вы, решили бороться до победного конца.

Сопротивление, оказываемое Францией натиску немцев в районе Вердена, вызывает у нас чувство восхищения и признательности и налагает на нас известные обязательства, так как оно отмечает новый этап в истории борьбы союзников с германскими полчищами. Франция выходит из него возвеличенной и увенчанной лаврами, Германия — морально униженной и пострадавшей в своем военном престиже. Для исхода борьбы — это хорошее предзнаменование.

В ожидании этого исхода будем же мужественно бороться, как подобает французам и русским, с верой друг в друга и в своих доблестных союзников. Эта взаимная уверенность приведет нас к славной победе над врагом и поможет нам освободить Европу от самого ненавистного ига, которое когда-либо ей угрожало.

Я поднимаю свой бокал в честь наших гостей, Франции, приславшей их нам, и доблестной французской армии». (Перевод сдел. в Архиве Вн. Пол.)

полученный запрос, послы просили немедленных указаний. Барон Шиллинг заявил им, что, принимая во внимание согласие императорского правительства на оглашение письменного заявления о том же, сделанного т. с. Неклюдовым, а также уже последовавшее согласие министра иностранных дел на передачу союзными посланниками условленного заявления также письменно, барон Шиллинг считает возможным принять на себя высказать от имени С. Д. Сазонова согласие и на оглашение Валленбергом полученного им от французского и английского посланников письменного заявления. Послы выразили намерение тотчас телеграфировать в этом смысле в Стокгольм, а барон Шиллинг по их отъезде телефонировал в Царское Село С. Д. Сазонову, чтобы передать ему содержание этого разговора, и получил от него полное одобрение данного послам ответа.

В числе прочитанных барону Шиллингу великобританским послом телеграмм из Стокгольма была одна, в которой сэр Э. Хоуард высказывал мнение, что возникшая на почве аландского вопроса мгновенная тревога принесла нам значительную пользу, так как под влиянием ее многие шведы, до сих пор равнодушно относившиеся к деятельности активистов, теперь увидели, что эта деятельность может привести к войне, очнулись и сами стали усиленно бороться с опасной пропагандой активистов.

В 5 с половиной часов вечера барона Шиллинга посетил японский посол, который сообщил, что в ответ на имевшее недавно место обращение германского посланника в Стокгольме японскому представителю в Швеции поручено заявить, что его правительство не может входить в переговоры об отдельном мире и что, если Германия искренне желает выступить с мирными предложениями, таковые должны быть сделаны совместно правительствам Японии, Англии, Франции и России. К этому барон Мотоно прибавил, что г-н Ушида получил указания прибавить на словах, что, если бы Германия сочла удобным передать упомянутые предложения союзникам через посредство Японии, последняя готова взять на себя эту роль.

Выслушав официальный ответ, который японскому посланнику поручено было дать г. фон-Луциусу и содержание которого японский посол передал барону Шиллингу письменно, барон Шиллинг сказал, что императорское правительство, как и союзные правительства, не преминет ознакомиться с ним с чувством удовлетворения. На слова же барона Мотоно о добавочном поручении г. Ушида касательно посреднической роли Японии барон Шиллинг не счел нужным отозваться, так как помнил, что такая постановка несколько противоречила заявленному г. Брианом требованию о том, чтобы германские предложения были сообщены всем союзникам непосред-

ственно, но, с другой стороны, не предвидел возражений против такого посредничества со стороны С. Д. Сазонова в начальном фазисе переговоров, если бы таковые действительно наладились этим путем. Барон Шиллинг ограничился замечанием, что, если бы даже немцы и откликнулись на сделанное японским посланником г-ну фон-Луциусу заявление, то едва ли в настоящее время их мирные предложения оказались бы для нас приемлемыми. Поэтому следует скорее предположить, что, если немцы и выступят с подобными мирными предложениями, то лишь для того, чтобы потом постараться возложить на союзников перед нейтральными и, в особенности, перед Америкой, ответственность за продолжение войны. Японский посол сказал, что и он придерживается этого мнения.

8 мая.

Французский и великобританский послы сообщили барону Шиллингу, что союзные представители в Стокгольме поставлены в затруднительное положение, ибо передали Валленбергу с согласия С. Д. Сазонова письменное заявление в подкрепление заявления, переданного т. с. Неклюдовым; ныне же, после того как Неклюдов взял обратно свое заявление, английский и французский посланники недоумевают, должны ли они последовать этому примеру и взять назад свои заявления, теряющие смысл за отсутствием в руках Валленберга того документа, который они должны были подкрепить.

Барон Шиллинг ответил послам, что министр иностранных дел телеграфировал Неклюдову вновь передать Валленбергу напрасно отобранное у него заявление, помеченное 8 января 1915 г., а потому, казалось бы, английскому и французскому представителям следовало бы оставить в руках Валленберга и свои заявления.

10 мая.

Итальянский посол приехал в министерство иностранных дел и, за отсутствием С. Д. Сазонова, был принят бароном Шиллингом. Маркиз Карлотти сообщил начальнику канцелярии о том, что положение итальянской армии представляется весьма тяжелым и что ему предписывается просить помощи со стороны России. Вместе с тем посол выразил желание быть принятым министром в возможно непродолжительном времени.

11 мая.

Вечером 11 мая итальянский посол, узнав, что С. Д. Сазонов не мог приехать из Царского Села в Петроград в этот день, выразил барону Шиллингу намерение либо лично поехать в Царское Село к министру, либо посетить председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера.

12 мая.

Итальянский посол посетил председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера и министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Посол передал председателю Совета Министров, равно как и министру иностранных дел, настоятельное ходатайство итальянского правительства о помощи итальянской армии путем ускорения нашего наступления. Уезжающему в этот день на ставку Н. А. Базили было поручено передать ходатайство итальянского правительства генерал-адъютанту Алексееву.

13 мая.

Во время посещения 13 мая советника второго политического отдела сербский министр-президент Пашич и состоящий при нем министр Иованович во время беседы сделали следующее сообщение. Пашич заявил, что сербское правительство и он лично уверены в том, что на будущем мирном конгрессе Сербия будет допущена к участию в качестве воюющей на стороне Согласия державы. Он выразил сожаление, что заявление великих держав Бельгии касательно приглашения ее на будущий мирный конгресс не было также подтверждено и Сербии. По словам Пашича, участие сербского представителя в мирных переговорах принесет также огромную пользу державам Согласия, так как облегчит им сложный труд разбираться во всех вопросах, связанных с восстановлением Сербского королевства. Пашич прибавил, что с просьбой о приглашении Сербии на конгресс он уже обратился к министру иностранных дел, от которого получил ответ, что, принципиально, Сербия имеет бесспорные права на непосредственное участие в будущих переговорах, но что он вместе с тем ожидает сильной оппозиции в этом отношении со стороны Италии.

Пашич сказал также, что, по полученным им недавно от королевича Александра сведениям, успешное наступление солунской союзной армии возможно будет в том случае, если помимо прибывающих сербских войск на македонский фронт будет прислано еще 50 батальонов союзных. Об этом Пашич будет говорить в Лондоне, так как, повидимому, при настоящих обстоятельствах только одни англичане могли бы послать нужные подкрепления. Он был бы также признателен, если бы русское правительство нашло возможным, воспользовавшись приездом сюда лорда Китченера, настоять перед ним на осуществлении этой меры.

Иованович говорил, главным образом, о наступлении того момента, когда сербская армия начнет отвоевывать и занимать части сербской территории. По его предположению, даже частичный успех в этом направлении имел бы громадное значение, как политическое, так и

стратегическое. По его словам, сербское правительство в ближайшее время предполагает перенестись [sic!] сначала в Салоники, а затем перебраться во Флорину, занятую англо-французским отрядом. Следующим ближайшим этапом и, вместе с тем, началом восстановления Сербии было бы занятие города Монастыря, где сербское правительство чувствовало бы себя уже дома и обратилось бы с приличествующим случаю воззванием к сербскому народу. В городе Монастыре немедленно начали бы функционировать все высшие государственные административные учреждения, а также, в лице митрополита, водворилась бы и высшая духовная власть. От Монастыря отвоевание сербской территории стало бы распространяться к северу и востоку. По мнению г. Иовановича, осуществление этого плана, ввиду нахождения теперь Монастыря всего на расстоянии 30 километров от линии союзных войск, не представит особых трудностей.

13 мая.

Утром итальянский посол посетил министра иностранных дел и барона Шиллинга и еще раз просил о скорейшей помощи со стор ны России.

В 5 часов вечера маркиз Карлотти вторично приехал к барону Шиллингу для передачи личной телеграммы короля Виктора-Эммануила государю императору с просьбой о помощи Италии [1]).

26 мая.

Отъезд министра иностранных дел, в сопровождении начальника канцелярии, на ставку верховного главнокомандующего.

---

[1]) Текст телеграммы итальянского короля на имя Николая II, посланной из Рима 24/V н. ст. и переданной итальянским послом бар. Шиллингу 26(13)/V 1916 г., имел следующую редакцию: «Позволяю себе обратиться к тебе, как к другу, и просить, если можно, личным вмешательством содействовать выполнению обращенной итальянским генеральным штабом к русскому генеральному штабу просьбы произвести диверсию на австрийском фронте. Как тебе известно, на нашем трентинском фронте развивается довольно сильное наступление. Чтобы поддержать диверсию храбрых русских армий, нам надо также его приостановить. Заранее благодарю тебя за то, что ты найдешь возможным сделать. Прошу верить моей постоянной дружбе».

Ответная телеграмма Николая II, посланная 31(18)/V 1916 г., гласила: «Очень прошу у тебя извинения за мой запоздалый ответ. В течение 10 дней отсутствовал, производя смотр войск на юге, вернулся сегодня утром. Из рапорта моего начальника штаба видно, что 4 июня нового стиля моя армия может начать наступление на австрийцев. Это число несколько предшествует сроку, определенному военным советом союзников для общего наступления на всех фронтах. Я решился произвести это отдельное наступление с целью помочь храбрым итальянским войскам, согласно твоей просьбы. От всего сердца желаю полного успеха будущему наступлению твоих отважных войск и прошу тебя верить в мою неизменную дружбу». (Перевод с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол. Секр. архив, инв. № 296.)

27 мая.

Министр иностранных дел прибыл на ставку около полудня и в 2 с половиной часа виделся с генерал-адъютантом Алексеевым. Разговор коснулся, главным образом, вопроса об отношении к румынским домогательствам в связи с провозом через Россию заказанных Румынией во Франции и Англии предметов вооружения. Министр указывал на желательность, не преувеличивая предупредительности в этом вопросе, вместе с тем выполнять раз данные обещания, дабы не подрывать значения данного императорским правительством слова. Соглашаясь с этим, начальник штаба полагал, что следует удовлетворить румынские пожелания, насколько это необходимо для поддержания добрых отношений с Румынией, нисколько не стремясь к вооруженному выступлению ее на нашей стороне, так как, по мнению генерала, такое выступление со стратегической точки зрения едва ли настолько важно, чтобы оправдать то вознаграждение в политическом смысле, которое румыны, несомненно, за него потребуют. Разговор коснулся также и польского вопроса и, в частности, той записки, которая была составлена в министерстве иностранных дел бароном Нольде и уже сообщена доверительно генерал-адъютанту Алексееву через посредство камергера Базили. В этом вопросе министр иностранных дел и начальник штаба оказались вполне единомышленниками, и генерал-адъютант Алексеев, уже докладывавший государю о необходимости по военным соображениям привлечь на свою сторону всех поляков, обещал вновь поддержать перед его величеством предложение С. Д. Сазонова[1]). — Наконец, министр иностранных дел затронул вопрос о Кульдже. Считая ошибкою состоявшееся в 81-м году возвращение

[1]) В записке, составленной в министерстве ин. дел, датированной 17/IV 1916 г. и доложенной царю в ставке 27/V 1916 г., намечались три возможных решения польского вопроса: 1) «независимость Царства Польского», 2) «самобытное существование Царства в единении с Россией», 3) «более или менее широкое самоуправление края». Высказываясь против первых двух путей разрешения вопроса, автор записки писал: «Только средний путь ведет к цели. Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и ее монархом руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход, притом — не на путь продолжения исторической тяжбы с Россией, а на путь правильного устроения внутренней политической жизни края. Это среднее решение было бы восстановлением традиций политики императора Александра I и императора Николая I, который, даже после восстания 1830 г., продолжал управлять краем по польским законам при помощи подчиненной князю варшавскому польской бюрократии». Приложенный при записке проект «основных постановлений устава о государственном устройстве Царства Польского» был составлен в развитие намеченного выше решения. (См. Секр. архив, дело № 885, а также книгу «Русско-польские отношения в период мировой войны», Центрархив, 1926, стр. 85—94.)

Китаю смежного с нашими владениями богатого Илийского края, могущего вместить многочисленное русское население, С. Д. Сазонов уже давно мечтал о присоединении такового к России при первом удобном случае [1]). Такой случай, по мнению министра, представляется ныне, когда с исчезновением Юаньшикая центральное правительство в Пекине более чем когда-либо слабо, а в Кульдже недавно обнаружились беспорядки, могущие послужить удобным предлогом для вмешательства России и занятия края русскими войсками. Вопрос лишь в том, можем ли мы сами при нынешних условиях и крайнем напряжении всех наших военных сил уделить хотя бы незначительную часть войск на подобную задачу. Генерал-адъютант Алексеев отнесся весьма сочувственно к высказанным С. Д. Сазоновым предположениям и с своей стороны обещал выделить необходимую, по его мнению, весьма незначительную воинскую часть с соответствующей артиллерией для осуществления означенных предположений.

Доклад министра иностранных дел у государя императора был назначен в 7 часов, и, прибыв к этому времени в губернаторский дом, где имел пребывание его величество, С. Д. Сазонов встретился с военным министром, как раз выходившим от государя после своего доклада.

Генерал Шуваев поспешил сообщить министру иностранных дел, что он только что продолжительно говорил государю о польских делах. Зная несколько прямолинейный национализм военного министра, С. Д. Сазонов немного встревожился, опасаясь той точки зрения, с которой генерал мог коснуться этого сложного вопроса, но, к немалому его удивлению, Д. С. Шуваев сказал ему, что он настойчиво советовал государю быть щедрым в отношении поляков, вполне того заслуживших своим отношением к России за эту войну, и, не останавливаясь на полпути, великодушно осуществить заветные чаяния польского народа. (Как оказалось впоследствии, генерал Шуваев говорил в этом смысле государю под влиянием генерал-адъютанта Алексеева.)

Войдя к его величеству, министр иностранных дел был встречен крайне милостиво, причем государь говорил, что он никогда так долго не оставался без того, чтобы видеть С. Д. Сазонова, и что он уже давно хотел его выписать на ставку. Из текущих дел министр прежде всего доложил о состоянии переговоров с Японией, которые теперь привели почти к полному соглашению, если не считать статьи 5-й секретного договора, относительно которой, впрочем, нет разногласия по существу, так как содержание ее вошло уже в японскую памятную записку, и

[1]) Согласно заключенному в Петербурге 12/II 1881 г. между Россией и Китаем договору Россия соглашалась на восстановление власти китайского правительства в Илийском крае, временно занятом русскими войсками в 1871 г.

с нашей стороны поэтому не может быть особых возражений против просимого японцами опущения этой статьи из текста самого договора. Государь император изъявил свое согласие на принятие представленных ему С. Д. Сазоновым текстов как открытого, так и секретного договоров и уполномочил министра на подписание таковых, как только японское правительство со своей стороны на это согласится. — По поводу Персии государь император одобрил предположение касательно увеличения казачьей бригады и финансового контроля, а также, ввиду заявления министра, что пребывающий в Петрограде Зилли-Султан ни за что не уедет в Персию, не представившись предварительно его величеству, государь соизволил на принятие его вместе с сыном принцем Исак-Мирзой на ставке в Могилеве. — Высочайшего одобрения удостоились и предположения министра иностранных дел касательно Илийского края, уже послужившие предметом обсуждения с генерал-адъютантом Алексеевым.—На эти вопросы, а также и на некоторые второстепенные предметы пошло около 50 минут, а потому, увидавши, что до 8 часов, т. е. до обеда, остается не более 7 минут, министр сказал государю, что этого ему недостаточно для доклада по остающемуся важному вопросу будущей судьбы Польши. Его величество тотчас предложил отложить этот вопрос на послеобеденное время и, ввиду заявления С. Д. Сазонова, что было бы полезно привлечь к обсуждению этого предмета начальника штаба, государь тут же сам протелефонировал генерал-адъютанту Алексееву, приглашая его явиться к нему вечером.

Высочайший стол был накрыт в палатке в саду губернаторского дома, и к нему по обыкновению собрались находившиеся на ставке великие князья, иностранные военные агенты, высшие генералы и чины царской свиты. После обеда государь разговаривал в саду с некоторыми из приглашенных.

Тут же генерал-адъютант Иванов, бывший главнокомандующий юго-западным фронтом, излагал барону Шиллингу свои мысли по поводу Румынии. Видимо сетуя на последнюю за то, что в свое время она своим выступлением не оказала поддержки развивавшимся на Карпатах военным действиям нашей армии, генерал-адъютант Иванов говорил про Румынию с явным раздражением и высказывал надежду, что мы теперь обойдемся без нее и что, оттягивая свое выступление, она в конце концов с ним до того запоздает, что лишится права требовать себе что бы то ни было и таким образом будет наказана, не успев осуществить своих вожделений. Эти слова, в известной степени напоминающие и сказанное министру иностранных дел генерал-адъютантом Алексеевым, повидимому, отражают господствующее в армии настроение по отношению к Румынии.

Около 9 с половиной часов государь простился со всеми и прошел в свой кабинет, куда за ним последовал министр иностранных дел и куда пришел также начальник штаба, никогда почти не обедающий за высочайшим столом из-за недостатка времени. С. Д. Сазонов подробно изложил государю все изложенные в его записке доводы в пользу скорейшего проявления намерений России касательно разрешения польского вопроса. Указав на то, что, ища выхода из создавшегося положения, он стремился найти таковой без умаления прав государя и без нарушения интересов России, С. Д. Сазонов прочел приложенный к записке проект будущего устройства Польши.

Государь слушал весьма внимательно, вникая во все подробности, и сказал, что много обдумывал за последнее время этот вопрос и пришел к убеждению в правильности изложенных соображений. Он оставил у себя записку и проект, чтобы еще изучить таковые, и сказал, что теперь остается обсудить все это еще в Совете Министров.

С. Д. Сазонов откровенно признался, что ожидает в среде последнего немало возражений со стороны некоторых из своих сотоварищей. По мнению государя, этим возражениям не следует придавать чрезмерного значения. Министр иностранных дел и начальник штаба вынесли впечатление, что государь, долго обдумывавший за последнее время польский вопрос, ныне склоняется в пользу разрешения его согласно предложению С. Д. Сазонова.

28 мая.

Утром в вагон министра иностранных дел принесли от государя разные бумаги, в том числе и письмо, недавно полученное его величеством от шведского короля по аландскому вопросу. После завтрака у государя в 12 с половиной часов его величество подошел к министру иностранных дел и поручил ему прислать схему ответного письма шведскому королю, каковое письмо государь выразил намерение написать сам по-английски [1]). По этому поводу С. Д. Сазонов высказал мысль

---

[1]) Текст письма шведского короля на имя Николая II был следующий:

«Стокгольм, 29 мая 1916 г.

Дорогой Ники,

Так как ты мне сказал, что я всегда могу писать тебе совершенно откровенно, если меня что-нибудь тревожит, то я и посылаю тебе эти строки.

Прежде всего мне хочется поблагодарить тебя за твое любезное письмо, переданное мне недавно твоим посланником, по возвращении его из Петрограда. Я высоко ценю твои уверения в дружбе и добрососедских отношениях и всем сердцем разделяю их.

С большой благодарностью вспоминаю я, что в 1908 году рассматривавшийся тогда щекотливый вопрос об Аландских островах получил удовлетворительное разрешение благодаря твоему любезному личному вмешательству. Теперь, как и

о желательности постараться выговорить от шведов обещание сохранить нейтралитет до конца войны, а также спросил государя, может ли он понять сделанную его величеством карандашом на конверте пометку: «креп. Буден», как указание на желательность добиться разоружения и этой шведской крепости на нашей границе. Государь ответил, что он только наметил это для памяти, но что толкование, приданное министром, может быть принято в соображение.

В 5 часов министр отбыл из ставки в одном поезде с военным министром в Петроград. Весь день на расстоянии получаса один за другим шли с севера на юг воинские поезда, главным образом с кавалерией, перебрасываемой на юго-западный фронт, где развивались наши успехи над австрийцами.

тогда, обе палаты шведского парламента единодушно высказались за то, что этот вопрос имеет для Швеции жизненное значение. Я надеюсь поэтому, что и теперь твое дружественное участие облегчит ведение переговоров, которые, по твоему мнению, желательно вскоре начать.

Горячо желая, чтобы они привели к взаимному пониманию, а, следовательно, и к укреплению добрых отношений между нашими странами, с выражением горячей любви к тебе, дорогой Ники, и Аликс пребываю твоим любящим братом и старым другом

Густав».

(Перевод с англ., сдел. в Архиве Вн. Пол.)

На конверте письма Густава V имеется собственноручная помета царя: «креп. Буден».

Ответное письмо Николая II, написанное 4/VI 1916 г. в ставке, гласило:

«Мой дорогой Густав.

Позволь мне поблагодарить тебя как за письмо, так и за уверения в дружбе и в добрососедских отношениях, доставивших мне большое удовольствие. Я помню те переговоры, которые велись в 1908 году относительно Аландских островов. Тогда Россия прилагала все старания к тому, чтобы вопрос рассмотрен был с особою тщательностью и разрешение его удовлетворило бы Швецию. Когда разразилась эта ужасная война, мы принуждены были принять на этих островах меры предосторожности, настоятельную необходимость которых, я уверен, ты хорошо понимаешь. В то самое время, когда предпринимались эти шаги, мое правительство, по своей собственной инициативе, предупредило о том шведское правительство и дало ему откровенные и успокоительные объяснения относительно истинного значения оборонительных работ на некоторых из Аландских островов. Не так давно, по моему специальному приказанию, мой посланник в Стокгольме повторил эти уверения. Поэтому, я думаю, нет никакого основания для твоей тревоги в связи с этим вопросом.

Если же ты находишь целесообразным, чтобы шведское правительство вступило с нашим правительством в новые переговоры, то я даю на это мое согласие.

Однако существенно важно, чтобы они велись с обеих сторон в одинаково примирительном духе; только на основе истинной взаимности можем мы сохранить в целости общность стремлений к укреплению наших добрососедских отношений». (Перевод с англ., сдел. в Архиве Вн. Политики. Секр. архив, папка «Переписка высочайших особ», инв. № 296.)

29 мая.

Не доезжая до Петрограда, министр иностранных дел остановился в Царском Селе.

Днем румынский посланник позвонил к барону Шиллингу по телефону и сказал, что должен сделать важное сообщение по поручению своего правительства. Барон Шиллинг ответил ему, что со своей стороны мог бы лишь принять слова посланника ad referendum, и предложил отложить сообщение до следующего дня, когда министр приедет в город. Г. Диаманди с этим согласился.

30 мая.

Румынский посланник явился к министру иностранных дел для передачи, по поручению своего правительства, официального протеста против нарушения неприкосновенности румынской территории в местечке Маморнице, где русские войска во время боя с австрийцами вступили в пределы Румынии. Министр ответил посланнику, что, насколько ему известно, инцидент сам по себе не имеет большого значения, но что он не может не высказать г. Диаманди своего удивления по поводу недружелюбного тона, в котором Братиано протестовал по этому поводу перед императорским посланником в Бухаресте. Министра особенно неприятно поразило заявление Братиано д. с. с. Поклевскому, что, если русские войска не будут немедленно отозваны с румынской территории, румынским войскам, отправленным в Маморницу, будет предписано удалить их силою.

Г. Диаманди поспешил заверить, что Братиано наверное не имел в виду сказать что-либо недружелюбное по отношению к России; по крайней мере, в полученной им, Диаманди, телеграмме нет ни слова в смысле возможности вооруженного столкновения между русскими и румынскими войсками. Быть может, он в первую минуту не вполне удачно выразился, что может быть объяснено его беспокойством за последствия для Румынии создавшегося положения. Вообще, по словам г. Диаманди, многие в Бухаресте, повидимому, были склонны думать, что русские войска вступили на румынскую почву нарочно, чтобы этим путем вовлечь Румынию в войну.

С. Д. Сазонов самым решительным образом возражал против такого предположения и сказал: «Напрасно вы думаете, что мы так жаждем вашего выступления. Если Румыния пожелает ныне принять участие в войне, мы встретим это решение очень сочувственно, и, я думаю, оно послужит на пользу прежде всего самой же Румынии. Если же вы еще раз упустите удобную минуту, и ваши национальные вожделения останутся неосуществленными, вам придется сетовать лишь на самих себя. Как вы знаете, я только что вернулся из ставки

и могу вас уверить, что там относятся довольно равнодушно к вопросу о вашем выступлении. Все, что от вас хотят, заключается лишь в том, чтобы вы оставались спокойными».

6 июня.

Воспользовавшись разговором наедине с министром иностранных дел после завтрака в яхт-клубе, румынский посланник выразил сетование на задержки, испытываемые провозом румынского оружия через Россию, и просил С. Д. Сазонова оказать содействие к благоприятному разрешению этого вопроса. Министр заявил, что им в этом отношении уже приняты все зависящие от него меры, но указал на затруднительность своего положения ввиду недоверия, которое естественно вселяет здесь во многих, в том числе и в членах Совета Министров, неопределенная политика Румынии. С. Д. Сазонов еще раз повторил все доводы, оправдывающие отношение к румынским грузам со стороны как военных, так и гражданских властей России. Он прибавил, что румынскому правительству легко было бы помочь делу, если бы оно согласилось поскорее подписать военное соглашение, которое явилось бы обеспечением для нас, что румынские военные грузы не напрасно будут задерживать движение на и без того уже перегруженных наших железных дорогах. В оправдание отказа Братиано от немедленного подписания военного соглашения румынский посланник ссылался на опасность, которую представила бы для Румынии возможная огласка такого соглашения. На это С. Д. Сазонов возражал, что соглашение могло бы быть заключено в том виде, в каком состоялось в свое время англо-французское военное соглашение, которое являлось лишь, так сказать, техническим договором между военными штабами обеих сторон на случай, если бы армиям обоих государств пришлось участвовать в совместных военных действиях.

Румынский посланник обещал телеграфировать в Бухарест, чтобы передать высказанное С. Д. Сазановым мнение.

6 июня.

Барона Шиллинга посетил г. Марк Валленберг, вновь приехавший из Стокгольма по делу о московском городском телефоне. Говоря о настроении в Швеции, он самым решительным образом утверждал, что огромное большинство шведского народа стоит за сохранение нейтралитета и что небольшая кучка активистов не может вызвать осложнений, как это доказала недавно благополучно закончившаяся вспышка шовинизма на почве аландского вопроса. Барон Шиллинг упомянул о странной роли, сыгранной по этому случаю риксмаршалом графом Дугласом. Г. Валленберг поспешил заверить, что граф Дуглас не имеет никакого значения в стране, так как влияние его ограничивается узким

придворным кругом. По словам г. Валленберга, в Швеции особенным весом пользуются торгово-промышленные, финансовые и земледельческие круги, которые все настаивают на сохранении нейтралитета. В подтверждение этих слов шведский финансист привел недавнее обращение к печати означенных кругов, взывавших к благоразумию печати, приглашая ее действовать умеряющим образом на правительство и общественное мнение. Кроме того, г. Валленберг напомнил, что во время расторжения унии с Норвегией Швеция была отлично вооружена и легко могла справиться с совершенно неподготовленной Норвегией. Тем не менее она устояла против искушения силой удержать Норвегию только потому, что она ясно сознавала, что, легко достигнув временной победы, она создаст себе под боком непримиримого врага, борьба с коим поглотит ее силы на многие годы. На этот пример г. Валленберг сослался как на доказательство уравновешенности и дальновидности шведов, прибавив, что если Швеция в 1915 г. проявила столько мудрости, то тем паче она теперь не бросится легкомысленно в борьбу с могущественной соседкой — Россией, при меньшем вероятии хотя бы временного успеха и еще большей уверенности в гибельных последствиях такой борьбы для будущего.

9 июня.

Г. Марк Валленберг был принят министром иностранных дел, которому он повторил приблизительно то же, что говорил барону Шиллингу 6 июня, причем С. Д. Сазонов со своей стороны высказал ему неудовольствие, вызываемое в России постепенно возвращающимися вспышками шведского активизма, а также свои сетования на личный состав шведской миссии в Петрограде.

12 июня.

Так как министр иностранных дел по случаю воскресенья не приехал из Царского Села, то французский посол посетил барона Шиллинга и с первых же слов заявил, что ему поручено правительством республики самым решительным образом настаивать на оборудовании перевозки румынских грузов из Архангельска и Владивостока. Он объяснил, что во Франции горячо желают скорейшего выступления Румынии, а так как Братиано в оправдание дальнейшей затяжки этого выступления постоянно ссылается на неполучение через Россию необходимых Румынии предметов военного снаряжения, г. Бриан считает необходимым отнять у румынского министра возможность ссылаться на этот предлог. Г. Палеолог изложил пожелания французского правительства в частном письме на имя министра иностранных дел, каковое он просит доставить С. Д. Сазонову непременно в тот же день и надеется, что министр, по надлежащем сношении с генералом Алексеевым, най-

дет возможным дать вполне удовлетворительный ответ; в противном случае посол намерен испросить высочайшего приема у государя императора, дабы исходатайствовать личное вмешательство его величества в это дело, которому французское правительство придает большое значение.

Барон Шиллинг сказал, что в тот же день перешлет письмо министру и что не считает себя вправе вступать официально в дальнейшее обсуждение затронутого вопроса. Тем не менее барон Шиллинг выразил готовность, по просьбе посла, высказать совершенно частным образом свое личное мнение. Не отрицая того, что перевозка румынских грузов о т ч а с т и задерживается вследствие недостатка сочувствия к этому делу со стороны русских военных и гражданских властей ввиду известного недоверия их к Румынии, барон Шиллинг напомнил, что эта задержка в значительной степени объясняется и материальными затруднениями, с которыми, как известно, нам приходится бороться в нашем железнодорожном деле. Вследствие сего, раз французское правительство придает такое значение перевозке румынских грузов, оно должно бы прежде всего облегчить фактическую осуществимость этой перевозки путем скорейшего удовлетворения обращенной недавно к нему просьбы об отпуске России тысячи мощных бельгийских паровозов, а также соответствующего воздействия на Румынию, чтобы побудить ее в своих же собственных интересах исполнить сообщенные ей наши пожелания относительно австрийского подвижного состава в Буковине. Наоборот, заявления в Бухаресте, подобно тем, которые только что предписаны французским правительством Блонделю (телеграмма из Парижа № 433), могут скорее всего иметь отрицательные последствия, так как чем больше союзники будут увещевать румын выступить, тем более последние возомнят о себе в предположении, что союзники крайне нуждаются в их выступлении и что поэтому Румынии выгоднее оттягивать таковое, заламывая все большую цену за свое вооруженное содействие. «Никто, больше нас, — сказал барон Шиллинг послу, — не может более дорожить выступлением Румынии, войска которой могли бы непосредственно поддержать именно наш левый фланг, а потому можно быть уверенным, что Россия более, чем кто-либо была бы готова сделать все необходимое для выступления Румынии. Но все это предполагает одно непременное условие, а именно, чтобы выступление Румынии было своевременным; если бы румыны выступили сейчас или, по крайней мере, в ближайшие недели, их содействие имело бы для нас большую ценность. Но если их наступление должно состояться, лишь когда нашими победами и жертвами сокрушение Австрии будет уже достигнуто, тогда выступление Румынии будет не только лишним, но и нежелательным, так как с ним будет только связан подлежащий

к уплате бесцельный счет. Мы хотим лишь полезного для нас выступления Румынии, во Франции, повидимому, готовы приветствовать всякое выступление Румынии, при каких обстоятельствах и когда бы оно ни состоялось».

Г. Палеолог не отрицал некоторой разницы между русской и французской оценками румынского выступления, но оправдывал проявляемую в этом отношении французским правительством некоторую нервность «невольной усталостью, которая начинает замечаться во французском народе». Посол объяснил эту усталость огромными потерями, испытанными [1]) за последнее время: по его словам, оборона Вердена до сих пор стоила Франции 310 000 человек, и хотя противник со своей стороны потерял под стенами названной крепости 450 000 человек, все же испытанный французской армией урон особенно чувствителен ввиду сравнительной скудности населения во Франции.

Около 5 часов французский посол, вызвав барона Шиллинга по телефону, передал, что представлялось бы весьма желательным ускорить предполагаемое пожертвование Георгиевского креста городу Вердену, так как им получены сведения о том, что при нынешних обстоятельствах приходится считаться с возможностью падения крепости. Г. Палеолог просил передать это ходатайство министру иностранных дел.

17 июня.

У барона Шиллинга одновременно сошлись три союзных посла — английский, французский и итальянский, причем г. Палеолог прочел полученные им из Парижа телеграммы, из которых явствовало следующее: генерал Жоффр поручил французскому военному агенту в Бухаресте изложить все доводы с военной точки зрения в пользу скорейшего выступления Румынии. На соответствующее заявление майора Пишона генерал Илиеско ответил, — ручаясь при этом, что он высказывает мнение самого короля, — что, если Румынии будет указан определенный срок прибытия первого поезда с ожидаемым военным снаряжением, то мобилизация румынского войска будет объявлена за 40 дней до указанного срока. Генерал Жоффр, в свою очередь, поручил майору Пишону ответить на это, что первый поезд со снаряжением мог бы, по всей вероятности, прибыть в Румынию уже 15 июля, а за ним последовали бы и другие, если только Румыния действительно решилась на выступление. — Французский посол был склонен считать эти сведения весьма благоприятными. Барон Шиллинг возражал, что сама по себе румынская мобилизация не может считаться уступкой

[1]) Так в подлиннике.

требованиям держав Согласия. Напротив того, мобилизованная, но не связанная обязательством выступления в определенный срок на стороне Согласия, Румыния может оказаться даже менее удобною для нас, нежели до сих пор немобилизованная Румыния, а потому казалось бы необходимым настаивать на ясном заявлении со стороны Румынии, что она обязывается выступить против Австро-Венгрии в определенный кратчайший срок. Великобританский и итальянский послы присоединились к этому мнению, тогда как г. Палеолог вновь поддерживал французскую точку зрения на желательность выполнения всех требований Румынии, только бы она выступила, безразлично когда состоится это выступление.

Барон Шиллинг снова горячо оспаривал этот взгляд, указывая на то, что нам следует руководствоваться не удобствами Румынии, а лишь собственной пользой, что заставляет признать удовлетворение румынских пожеланий целесообразным, лишь поскольку выступление Румынии принесет союзникам непосредственную пользу, тем более что оплачивать услуги Румынии придется не Франции, а главным образом России, ибо Россия должна перевозить румынское вооружение за счет перевозок своих собственных боевых припасов, и России же ближе всего касаются те части австро-венгерских земель, на которые простираются румынские вожделения.

19 июня.

Отъезд г. Диаманди из Петрограда в Бухарест.

20 июня.

Подписание русско-японского договора [1]).

---

[1]) Текст этого договора гласит: «Российское императорское правительство и японское императорское правительство, желая укрепить их искренне дружеские отношения, установленные их секретными соглашениями от 17 (30) июля 1907 г., от 21 июня (4 июля) 1910 г. и от 25 июня (5 июля) 1912 г., пришли к соглашению относительно следующих статей, предназначенных пополнить вышеупомянутые соглашения.

Статья I.

Обе высокие договаривающиеся стороны, признавая, что их внутренние интересы требуют, чтобы Китай не подпал под политическое влияние какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии, каждый раз, как того потребуют обстоятельства, откровенно и честно войдут в сношения относительно их и совместно выработают мероприятия, необходимые для того, чтобы предотвратить создание такого положения вещей.

Статья II.

В том случае, когда, вследствие мероприятий, принятых с общего согласия, как то было предусмотрено в предыдущей статье, будет объявлена война между одной из договаривающихся сторон и одной из третьих держав, указанная в пре

27 июня.

Отъезд министра иностранных дел, в сопровождении начальника канцелярии барона Шиллинга, на царскую ставку.

28 июня.

Члены Совета Министров в полном составе прибыли на царскую ставку в Могилев.

Вскоре по приезде министр иностранных дел в сопровождении барона Шиллинга отправился в дипломатическую канцелярию, где Муравьев [1]) доложил составленный в штабе верховного главно-

---

дыдущей статье, другая из договаривающихся сторон, по требованию своей союзницы, придет к ней на помощь, и, в таком случае, каждая из высоких договаривающихся сторон обещает не заключать мира без предварительного соглашения с другой договаривающейся стороной.

Статья III.

Обстоятельства, при которых каждая из высоких договаривающихся сторон окажет вооруженную помощь другой договаривающейся стороне, как то было условлено в предыдущей статье, и способ осуществления этой помощи будут установлены уполномоченными обеих высоких договаривающихся сторон.

Статья IV.

Предполагается, однако, что ни одна из высоких договаривающихся сторон не обязана будет оказывать своей союзнице вооруженную помощь, предусмотренную в статье II настоящего соглашения, не обеспечив себе предварительно со стороны своих союзников содействия, соответственного важности угрожающего конфликта.

Статья V.

Настоящее соглашение войдет в силу со дня подписания его и будет действительно по 1 (14) июля 1921 г.

В том случае, когда ни одна из высоких договаривающихся сторон не заявит за год до наступления этого срока о своем намерении прекратить действие соглашения, оно сохранит свою силу в течение года, начиная с того дня, в который та или другая из высоких договаривающихся сторон заявит о прекращении его действия.

Статья VI.

Настоящее соглашение останется строго конфиденциальным между обеими высокими договаривающимися сторонами.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные их правительствами, подписали это соглашение и приложили свои печати.

Подписано в Петрограде 20 июня (3 июля) 1916 г. или в 3-й день 7-го месяца пятого года по летоисчислению Таишо. (Перевод с франц., сдел. в Архиве Вн. Пол. Дело IV пол. отд. В. Д. Японский стол, инв. № 213.)

[1]) Муравьев В. Н. — и. д. вице-директора дипл. канцелярии при штабе верх. главнокомандующего.

командующего проект военного соглашения с Румынией. Этот проект не вызвал возражений со стороны министра, за исключением статьи 5-й, для которой была тут же выработана видоизмененная редакция с целью обеспечить возможность привлечения румынских войск в интересах общего дела союзников не только в областях ближе интересующих Румынию, но и в других направлениях.

Днем министр посетил генерал-адъютанта Алексеева, который вполне одобрил предложенное видоизменение статьи 5-й соглашения. Из опасения однако, что видоизменение это не будет принято румынами, было решено поручить полковнику Татаринову предварительно нащупать почву и включить в соглашение предположенное дополнение лишь в том случае, если окажется возможным получить на него согласие Братиано.

По поводу польского вопроса генерал-адъютант Алексеев сообщил С. Д. Сазонову, что, затронув этот предмет на утреннем своем докладе, в этот день, он услышал от государя следующие слова: «Я начинаю думать, что разрешение этого вопроса является теперь действительно своевременным».

Вернувшись на вокзал, где министры остановились в своих вагонах, С. Д. Сазонов встретил министра народного просвещения графа Игнатьева, который сказал ему, что он видел только что уехавшего в Петроград члена Государственного Совета графа Велепольского. Последний просил передать С. Д. Сазонову, что после завтрака у государя он удостоился всемилостивейшей беседы и был уполномочен его величеством объявить своим соплеменникам, что в ближайшем времени появится манифест, дарующий новое положение Польше.

В 6 часов под председательством государя императора собрался Совет Министров, посвященный главным образом вопросам снабжения армии, устройства тыла и обеспечения продовольствием. Было решено объединить деятельность существующих комитетов, подчинив их председателю Совета Министров. Кроме того, был решен вопрос о новом призыве для пополнения понесенных в последних боях потерь. Намекая на разногласие, возникшее между председателем Совета Министров и министром земледелия, государь император призывал к прекращению внутренне-советских неладов.

В ожидании обеда за высочайшим столом, накрытым в палатке в губернаторском саду, обер-гофмаршал граф Бенкендорф рассказал барону Шиллингу, что после завтрака в той же палатке его величество, разговаривая с разными лицами, медленно приближался к графу Велепольскому, видимо, готовясь сказать ему нечто особенное. Действительно, во время непродолжительного разговора, которым был

удостоен граф Велепольский, ему было дано обещание, о котором говорил граф Игнатьев.

После обеда государь назначил приемы министрам земледелия и юстиции. Когда егермейстер Наумов вышел из кабинета его величества, он обнял ожидавшего в соседней комнате А. А. Хвостова и сказал ему: «Поздравьте меня. Я освобожден от своих обязанностей». Поставленный ребром А. Н. Наумовым вопрос о невозможности дальнейшего пребывания в Совете одновременно его и Б. В. Штюрмера привел к отставке министра земледелия.

29 июня.

Всеподданнейший доклад министра иностранных дел был назначен тотчас после завтрака у государя императора. Доложив его величеству текущие дела, касающиеся переговоров с Румынией, нашего положения в Персии и пр., С. Д. Сазонов сказал государю, что граф Велепольский осведомил его об услышанных им высокомилостивых словах касательно предполагаемого манифеста. Государь подтвердил эти слова и спросил С. Д. Сазонова, как, по его мнению, лучше всего осуществить намеченное дело. Министр откровенно ответил, что если это дело будет поручено людям, не сочувствующим ему, то мудрое и великодушное решение его величества может быть искажено, и все дело испорчено. Сначала С. Д. Сазонов думал, что выработка текста манифеста должна была бы быть поручена комиссии с участием членов Совета Министров и нескольких видных поляков, но, по зрелом обсуждении этого вопроса, он пришел к заключению, что предпочтительно поручить означенную работу одному лицу, а именно государственному секретарю Крыжановскому. Государь вполне одобрил эту мысль и уполномочил министра иностранных дел передать С. Е. Крыжановскому высочайшее повеление изготовить проект манифеста со включением в него главных основ будущей автономии Польши, заключающихся в составленной министерством иностранных дел записке, дабы поляки увидели в этом акте не только выражение доброжелательности, но и положительные обещания.

Министр в тот же день отбыл обратно в Петроград. В том же поезде следовал военный министр и министр юстиции А. А. Хвостов.

1 июля.

С. Д. Сазонов передал государственному секретарю Крыжановскому высочайшее повеление выработать манифест о будущем устроении Польши и сообщил об этом председателю Совета Министров Б. В. Штюрмеру.

2 июля.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов отбыл для двухнедельного отдыха в Финляндию.

5 июля.

Французский посол дал завтрак в честь отправляющегося к месту служения нового французского посланника в Бухаресте графа де Сент-Олэр и находившегося в Петрограде проездом во Францию индокитайского генерал-губернатора г-на Рум. После завтрака у г-на Сент-Олэр был продолжительный разговор о румынских делах с бароном Шиллингом. Последний обратил серьезное внимание графа Сент-Олэр на крайне неблагоприятное впечатление, которое произведут на русское общественное мнение сделанные румынам земельные уступки в Буковине, как только таковые станут известными. Когда же, кроме того, узнают, что уступки эти были сделаны под влиянием или даже давлением Франции, то недовольство ими неминуемо обратится против наших союзников, что, разумеется, крайне нежелательно во всех отношениях. Французский посланник обещал иметь в виду это обстоятельство и указывать на него своему правительству, если это окажется нужным. Он также взялся отвезти в Бухарест письмо барона Шиллинга императорскому посланнику Поклевскому-Козелл, в котором подробно изложены те же соображения.

6 июля.

6 июля шведский посланник посетил управляющего министерством гофмейстера Нератова для передачи ноты с протестом по поводу потопления «Сирии» и вместе с тем сообщил А. А. Нератову, что шведское правительство желало бы приступить к переговорам по аландскому вопросу. Посланник просил сообщить ему, будут ли эти переговоры вестись в Петрограде или в Стокгольме. Управляющий министерством ответил посланнику, что министр иностранных дел в непродолжительном времени вернется в Петроград и что по возвращении С. Д. Сазонова генерал Брандстрем будет немедленно поставлен в известность о пожеланиях императорского правительства в этом вопросе.

6 июля.

Фельдегерь привез из ставки личное письмо государя императора на имя министра иностранных дел. В тот же вечер барон Шиллинг повез это письмо в санаторию Рауха в Финляндию, где находился С. Д. Сазонов.

8 июля.

В ставку отправлено привезенное накануне вечером бароном Шиллингом из Финляндии ответное письмо С. Д. Сазонова его императорскому величеству.

10 июля.

Обнародованы высочайший рескрипт на имя С. Д. Сазонова и указы об увольнении его от должности министра иностранных дел, о назначении на его место председателя Совета Министров Б. В. Штюрмера, а также о назначении министром внутренних дел А. А. Хвостова и министром юстиции сенатора Макарова.

14 июля.

А. А. Нератов поехал утром к Б. В. Штюрмеру на Елагин остров, а потому союзным послам было передано по телефону, что товарищ министра их примет лишь в 5 часов дня. Тем не менее в то время как у барона Шиллинга около полудня сидел итальянский посол, французский посол спросил по телефону, может ли он тотчас приехать ввиду спешности порученного ему сообщения. Прибыв через несколько минут после этого, г. Палеолог в присутствии маркиза Карлотти сказал барону Шиллингу, что французское правительство придает первостепенное значение выступлению Румынии и настоятельно просит императорское правительство не затруднять соглашения, а напротив того, самой широкой уступчивостью требованиям Братиано содействовать скорейшему окончанию переговоров в желательном смысле. Барон Шиллинг возражал, что союзниками сделаны уже слишком широкие уступки румынам и что дальнейшие шаги в этом направлении не только не соответствуют достоинству держав, но и едва ли приведут к цели, укрепляя Братиано в убеждении, что он может всегда выторговать еще что-нибудь. Г. Палеолог с жаром доказывал, что ценность скорейшего выступления Румынии далеко превосходит ценность требуемых от союзников уступок. Барон Шиллинг отвечал, что уступки, делаемые нами румынам, кажутся малоценными французам лишь потому, что все эти уступки делаются главным образом за счет России. Французский посол указывал на сильное возбуждение, охватившее его соотечественников, и предостерегал, что, если теперь переговоры с Румынией не приведут к выступлению последней, то во Франции будет сильное разочарование, причем, так как ответственность за неуспех переговоров будет возложена на Россию, это вызовет сильнейшее негодование против нее, — что крайне нежелательно с точки зрения интересов франко-русского союза. На это барон Шиллинг также с жаром возражал, что русское общественное мнение в свое время равным образом возложит на Францию ответственность за все уступки, сделанные Румынии, — что не менее опасно с точки зрения интересов союза. Тогда г. Палеолог в оправдание настойчивости своего правительства в этом вопросе заявил, что утомление войною, замечаемое во Франции, и беспокойство за будущее столь велики, что правительство не

может с ними не считаться: в выступлении Румынии Франция видит последнее средство перетянуть чашу весов на свою сторону, так как понесенные в последних боях тяжелые потери заставляют призадуматься, долго ли еще Франция может выдержать такое испытание. Посол заключил словами: «Je dois vous dire que nous n'avons plus un seul homme dans nos dépôts» [1]). Барон Шиллинг доказывал ему ошибочность стремления возлагать чрезмерные надежды на одно лишь выступление Румынии, которое, очевидно, не придаст Франции недостающих ей резервов и едва ли изменит в чем-либо положение на французском фронте.

Разговор, по свидетельству присутствовавшего итальянского посла, носил весьма оживленный характер. Когда вслед затем в 5 часов дня г. Палеолог приехал к А. А. Нератову, он, видимо, несколько успокоился, но, тем не менее, передал товарищу министра убедительную просьбу — во внимание к ходатайству Франции пойти на все возможные уступки по отношению к Румынии.

15 июля.

Министр иностранных дел Б. В. Штюрмер вступил в управление министерством и обошел все департаменты и отделы, знакомясь с чинами министерства.

21 июля.

В 5 часов пополудни шведский посланник посетил на Елагином острове министра иностранных дел Б. В. Штюрмера. Генерал Брандстрем повторил министру уже переданное им перед этим управляющему министерством гофмейстеру Нератову пожелание шведского правительства о приступлении к переговорам по аландскому вопросу.

25 июля.

При посещении А. А. Нератова, как обыкновенно, в 12 часов дня, французский посол сообщил, что им получена телеграмма от президента Французской республики на имя государя императора с увещаниями согласиться на дальнейшие уступки Румынии для скорейшего заключения с последней предположенных соглашений. Г. Палеолог, однако, прибавил, что он намерен замедлить передачу означенной телеграммы, полагая, что, может быть, ему будет предписано вовсе отменить таковую передачу, когда в Париже узнают, что, по ходу переговоров с Румынией, заключение договора ставится теперь в зависимость не столько от тех или иных уступок со стороны России, сколько от согласия Франции и Англии предпринять наступление из Салоник за 10 дней до выступления Румынии.

[1]) «Должен вам сказать, что у нас нет больше ни одного человека в наших резервах».

В 6 часов вечера французский посол, тем не менее, решил передать телеграмму г. Пуанкаре [1]), не считая себя в праве долее ее задерживать, и привез ее в министерство барону Шиллингу. Его, однако, продолжала озабочивать мысль, что, если Франция и Англия не найдут возможным согласиться на требование Братиано наступления салоникской армии, то разрыв переговоров с Румынией может последовать из-за этого, с возложением, равным образом, ответственности за неуспех переговоров на Францию.

31 июля.

В разговоре сначала с бароном Шиллингом, а затем с А. А. Нератовым, французский посол, стараясь убедить в желательности принять редакцию Братиано для пункта 5-го соглашения, заявил, что г. Бриан придерживается на этот счет следующего взгляда: или по окончании войны союзники будут столь сильны, что им легко будет выговорить для Румынии все обещанные ей земельные приращения, и в таком случае обязательство не заключать мира без осуществления этого условия не создаст никаких затруднений, — или союзники принуждены будут сами поступиться некоторыми своими требованиями, и в таком случае Румынии волей-неволей придется склониться перед так называемой force majeure, не настаивая на осуществлении державами неисполнимых обещаний.

6 августа.

Английский посол посетил А. А. Нератова 6 августа и осведомился о намерениях в польском вопросе. Он сообщил о дошедших до его правительства сведениях о намерениях Австро-Германии провозгласить автономию Польши, что будто бы даст немцам возможность поднять до 600 000 рекрутов.

14 августа.

Приехавший со ставки директор дипломатической канцелярии подтвердил уже сообщенные им в последних телеграммах сведения о несколько тревожном настроении в связи с ожидаемым выступлением Румынии. Известные опасения как бы подтверждались тем фактом, что назначенный состоять при нашем верховном командовании генерал Коанда отложил свой приезд на две недели.

15 августа.

В 11 с половиной часов утра Петроградское Телеграфное Агентство сообщило по телефону в министерство иностранных дел, что из Стокгольма получена телеграмма следующего содержания: «Из Бер-

[1]) О передаче телеграммы Пуанкаре см. в кн. М. Палеолога «Царская Россия накануне революции», в его подлинной записи, относящейся к 6/VIII 1916 г. нов. ст., стр. 172.

лина официально сообщают, что Румыния вчера вечером объявила войну Австрии. Немедленно созван Союзный Совет».

В 12 часов дня к начальнику канцелярии Б. А. Татищеву пришел итальянский посол и сообщил об объявлении войны Италией Германии. Маркиз Карлотти говорил о желании Италии еще теснее сплотить единение между союзниками и выразил надежду, что отныне итальянский представитель и в чисто формальном отношении будет приравнен к его английскому и французскому сотоварищам. Из слов посла было ясно, что он домогается главным образом быть допущенным на общие ежедневные приемы союзных послов у министра иностранных дел. (Пожелание итальянского посла не встретило сочувствия в министерстве иностранных дел. Обсуждение всех текущих политических вопросов, которое могло вестись с большой откровенностью между министром и английским и французским послами, встретило бы значительные затруднения в случае присутствия при разговорах представителя Италии. При обсуждении пожелания маркиза Карлотти было высказано то соображение, что интересы Италии противоположны интересам славян на Балканском полуострове и всякий обмен мнений по балканским делам в присутствии итальянского посла неизбежно повлечет необходимость считаться с пожеланиями Италии. Вследствие сего было даже высказано предположение об отмене ежедневных совместных приемов союзных послов министром иностранных дел, причем каждый из союзных послов, в случае необходимости переговорить с министром иностранных дел, мог бы быть принимаем отдельно.)

16 августа.

Утром румынский поверенный в делах был у начальника канцелярии Б. А. Татищева и вручил ему для передачи министру копию ноты, переданной румынским посланником австро-венгерскому правительству об объявлении Румынией войны Австро-Венгрии.

Утром же получены канцелярией и разобраны телеграммы посланника в Бухаресте №№ 544 и 545 [1]).

18 августа.

В министерство иностранных дел прибыл итальянский посол и просил официально министра от имени своего правительства о постав-

[1]) В секретной телеграмме от 15/VIII 1916 г. за № 544 Поклевский сообщал о принятом 14/VIII Коронным советом решении объявить мобилизацию, об объявлении вечером того же дня войны Австрии и о переходе румынскими войсками границы.

В секретной телеграмме от того же числа за № 545 тот же Поклевский сообщал о предстоящем отъезде вражеских миссий из Румынии.

лении его в известность о всех соглашениях, заключенных союзными правительствами. При разговоре присутствовал товарищ министра А. А. Нератов.

18 августа.

18 августа с. г. итальянский посол сделал следующее сообщение гофмейстеру Нератову на основании полученных им телеграмм: 1) По итальянским сведениям, Радович имел продолжительное совещание с представителем Сербии по вопросу об отречении короля Николая [1]). После этого Радович был с докладом у короля, который будто бы выразил свое согласие отречься от престола в пользу сербского королевича Александра, но при условии, чтобы одновременно с этим отрекся бы и король Петр и чтобы на случай отсутствия наследников у королевича Александра таковым бы был объявлен княжич Данило или кто-либо из членов рода Петра Негоша.

---

[1]) В секретной телеграмме посланника при черногорском дворе Ислявина, отправленной последним из Парижа 15/VIII 1916 г. за № 46, сообщалось: «Вследствие последних событий на Балканах еще больше окрепла вера черногорцев в победу России и союзников, и усилились их заботы о будущей судьбе родины. На-днях Радович имел продолжительную беседу с королем Николаем, в коей доказывал необходимость всемерно содействовать успеху союзников и торжеству союзных начал. Обращая внимание короля на неизбежность слияния Черногории с Сербией, Радович возбудил вопрос об отречении короля Николая в пользу королевича Александра сербского. Король, желая посоветоваться по этому важному вопросу с Пламенацем, выписал последнего из Рима. Только что прибывший сюда Пламенац заявил мне, что он вполне разделяет взгляд Радовича по вопросу об отречении, в каковом смысле и высказался перед королем. Сам король еще колеблется, но Радович рассчитывает убедить его в необходимости принять подобное решение в пользу страны и славянского дела. Пока в беседах со мною король не касался этого вопроса».

В секретной телеграмме того же Ислявина от 16/VIII 1916 г. за № 48 сообщалось о том, что король Николай принял решение ехать в Италию, но что Радович старается отклонить его от этой поездки «из опасения итальянского влияния на короля в смысле поощрения надежд его обособленной, направленной против сближения с Сербией политики».

В секретной телеграмме от 17/VIII 1916 г. № 49 Ислявин сообщал о состоявшемся свидании короля с Брианом, во время которого шла речь о будущей судьбе Черногории.

В секретной телеграмме Ислявина от 18/VIII 1916 г. № 50, между прочим, значилось: «Радович сообщил мне, что сегодня король Николай в присутствии всех членов черногорского кабинета и князя Петра заявил, что в принципе он согласен отречься от престола в пользу королевича Александра сербского. Совет не решил еще, следует ли это исполнить теперь или по возвращении своем в Черногорию. Радович собирается просить императорское правительство и союзников высказать свой взгляд по этому поводу...» (Секр. архив, инв. № 1669.)

2) По сведениям Фашотти, полученным им от Парумбаро [1]), между Радославовым и представителями военного ведомства Болгарии происходят большие трения и нелады из-за того, что первый считает необходимым воздерживаться от агрессивного образа действий по отношению к Румынии, а военные настаивают на немедленном наступлении Болгарии на Румынию.

3) Между Болгарией и Австрией происходят серьезные недоразумения из-за Албании, так как Австрия не соглашается на допущение господства болгар в этой стране.

4) Соннино уведомил маркиза Карлотти, что итальянскому посланнику в Афинах предписано поддержать все окончательно выработанные представления, которые будет поручено сделать посланникам Согласия в Афинах [2]).

19 августа.

1. По сообщению Сент-Олэр, французского посланника в Бухаресте, болгары, не дожидаясь объявления войны со стороны Румынии, напали на румын в нескольких местах болгаро-румынской границы.

2. По сообщению английского посла, великобританский военный агент в Афинах имел беседу с новым начальником греческого генерального штаба Москопуло, который высказался перед ним в пользу немедленного выступления Греции на стороне союзников и выразил надежду, что ему придется принять активное участие в командовании войсками, имеющим действовать против Болгарии.

3. Английский посланник в Афинах сообщает, что в последней беседе с ним Займис высказал мнение, что теперь может [3]) наступает момент, когда Греции придется выйти из своего нейтралитета и вступить в ряды союзников держав Согласия, ввиду чего, может быть, теперь следует приступить к обсуждению тех условий, на которых могло бы состояться выступление Греции.

4. Маркиз Карлотти передал содержание полученной им из Парижа телеграммы о том, что Бриан сообщил итальянскому послу о согласии своем собрать представителей держав в Париже и обсудить вместе с Италией состоявшиеся соглашения, в которых Италия до сих пор не участвовала. На это гофмейстер Нератов возразил итальянскому послу, что, по его мнению, такое обсуждение, имеющее характер конференции, в настоящее время представляет известные неудобства, так как дало

---

[1]) Парумбаро Э. — румынский политический деятель, национал-либерал, мин. вн. дел в кабинете Братиано.

[2]) Речь шла о предъявлении Греции требования об установлении в ней союзного контроля над почтою и телеграфом и о высылке германских агентов. (См. «Европейские державы и Греция», изд. НКИД, 1922 г., стр. 99—100.)

[3]) Так в подлиннике.

бы право другим союзникам требовать в нем участия, и что, может быть, практичнее всего было бы ограничиться простым сообщением Италии содержания состоявшихся политических соглашений, на которое итальянское правительство могло бы сделать свои замечания.

5. По сообщению маркиза Карлотти, посланники в Афинах, вследствие издания декрета о выборах в старой Греции и в Эпире, решили протестовать против самого факта нахождения греческих войск в Аргирокастро, Премети и других пунктах, не признанных державами за Грецией.

6. По поручению своего правительства, греческий посланник официально сообщил о смещении Дусманиса и Метакса и замене первого из них Москопуло, известным за сторонника держав Согласия [1]). На замечание гофмейстера Нератова о том, что факт официального оповещения греческим правительством союзных держав показывает, что эта перемена продиктована не внутренними соображениями, а явилась актом политической необходимости в целях установления более близких отношений с державами Согласия, — греческий посланник ответил утвердительно.

21 августа.

В бытность Б. В. Штюрмера в ставке государь император показал ему текст телеграммы, полученной от короля английского, в которой упоминалось о существующих в некоторых русских кругах враждебных Англии течениях [2]).

Государь одновременно показал проект своего ответа с успокоительными заверениями и прибавил, что он еще не знает, каким бы образом закончить эту телеграмму.

Председатель Совета высказал мысль, что предание в России гласности согласия Англии и Франции на уступку России Константинополя и проливов сразу положило бы предел всем направленным у нас против англо-французской дружбы интригам.

21 августа.

По сведениям из Лондона, королевич Андрей греческий посетил Гардинга и запросил его, с некоторым выражением неудовольствия, по поводу тех мер, которые в настоящее время предпринимаются союзниками по отношению к Греции. По словам королевича, такое резкое обращение держав с Грецией ничем не оправдывается. На это лорд Гардинг ответил предъявлением королевичу документа в виде

[1]) Ген. Дусманис состоял начальником греческого генерального штаба.

[2]) Текст указанной телеграммы опубликован в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 414.

перехваченной радиотелеграммы, с совершенной ясностью устанавливающего передачу греческим генеральным штабом сведений о положении и действиях союзных войск в Македонии болгаро-германскому штабу. Королевич был немало смущен и ничего не возражал [1]).

26 августа.

Французский и английский послы сообщили министру иностранных дел о просьбе, обращенной генералом Жоффром к начальнику штаба верховного главнокомандующего, относительно развития военных действий союзников на Балканах. Подробности сделанного послами сообщения переданы в исходящей телеграмме № 3900 [2]).

Насколько известно министерству иностранных дел, взгляд генерала Алексеева в данном вопросе сводится к следующему.

Начальник штаба горячо приветствует развитие военных действий на Балканах, но считает, что последние можно было бы начать только в тот момент, когда мы будем иметь гарантию безопасности на теперешнем восточном фронте. Неподвижность австро-германских сил будет создана прежде всего климатическими условиями. В то же время генерал Алексеев считал бы целью наших действий на Балканах не разгром Болгарии или же помощь союзникам, что повлекло бы за собою лишь ослабление своих собственных сил, а преследование более широких задач, причем одною из них явилось бы направление наших сил на Константинополь.

---

[1]) Текст публикуемой поденной записи от 21/VIII 1916 г. вполне тождествен тексту документа, хранящегося в деле II полит. отдела — инв. № 139 В. Б. Греция, представляющего собою машинописную копию и имеющего заголовок: «Сообщение английского посла от 21 августа 1916 года».

[2]) В секретной телеграмме Штюрмера от 26/VIII 1916 г. за № 3900 на имя директора дипл. канцелярии ставки значилось: «Французский и великобританский послы сообщили мне сегодня об обращении к вашему высокопревосходительству генерала Жоффра по поводу огромных выгод, которые представило бы нам и союзникам широкое развитие нами военных действий на Балканском полуострове. По его мнению, этим достигалось бы осуществление нескольких важнейших задач, именно: соединение русских и союзных сил с угрозою разгрома Болгарии и возможность привлечения ее на нашу сторону; перерыв сообщения Турции с центральными империями и прекращение ей военной и экономической помощи и, наконец, открытие южного пути чрез Салоники. Последнее обстоятельство особенно ценно, так как, по его словам, даст возможность доставить для русской армии уже заказанные тяжелые орудия, которые будут готовы только к концу ноября, когда сообщение через Архангельск прекратится. Послы прибавили, что французское и великобританское правительства всецело разделяют взгляд генерала Жоффра и рассчитывают на благожелательное отношение к нему императорского правительства...» (Архив ставки, книга входящих телеграмм. Секр. архив, инв. № 1905.)

26 августа.

Норвежский посланник посетил министра иностранных дел Б. В. Штюрмера и напомнил ему, что представители трех северных держав уже два раза собирались на совещания по вопросам, связанным с войною, первый раз в Мальме, второй в Копенгагене. Ныне они предполагают собраться в третий раз в Христиании, причем на этот раз имеется в виду привлечение также и представителей некоторых других нейтральных стран — Голландии и Швейцарии. Посланник прибавил, что ему поручено предупредить об этом русское правительство ранее, нежели оно осведомилось бы об этом другим путем. Он настаивал на том, что совещание, как и два прежних, не будет затрагивать никаких политических вопросов и ограничится обменом мнений исключительно по вопросам торговым и о нейтралитете, которые касаются интересов нейтральных государств. В заключение посланник просил не упоминать о сделанном им сообщении в беседах с представителями других держав.

29 августа.

1. Итальянский посол, по поручению барона Соннино, выразил некоторое недовольствие [1]) итальянского правительства по поводу того, что во время последних событий в Греции Франция и Англия, не договорившись предварительно с Италией и Россией, предъявили ультиматум и подкрепили его внушительной морской демонстрацией в Пирее. По мнению Соннино, ввиду принципиальности вопроса и серьезности предъявленных требований, предварительное соглашение было необходимо. — Министр иностранных дел ответил ему, что русский посланник в Афинах получил инструкции присоединиться к своим коллегам и что запоздание произошло вследствие неудовлетворительности телеграфных сообщений. Итальянский же представитель в Афинах имел, повидимому, инструкции действовать заодно со своими коллегами — «si omnes». Кроме этого, события развертываются с такой быстротой, что почти не остается времени к предварительному обмену мнений, чем и объясняются решения Франции и Англии действовать иногда, сообразуясь с обстоятельствами [2]).

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) В секретной телеграмме Демидова от 20/VIII 1916 г. за № 491 сообщалось, что по прибытии соединенной эскадры к Саламину французское командование распорядилось о захвате неприятельских судов, стоявших сначала войны в Элевзейской бухте и Пирее, и что английский посланник получил предписание «присоединиться к своему французскому товарищу с требованием удаления из пределов Греции главных германских агентов, список коих с Шенком во главе составлен разведочной службой, а равно учреждения союзного контроля над станциями беспроволочного телеграфа и всеми почтово-телеграфными отделениями».

2. Оговорившись, что он собственно не имеет поручения говорить официально, маркиз Карлотти затронул вопрос о последствиях отречения короля черногорского Николая и соединения Сербии и Черногории в одно государство под властью королевича Александра. По его словам, в Риме чрезвычайно обеспокоены этим обстоятельством и считают, в связи с ним, желательным пересмотреть некоторые постановления касательно портов Адриатического моря. Так, Италия соглашалась на присоединение Катаррской бухты к Черногории в предположении, что эта последняя сохранит свою государственную самостоятельность. Присоединение же черногорской территории с Катаррской бухтой к Великой Сербии совершенно изменяет положение, так как в виды Италии не входит предоставлять этот важный порт на Адриатическом море сильному славянскому государству, каковым, повидимому, явится Сербия после всех своих приобретений. По словам посла, в Италии, повидимому, были бы склонны войти по этим вопросам в непосредственный обмен мнений с русским правительством, чтобы таким образом подготовить почву для наиболее удовлетворительного решения этой задачи. Маркизу Карлотти было отвечено в том смысле, что вопрос о слиянии Сербии с Черногорией еще нельзя считать окончательно решенным ввиду того, что самое предположение короля Николая об

«Последняя мера — замечал Демидов, — по-моему, встретит на практике серьезные затруднения. Мне не совсем понятно, имеет ли состояться выступление от имени держав-покровительниц или только англо-французов, принимающих непосредственное участие в демонстрации».

Текст ноты, переданной французским и великобританским посланниками греческому правительству, был следующий: «По приказанию их правительств посланники Франции и Англии имеют честь довести до сведения греческого правительства следующее: 1) Оба союзные правительства, зная из достоверного источника, что их враги получают сведения разными способами и особенно из греческих телеграмм, требуют предоставления им контроля над почтой и телеграфом, как обыкновенным, так и беспроволочным. 2) Подкупленные вражеские агенты и шпионы немедленно должны будут покинуть Грецию и более в нее не возвращаться до конца враждебных действий. 3) Необходимые меры будут приняты против тех греческих подданных, которые оказались бы соучастниками подкупов и шпионажа, упомянутых выше». (Секр. тел. Демидова от 20/VIII 1916 г., № 491-2.)

Секретной телеграммой от 22/VIII 1916 г. за № 967 Штюрмер предписывал Демидову: «Благоволите присоединиться к упомянутому в означенной телеграмме вашей выступлению английского и французского коллег касательно высылки всех немецких агентов из Греции, взятия союзниками в свое управление греческих телеграфов и секвестра всех неприятельских судов, находящихся в греческих портах.»

В секр. тел. от 22/VIII 1916 г. за № 513 Демидовым сообщалось, что Займис «принял целиком ноту французского и английского посланников». (Дело II пол. отд. В. Б. Греция, «Переговоры держав Согласия с Грецией», инв. № 139.)

отречении от черногорского престола еще не получило осуществления. Наконец, если бы таковое и осуществилось, то едва ли Италии, обладающей лучшими портами на Адриатическом море и обеспечившей себе большие преимущества Лондонским договором, следует беспокоиться о судьбе Катаррской бухты.

29 августа.

Государь возвратил Б. В. Штюрмеру телеграмму короля Георга и текст своего ответа, законченный в смысле вышеупомянутого замечания [1]).

30 августа.

Телеграмма государя была передана по назначению через английского посла в Петрограде.

3 сентября.

Французский посол сообщил, что, по полученным им сведениям, французские военные власти подчинили своему контролю все финансовые учреждения (таможни и т. п.) в Салониках.

4 сентября.

В ответной телеграмме государя императора королю английскому от 29 августа был затронут вопрос об обнародовании согласия Франции и Англии на присоединение к Российской империи по окончании войны Константинополя. Телеграмма государя была передана в Лондон через английское посольство, и со своей стороны сэр Дж. Бьюкенен выразил полное свое сочувствие к предположению министра иностранных дел и обещал телеграфировать об этом своему правительству. В этом вопросе Б. В. Штюрмер полагал заручиться прежде всего согласием английского правительства, а затем совместно с Лондонским кабинетом оказать воздействие на французов, так как, по имеющимся в министерстве иностранных дел сведениям, следовало ожидать известных затруднений со стороны Франции. Обнародовав сообщение о решении Франции и Англии предоставить нам Константинополь, Б. В. Штюрмер предполагал приступить к разрешению вопроса о будущности Польши. (Три проекта манифеста о Польше уже ранее были представлены государю императору.)

4 сентября английский посол сообщил Б. В. Штюрмеру, что предположение обнародовать константинопольское соглашение встречает возражения со стороны лорда Грэя. Английский министр иностранных дел опасается того впечатления, которое известие о решении держав положить конец существованию Турции в Европе могло бы произвести

[1]) Текст телеграммы Георга V Николаю и текст ответной телеграммы Николая Георгу опубликованы в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 414—415.

на мусульман в Египте, и особенно в Индии и Афганистане. Со своей стороны сэр Дж. Бьюкенен высказывался за опубликование соглашения и обещал еще раз телеграфировать в этом смысле в Лондон.

При беседе министра с английским послом присутствовал г. Палеолог, который выразил желание телеграфировать в том же смысле своему правительству.

4 сентября.

4 сентября в 10 часов утра г. министр иностранных дел пригласил к себе английского посла и сообщил ему содержание проекта сообщения относительно проливов и Константинополя, которое он предполагает опубликовать во всеобщее сведение. Английский посол сказал на это, что, как ему известно, лорд Грэй в принципе относится очень сочувственно к этой идее. Основываясь на своих предыдущих разговорах с министром иностранных дел, Бьюкенен уже телеграфировал по этому поводу в Лондон и получил оттуда такой ответ: по мнению лорда Грэя [1]), великобританское правительство было бы готово дать свое согласие на опубликование документов касательно перехода под власть России Константинополя и проливов, но считает, что для этого надо выбрать подходящий момент с точки зрения военного положения и политической обстановки, главным образом в мусульманских странах, как Персии, Афганистане, Индии и Аравии; в видах этого, лорд Грэй полагал бы необходимым предварительно внести этот вопрос на рассмотрение Военного Совета в Лондоне, который должен будет высказаться относительно своевременности предания гласности документов, решающих судьбу Константинополя, опубликование коих, конечно, произведет огромное впечатление во всем мусульманском мире, и что с этим обстоятельством не может не считаться великобританское правительство, имея миллионы подданных мусульман. После одобрения Военного Совета и одновременно с опубликованием документов в России, великобританский министр иностранных дел сообщил бы содержание этих документов для сведения членам законодательных палат. При этом великобританский посол отметил, что лорд Грэй придает особенное значение тому, чтобы были опубликованы самые документы, с обозначением на них дат, в видах осведомления русского общественного мнения о том, что Англия больше года тому назад заняла вполне определенное и вполне благоприятное для России положение в вопросе о жизненных ее интересах. — Министр иностранных дел выразил свою благодарность по поводу сочувственного отношения лорда Грэя к мысли об опубликовании документов, касающихся Константинополя

[1]) Об этом же см. шифрованную телеграмму Грэя Бьюкенену от 3(16) IX 1916 г., опубликованную в сб. «Константинополь и проливы», т. I, стр. 415—416.

и проливов, и указал на то, что это опубликование связано с некоторыми намерениями русского правительства относительно Польши таким образом, что осуществление первого предположения облегчит второе, которому союзники, повидимому, придают большое значение. Английский посол сообщил, что он не преминет об этом телеграфировать в Лондон.

5 сентября.

По словам маркиза Карлотти, в Италии большую тревогу и смущение вызывает то обстоятельство, что до сего времени итальянскому правительству не было сделано никакого сообщения относительно соглашений, заключенных Россией, Францией и Англией по вопросам, связанным с Турцией. Эта медленность вызывает среди итальянских государственных деятелей подозрение в том, что будто между союзными кабинетами происходит какой-то новый уговор. Такое настроение, по словам итальянского посла, поддерживается известием о крупной размолвке, происшедшей между итальянским послом в Париже Титтони и Маржери, директором политических дел. Больной Титтони попросил приехать к нему для объяснений по делам, касающимся сообщения, г. Маржери и во время беседы стал высказывать резкие упреки по адресу союзников, и в особенности по отношению к Франции, в том, что союзники не считаются с Италией, стараются как бы отстранить ее от общих дел, постановляют какие-то решения помимо ее, и что таким образом Италия является как бы жертвой обмана. На это Маржери не менее резко ответил, что все причитающееся Италии по Лондонскому договору державами ей предоставлено и что на большее она никакого права рассчитывать не имеет. Продолжавшийся в таком духе разговор привел к серьезной ссоре между обоими собеседниками. В заключение всего Титтони обратился с жалобой по телеграфу к Соннино, который был очень встревожен сообщенными ему Титтони впечатлениями об отношении союзников к Италии и поставил вопрос о представлении Маржери извинений и объяснения со стороны французского правительства. Инцидент этот до сих пор не улажен. Передавая об этом доверительно, маркиз Карлотти настаивал на крайней желательности по возможности немедленного сообщения Италии содержания интересующих ее политических соглашений.

5 сентября.

Бьюкенен передал содержание полученной им из Афин телеграммы, из которой видно, что английский посланник в Афинах имел беседу с новым главой правительства Дмитрокопуло, который на все вопросы Эллиота относительно будущего направления внешней политики и возможного выхода Греции из нейтралитета отвечал очень уклон-

чиво, указав на то, что немцы дали обещание не переходить линии, направляющейся от города Катерины, на берегу Солунского залива, и по направлению приблизительно к югу от Касторийского озера, при условии, конечно, что сами союзники не перенесут военных действий за эту границу.

6 сентября.

6 сентября 1916 года товарищ министра иностранных дел по приглашению королевича Николая посетил его высочество и имел с ним продолжительную беседу о греческих делах в присутствии великого князя Георгия Михайловича.

Греческий королевич прочел гофмейстеру Нератову полученную им от короля Константина телеграмму, в которой ему поручалось передать императорскому правительству заверения короля в том, что новый кабинет получил от него указания войти в тесное сотрудничество с посланниками Согласия и обсудить с ними общую программу действий ввиду желания Греции закрепить политические узы с державами-покровительницами. Королевич прибавил, что греческому посланнику поручено сделать в этом смысле официальное заверение (таковое было им сделано министру иностранных дел 8 сентября) [1]). Воспользовавшись этой беседой, королевич Николай высказал возмущение и неудовольствие короля на посланников, которые, по его словам, заняли по отношению к королевскому дому неподобающее положение. Хотя королевич и несколько выделил в этом отношении русского посланника, но отметил, что он легко поддается влиянию своих коллег.

Гофмейстер Нератов ответил, что, хотя он не может принять лично такого заявления официально, так как оно должно быть сделано официальным представителем Греции министру иностранных дел, но высказал свое личное мнение, что он считал бы возможным предписать посланнику вступить в деловые сношения с кабинетом Калогеропуло при условии, что последний не ограничится одними словами, но дей-

[1]) Указанное заверение, сделанное греческим посланником, имело следующую формулировку: «Новый кабинет, воодушевленный тою же политикой, что и кабинет г. Займиса, решил проводить ее с искренним желанием связать Грецию с державами Согласия еще более крепкими узами».

«Я ответил посланнику, — писал Штюрмер в своей секретной телеграмме от 8/IX 1916 г. № 4063, адресованной послам в Париже, Лондоне и Риме, — что мы принимаем это заявление к сведению и надеемся, что правительство Калогеропуло, не теряя времени, установит теперь же постоянную деловую связь с представителями держав Согласия, будет следовать их советам и выработает совместно программу действий, — но что, во всяком случае, в ожидании конкретных доказательств поворота греческой политики в сторону союзников, последние сохраняют за собою полную свободу действий...»

ствительно войдет в сотрудничество с представителями держав Согласия. На вопрос королевича, будет ли это означать, что все оскорбительные меры, принятые державами, будут отменены, А. А. Нератов ответил, что едва ли державы на это согласятся.

8 сентября [1]) греческий посланник был принят министром иностранных дел, которому от имени нового греческого правительства сделал заявления о полной готовности его следовать политике Займиса, при искреннем желании еще более закрепить узы, связывающие Грецию с державами-покровительницами. Министр иностранных дел ответил ему, что принимает это заявление к сведению и что он снесется по этому поводу с союзными кабинетами, лично не имея ничего против того, чтобы был сделан опыт сотрудничества между посланниками и кабинетом Калогеропуло, но что, по его мнению, принятые контрольные меры должны пока оставаться в силе.

9 сентября.

Телеграмма гр. Бенкендорфа № 739 была получена вечером 8 сентября [2]). На следующее утро затронутый в ней вопрос о необходимости рассеять известные опасения английского общественного мнения относительно прочности англо-русского согласия на будущее время обсуждался в министерстве иностранных дел. По этому поводу Б. В. Штюрмер высказал полное свое согласие дать при случае успокоительные заверения английскому общественному мнению. Министр выразил, однако, мнение, что официальное заверение о прочности англо-русского сближения должно быть приурочено к какому-либо сообщению, которое исходило бы от императорского правительства. (Имелось в виду выступление министра иностранных дел в Государственной Думе или опубликование сообщения о решении Англии и Франции предоставить нам Константинополь, в случае согласия на то наших союзников.) Обнародование одного лишь сообщения о неизменности на будущее время тех связей, которые установились между Россией и Англией, могло бы, по мнению Б. В. Штюрмера, произвести лишь нежелательное впечатление на общественное мнение обеих стран.

Днем министр иностранных дел отбыл на царскую ставку.

Ко времени отъезда министра в Могилев выяснилось, что затруднения к опубликованию сообщения о судьбе Константинополя могут встретиться главным образом со стороны Франции.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Телеграммы Бенкендорфа, относящейся к рассматриваемому времени и носящей № 739, в Архиве Вн. Пол. не обнаружено. Нумерация телеграмм того же посла за дни 7—8 сентября не выходит за пределы 558—562.

11 сентября.

11 сентября французский посол сообщил, что французским правительством выработан проект меморандума по греческим делам, сущность коего сводится к следующему.

Представителями Согласия в Афинах предполагается предложить греческому правительству или немедленно объявить войну Болгарии без каких бы то ни было условий насчет будущего вознаграждения Греции или же сохранять нейтралитет на следующих условиях:

1) Удаление некоторых германофильствующих членов из состава кабинета Калогеропуло.

2) Сохранение в силе уже принятых державами мер контроля и исполнение других, которые будут предложены в зависимости от обстоятельств.

3) Размещение греческих гарнизонов по плану, составленному союзными штабами.

4) Удаление воинских, жандармских и полицейских греческих частей из местностей, указанных союзными военными властями.

5) Роспуск военных лиг.

В случае, если греческое правительство откажется принять эти условия, то державы оставляют за собою свободу применить более решительные меры, кои они найдут нужными.

Проект этого меморандума был сообщен великобританскому правительству.

11 сентября.

Итальянский посол сообщил, что барон Соннино обратился к английскому послу в Риме с письмом, в котором он высказывает свои сомнения и некоторые упреки по адресу союзников, и в частности Англии, относительно медлительности, с какой союзные правительства действуют в вопросе о сообщении Италии константинопольского и мало-азиатского соглашений. Он указывал в этом письме на то волнение и возмущение, которые вызывают в итальянском общественном мнении слухи о каком-то недоверии со стороны союзников по отношению к Италии и устранении ее от решения тех вопросов, на участие в которых Италия имеет права как союзница и великая держава. Великобританский посол, по поручению своего правительства, ответил итальянскому министру иностранных дел в том смысле, что сомнения Италии совершенно неосновательны, что затяжка происходит от необходимости сличить тексты и, в третьих, что великобританское правительство, в полном согласии с союзными кабинетами, готово обсудить

с итальянским все те вопросы, которые могут возникнуть при ознакомлении итальянцев с документами, касающимися Турции [1]).

12 сентября.

Генерал Брандстрем посетил А. А. Нератова перед своим отъездом в отпуск и спросил, что он может доложить королю о положении аландского вопроса. Он прибавил, что, понимая, насколько новому министру трудно было сразу войти в курс всех дел, он в течение почти двух месяцев не возвращался к этому делу, но надеется, что теперь ему могут быть даны какие-нибудь сведения. А. А. Нератов ответил, что, конечно, решение государя об открытии переговоров остается для правительства обязательным. Аландский вопрос изучается министерством и заинтересованными ведомствами.

12 сентября.

Великобританский посол сообщил, что лорд Грэй уже передал итальянскому послу в Лондоне документы, касающиеся соглашения держав о Константинополе.

12 сентября.

Великобританский посол сообщил, что, по сведениям английского военного агента в Афинах, германское высшее командование сосредоточило в Белграде и его окрестностях армию в 164 000 человек, которую оно предполагает бросить в западную Македонию для поддержки болгар, теснимых там сербами. По мнению военного агента, немцы ставят ближайшей своей задачей новый разгром сербской армии с тем, чтобы потом перейти в наступление против македонской армии союзников и двинуться далее на поддержку частей, действующих против румын в Добрудже.

12 сентября.

Английский посол сообщил, что великобританское правительство высказывается за принятие самых решительных мер по отношению к Греции и что лорд Грэй обратился к Бриану с предложением поручить посланникам, по согласию со всеми союзниками, предъявить не правительству, а греческому королю требование немедленно объявить войну Болгарии. По словам Бьюкенена, французское предложение с указанием 5 пунктов условия явилось в некотором роде ответом Бриана на предложение Грэя, причем французское правительство предусматривает случай, когда Греция, не объявляя войны Болгарии, может сохранить нейтралитет при условии принятия вышеназванных 5 пунктов.

[1]) По данному вопросу см. телегр. Бенкендорфа от 10/IX 1916 г. № 566, опубликованную в сб. «Раздел Азиатской Турции», стр. 237.

14 сентября.

Передавая ноту, 14 сентября греческий посланник словесно прибавил, что текст ее был выработан по приказанию короля Константина в правительственном совете и одобрен его величеством для сообщения союзным правительствам [1]).

По мнению Панаса, притязания греков во Фракии идут приблизительно до Дедеагача.

14 сентября.

Утром греческий посланник посетил Б. В. Штюрмера и вручил ему ноту, в которой сообщается о решении Греции примкнуть к державам Согласия, как только при их содействии ей удастся закончить снабжение и мобилизацию своей армии. Говоря о компенсациях во Фракии, Панас упомянул, между прочим, о Дедеагаче. Посланник прибавил, что, если бы решение Греции получило преждевременную огласку, то его правительство вынуждено будет напечатать опровержение, но обязательство выступить останется в силе. При обсуждении этого вопроса министром, А. А. Нератовым и начальниками I и II политических отделов было признано, что сохранение Болгарией лишь узкого коридора, выходящего на Эгейское море, без удобного порта, поставит ее в самое тяжелое положение, а потому для нас выгоднее дать ей выход к морю в менее для нас невыгодном направлении, т. е. именно на Эгейское море.

В общем, решено просить союзников не отклонять греческих предложений, но оказать полную поддержку в вероятном требовании

[1]) Текст переданной 14/IX 1916 г. греческим посланником вербальной ноты был следующий: «Королевское правительство объявляет, что Греция выйдет из своего нейтралитета на стороне держав Согласия, как только она, благодаря их военной и финансовой помощи, закончит реорганизацию своих военных сил и произведет общую мобилизацию в определенный с общего согласия срок.

Однако, так как правильно понятая общая польза требует, чтобы вооруженное выступление Греции состоялось только в том случае, когда оно могло бы быть успешным, королевское правительство думает, что вышеупомянутое обязательство не будет иметь для Греции силы, если в назначенное время, по мнению самих генеральных штабов союзников, на Балканском театре военных действий будет иметь место такое неравновесие сил, для исправления которого добавочных военных сил Греции было бы недостаточно.

Становясь союзницей держав Согласия, Греция рассчитывает получить все преимущества, которые могут вытекать из этого союза как во время войны, так и в момент установления мира. Так, королевское правительство уверено, что во время войны они помогут ей в деле военных расходов и охранения интересов страны, а при заключении мира, имея в виду положение, создавшееся на севере Эпира, и неоднократно данные обещания относительно возможного территориального расширения, именно — во Фракии и на морском побережьи Малой Азии, они окажут Греции всяческое содействие к возможному осуществлению ее национальных стремлений». (Дело Аз. деп. В. Б. Греция, инв. № 140.)

ими возможно краткого срока для выступления Греции и отнятия у этого выступления характера условности, который оно имеет в ноте.

18 сентября.

По словам Бьюкенена, между Брианом и лордом Грэем состоялся обмен мнений по вопросу о формуле, при которой было бы сделано итальянцам сообщение относительно Малой Азии. Французский и великобританский министры иностранных дел пришли к заключению, что итальянцам будут сообщены соответствующие документы для сведения, с оговоркой, что, если Италия пожелает высказать какие-нибудь свои соображения относительно интересующей ее зоны, то союзные правительства будут готовы войти в обмен мнений с Италией по этому вопросу, но только в пределах Лондонского соглашения 1915 года.

18 сентября.

Французский посланник в Афинах телеграфирует, что к нему пришел Диамантидис, один из видных членов венизелистской партии, и сообщил следующее.

Несколько дней тому назад его, Диамантидиса, посетил директор политического отдела Политис и, повидимому, исполняя доверительное поручение короля, заявил, что его величество готов исполнить желание держав Согласия и объявить войну Болгарии, но что для осуществления этого необходимо, чтобы державы произвели на короля давление и тем помогли бы ему пойти по новому пути. По словам Диамантидиса, король будто бы готов призвать к власти новый кабинет и допустить в него несколько венизелистов.

Гильмен, донося об этом своему правительству, высказывает мысль, что подсказываемый королем прием находится в некотором противоречии с установившейся точкой зрения держав о необходимости избегать прямого вмешательства во внутренние дела Греции.

27 сентября.

Итальянский посол сообщил А. А. Нератову в дополнение к прежнему своему сообщению (см. письмо министра послам в Лондоне, Париже и Риме от 25 сентября), что венгерский деятель Халло, посетивший Швейцарию, принадлежит к оппозиции, во главе которой стоит граф Карольи. По словам Карлотти, Халло заявил итальянскому посланнику, что венгерская оппозиция считает дело Австро-Венгрии проигранным и сознает необходимость удовлетворить земельные притязания России, Румынии и Сербии. Венгерская оппозиция стремится,

однако, к сохранению мадьярского государства и в этом направлении желала бы завязать переговоры с Италией [1]).

[1]) О предпринимавшихся представителями венгерской оппозиции попытках завязать со странами Согласия переговоры о сепаратном мире сообщалось в телеграмме поверенного в делах в Берне Бибикова от 4/IX 1916 г. за № 570: «Дополнительные сведения о находящихся в Швейцарии венгерских деятелях. Торок, мадьяризованный словак из Трансильвании, униатский священник. Член правого крыла партии графа Карольи. Прибыл с поручением собрать сведения об отношении держав Согласия к Венгрии и беседовал с находящимися здесь несколькими деятелями о возможности совместного действия с Венгриею против Австрии в случае победы Согласия. Виделся в Лозанне с Феликсом Валии. Старался повидать французского посла, но видел лишь его доверенное лицо, француза Шеллада, которому сообщил, что партия гр. Карольи готова сделать возможное для заключения отдельного мира, если державы гарантируют независимость Венгрии... Другой венгерский деятель, находящийся в Швейцарии, адвокат Халло, член левого крыла партии независимости, сын известного депутата Халло, был у итальянского посланника и говорил ему о возможности немедленной революции в Венгрии, низвержения нынешнего правительства, заключения отдельного мира с Венгрией, которая потребует лишь независимости и согласна на территориальные уступки как Италии, так и Румынии и Сербии. Насчет Феликса Валии получаемые здесь сведения подтверждают, что Феликс Валии — агент оппозиции».

В секретной телеграмме от 11/IX 1916 г. за № 598 тот же Бибиков писал: «Венгерский деятель Халло получил через итальянского генерального консула в Лозанне из Рима следующее сообщение, как ответ на сделанное им от имени венгерской оппозиции предложение итальянскому посланнику: «Если венгры докажут своим поведением, что они признают, кто виновник нынешней войны, и если они согласятся нести все последствия своей вины, то Италия не забудет старых уз дружбы, которые связывали ее с венграми, но, конечно, будет действовать в полном согласии со своими союзниками».

Дружба Италии и Венгрии, о которой говорится в сообщении, основана на той поддержке, которую итальянцы в 1843 году оказывали венгерской революции. Многие годы венгерские революционеры, изгнанные из Австро-Венгрии, проживали в Италии. Халло уехал обратно в Венгрию».

Наконец письмом от 29/IX 1916 г., пересылая цитированную телеграмму Бибикова № 598 послам в Париже, Лондоне и Риме, министр извещал последних: «По этому поводу я доверительно осведомился у здешнего итальянского посла об основательности сказанных сведений. Маркиз Карлотти, по сношении со своим правительством, сообщил, что со стороны некоторых членов венгерской оппозиции, действительно, были предприняты шаги, свидетельствующие о желании сблизиться с Италией, причем почин этот мотивировался тяготением венгров к итальянской культуре и историческими традициями. По словам посла, его правительство ответило, что о сближении между Италией и Венгрией не может быть речи, пока последняя открыто не порвет с нынешней австро-германской политикою двуединой монархии, и что, во всяком случае, римский кабинет счел бы себя обязанным поставить своих союзников в курс каких бы то ни было в будущем переговоров с Венгрией». (Дело Секр. архива «Мир. VIII», инв. № 708.)

Февральская революция в Балтийском флоте.

(Из дневника И. П. Ренгартена [1]).)

Оппозиционность русской буржуазии накануне Февральской революции не имела ничего антимонархического, и смысл ее, собственно, сводился к планам спасения монархии, которая, по мнению буржуазии, при поражении на фронте неминуемо должна была пасть. Соответствующие настроения имелись также в армии и во флоте. Это убедительно показано в печатаемом ниже дневнике «Мировой войны на Балтийском морском театре», автор которого, капитан 1-го ранга И. И. Ренгартен, одновременно являлся одним из руководителей группы соответственно настроенных офицеров. Характерно, что вся группа состояла из представителей старшего командного состава. Не случайно, что Ренгарген безнаказанно беседует 30 января (ст. ст.) 1917 г. с командующим флотом о возможности переворота.

Этот разговор Ренгартена с адмиралом А. Непениным невольно наводит на мысль о довольно определенных сношениях между А. Гучковым, ген. Алексеевым, Непениным и др. об организации переворота «путем устранения»...

Этот разговор не только характерен для оценки настроений части офицерства, солидарного с русскими империалистами, но и дает возможность установить связь между представителями российского империализма и штабом командующего Балтийским флотом.

Дело было не в одном желании «единого фронта» для воздействия на царя. Доминирующее значение имели единство политических интересов буржуазии и органическая связь последней с буржуазией Франции, Англии, т. е. с «союзниками».

Платформа «некоторых кругов», т. е. группы Ренгартена—Черкасского, достаточно четко изложена в печатаемом нами протоколе так наз. 2-й «беседы», посвященной внешней политике и состоявшейся 4 февраля (ст. ст.) 1917 года.

«Проливы, — читаем там, — для нас необходимы, но дальше проливов итти уже нет необходимости. Проливы — цель нашей политики на юго-западе и притом цель не промежуточная, а конечная... Не имея [подчеркнуто нами. *А. Д.*] империалистических стремлений, мы должны требовать минимума [подчеркнуто в подлиннике] территории при проливах».

---

[1]) См. «Красный архив», т. XXV(VI), стр. 34—95.

Это требование мотивировалось стратегическими соображениями. Далее в том же протоколе читаем: «К нам должны отойти ближайшие к проливам естественные оборонительные линии и стратегические пункты, а полоса перед нашими позициями, шириною в 40 километров (2 перехода), должна быть нейтрализована и поставлена под наш контроль, чтобы никто не мог организовать и подготовить внезапного на нас нападения». Совершенно категорически в «беседе» решается вопрос, что Великая Армения, исключая частей вилайетов, населенных турками, «с присоединенным к ней Трапезундским вилайетом, дающим стране выход к морю, может поступить под протекторат России».

Как видим, здесь дана целая программа действий российских империалистов, — то обстоятельство, что участники «беседы» оговаривают отсутствие у них империалистических стремлений, конечно, ничего не меняет.

Вполне понятно поэтому, почему начавшаяся революция тревожит Ренгартена и его друзей в Гельсингфорсе. «Война до победного конца» становится совершенно проблематичной.

В дневнике, который является наиболее полным (и пока единственно известным) показателем настроений некоторых кругов морского офицерства, в связи с начавшейся революцией записано: «Наши начальники и командиры, в общем, настроены п р а з д н и ч н о [подчеркнуто Ренгартеном] и сочувствуют революции во спасение родины».

Крайне осторожная формулировка настроений офицерства и последовавшее затем, еще в более осторожных выражениях, обращение командующего флотом к матросам и вообще все события последующего периода заставляют поставить вопрос: чего, собственно, ждали от революции или, вернее, от дворцового переворота «некоторые круги» флота?

Ответ на этот вопрос находим в протоколе 4-й «беседы» той же группы от 27 февраля (ст. ст.), составленного в весьма энергичном тоне. Бросается в глаза характер этой «беседы». Это не обсуждение академических вопросов, а заседание «комитета действий» «некоторых кругов» флота.

Характерно начало «беседы»: «События приняли грозный оборот. Обстоятельства не допускают промедления. Момент уже пропущен». Для Ренгартена и его друзей «момент уже пропущен... «Дума и все общественные деятели вялы и мягкотелы. Надо дать им импульс извне».

Представители группы понимают, что революции не избежать, но вся их программа действий, в конечном итоге, сводилась к следующему положению: «происшедшее должно быть доведено до с в е д е н и я [подчеркнуто в подлиннике] полковника [т. е. царя]. Вся камарилья должна быть игнорирована и устранена от власти». Следовательно, монархия сохраняется, и удар должен быть направлен лишь на «камарилью», мешающую крупной буржуазии.

4-я «беседа» закончилась постановкой вопроса: «если вспыхнут беспорядки на судах и в Гельсингфорсе, то как на это мы реагируем?» Ответ на этот вопрос находим в следующей записи 5-й «беседы», происходившей 28 февраля: «Князь Черкасский. — Что будешь делать, Федя, если начнется на судах? — Довконт. — Буду поддерживать существующий ныне режим. — Черкасский. — Т. е. пойдешь и примкнешь к бунтовщикам? Это

неправильно. В такие минуты, как сейчас, очень важно сохранить полную ясность мышления, не делать поступков, глубоко раньше не обдумав их. Надо, чтобы каждый стремился принести наибольшую пользу всему делу, какую только он может. Итти в толпу легко, но погибнуть там от шальной пули типа, «соблюдающего присягу», довольно непроизводительно. Надо иметь более продуманный план».

Вместо отвергнутого предложения «примкнуть к бунтовщикам», если «начнется на судах», было принято решение воздействовать на командующего флотом.

Это решение характеризует отношение офицеров этой группы к революции. Показательно, что ни в одной из «бесед» не отмечены настроения матросских масс, нигде не поднимается вопрос о роли матросов в предстоящих событиях. Матросы совершенно выпадают из схемы, намеченной «некоторыми кругами» флота, и это только лишний раз указывает на характер предполагавшегося переворота.

Весьма интересна та часть дневника, где Ренгартен делает попытку установить положительное отношение командующего флотом к революции, но самому же Ренгартену приходится сознаться, что «революционные» замыслы Непенина были очень неясны.

Попробуем установить действительное содержание непенинского «думато» (любимое словечко Непенина) в эти дни. Как известно, штаб Петербургского военного округа, а также морское министерство, еще до 14 февраля, приняли ряд мер против возможного выступления рабочих. Не отставал и Непенин. Конкретно им в этот период было «думато», как это видно из зашифрованной оперативной телеграммы от 12 февраля, следующее: «14-го февраля возможна забастовка в Петрограде на политической почве. Имею сведения о возможности железнодорожных, телеграфных и др. забастовок и в пределах подчиненного мне района. Не придавая особого значения этим слухам, однако приказываю: 1) в случае уличных беспорядков таковые прекращать силой, для чего иметь наряд; 2) в случае забастовки железных дорог, телеграфа, телефона и почты таковые учреждения занять войсками для охраны и предупреждения возможных повреждений; 3) иметь наряд людей для обслуживания телеграфов и телефонов для удовлетворения военных нужд; 4) иметь наряд людей, способных провести железнодорожный поезд в случае надобности. Это мое распоряжение держать в секрете, дабы не возбуждать нежелательных и вздорных слухов. В тревожных случаях способ сношений радиотелеграфом морским ключом. Н е п е н и н».

Утром 2 марта на заседании флагманов, после информации о событиях, с упоминанием о донесении императору, Непенин подчеркнул: «Мы не должны вмешиваться во внутренние дела, однако надо признать, что действия Государственной Думы патриотичны. Е с л и о б с т о я т е л ь с т в а т о г о п о т р е б у ю т [разрядка наша. *А. Д.*], я открыто заявлю, что признаю Исполнительный Комитет Государственной Думы, и прикажу всем то же. Буду отвечать один, отвечаю головой, но решил твердо.

Обсуждения этого вопроса не допускаю. Выслушать мнение ваше готов по отдельности, для чего пожалуйте ко мне в каюту».

Ни слова об отношении к возможной новой форме правления.

Интересные подробности, связанные с этим же заседанием флагманов, сообщает Г. Граф в книге «На «Новике» [1]).

По словам Графа, все присутствовавшие на собрании флагманов признали решение, к которому пришел Непенин, — правильным. «Только один из флагманов, — читаем у Графа, — никак не мог согласиться с логичностью приводимых доводов. Этот флагман был адмирал Михаил Коронатович Бахирев. Сейчас же после заседания он прошел в каюту к адмиралу Непенину и заявил ему, что остается верен его величеству, а потому не считает для себя возможным продолжать службу. В ответ на это он услышал тихий, сдавленный голос Непенина: «Слушай, Михаил Коронатович, неужели ты хоть на минуту мог усумниться в том, что я не так же верен государю, как и ты?.. Я еще не представляю себе, как все это могло случиться, каким образом и кем государь поставлен в такое положение... Теперь — война, которую необходимо довести до конца. Я верю, что после окончания ее государь, если ему только будет благоугодно, снова примет власть в свои руки; мы же теперь должны не уходить, а оставаться и бороться как с внешними, так и с внутренними врагами, путем умелого руководства вверенных нам масс. Иначе, если мы уйдем, то этим только сыграем им в руку».

Политическая линия Непенина здесь как на ладони. Но результаты двойной игры не замедлили сказаться: 4 марта Непенин был убит матросами.

Вся остальная часть дневника представляет не меньший интерес, рисуя отношение верхушки офицерства к революции, их колебания, попытки приспособления и т. д. Чего стоит только намерение самого Ренгартена войти в эсеровскую организацию! С каждым днем и даже часом тон дневника становится все менее решительным: Ренгартен видит все растущий темп развития революции, почва уходит у него из-под ног, и настроение его становится все более реакционным, так что после Октябрьской революции он приходит уже к мысли о реставрации, о возврате к самодержавию...

А. Дрезен.

1917 ГОД.

2/I. Понедельник. 23 ч. 55 м.

В тот самый вечер, когда я сделал последнюю запись, прочел в газете об увольнении Трепова и гр. Игнатьева и о назначении премьером совершенно неспособного старца кн. Голицына и сподвижника Кассо, Кульчицкого, определенно отрицательную личность — врага просвещения и бюрократа, министром просвещения...

Мы дошли до предела.

Говорят самые невозможные вещи, которые оказываются возможными: Распутин похоронен в Царском Селе, на его могилу паломничество высоких особ и пр.

---

[1]) Г. Граф. «На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию. Мюнхен, 1922 г.

Говорят, что императрица — человек большой воли и государь ее слушается, что все министры, если не хотят вылететь, обязаны — параллельно с докладом государю — делать доклад и государыне, которая таким образом фактически властвует; говорят об ее определенных немецких симпатиях...

Мерзавцы! Что они делают с моей родиной!?

Подумаешь об этом: голова кругом пойдет.

Было начало наступления нашей XII армии от Риги к Митаве; началось отлично — прорвали линию, ворвались, прошли 6 верст, взяли 32 орудия, 1000 пленных, добычу и... остановились.

Тысяча причин — и германские пулеметы, и леса, и болота, блокгаузы и пр. и пр.

Я ничего не знаю достоверно, но вот наш авторитет местный, Бородаевский, уверяет, что остановка только за умением: нет того, чтобы использовать успех.

Кончился 1916 год, вступаем в четвертую уже кампанию.

Интересно-захватывающе, но и гадко на душе: дичаем, впадаем в эксцессы, приспосабливаемся к безумию.

10/I. Вторник. 23 ч. 45 м.

Все идет кувырком в России.

Правительство кн. Голицына отсрочило созыв Государственной Думы с 12/I на 14/II.

В стране пошли самые скверные слухи.

Тогда государь издал рескрипт на имя Голицына.

Там написано, что: 1) правительство должно быть объединенным, 2) оно обязано срочно заняться упорядочением продовольственного вопроса, 3) и наладить транспорт, 4) обязано относиться к законодательным установлениям благожелательно, прямо, достойно и пр. *), 5) оно должно опираться на земство.

Все это должно выполнить то самое правительство, в котором находятся Протопопов, Кульчицкий и Добровольский.

Теперь говорят: «Ну, после этого Думу, наверное, соберут 14/II!..»

Но ведь и Штюрмер говорил о «совместной работе», и Голицын клялся, что Думу соберут 12/I!..

Могу только сказать, что наша офицерская флотская среда открыто возмущается всем происходящим и что все это мракобесие революционизирует страну повально.

*) Слова, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой.

А слухи!!!

Говорят о проскрипционном списке «15-ти», приговоренных к смерти: 1-й пал Распутин, 2-я она — императрица, будто на нее уже было покушение, 3-я идет Вырубова...

Говорят, что гвардия замышляет госуд[арственный] переворот...

Говорят много и, конечно, большая часть — ложь; но ведь правда же. что Распутин погребен в Царском Селе...

Затем ряд противоречий: вышибленный мракобесами Сазонов ныне назначен на важный пост посла в Лондон (вместо умершего гр. Бенкендорфа); Кульчицкий в газетах уверяет, что не разрушит реформ, проведенных гр. Игнатьевым.

В заграничной печати очень деликатно пишут, что «... русских трудно понять иностранцу...»

14/I. Суббота. 23 ч. «Кречет».

Наши дела в государстве идут самым нелепым образом: министр внутренних дел Протопопов сказал вновь назначенному симбирскому губернатору, по поводу ответа последнего, что на месте Протопопова он, губернатор, немедленно бы ушел в отставку, ибо слишком силен разлад его, министра, с обществом, — сказал: «Я назначен его величеством. Значит, облечен его высоким доверием, потому никуда не уйду, а буду делать все, как нахожу нужным. На общество же мне наплевать...»

Среди придворных сфер и высших кругов назревает определенная оппозиция, и все клонится к вспышке.

Черкасский рассказал мне, что в ноябре несколько великих князей собрались в ставке и приступили к царю с предложением — дать стране конституцию, а императрицу объявить больной, поселить в санаторию или увезти за границу.

Будто государь обещал подумать, но потом снесся с Царским Селом и на другой день определенно отказал.

Говорят, что он пьет много.

Связывают его имя с именем императрицы все чаще и чаще.

Можно сказать, что престиж царской власти никогда еще не падал так низко!

Швеция вдруг предъявила ноту: добивается, чтобы мы по окончании войны разоружили бы Аландские острова...

По этому поводу завтра в Петрограде совещание, — от нас послан князь.

30/I. Понедельник.

Страшно занят и устаю: не нашел времени записать. Кажется, числа 18-го имел интересный разговор с команд[ующим] флотом [1]): дело началось с доклад[ой] записки бар. Типольта [2]) — он написал ее очень горячо и страстно, местами резко, настаивал на необходимости «плана кампании», вообще, и на наступательном его духе, в частности.

Тогда в начале декабря 1916 г., когда записка была представлена, н[ачальни]к штаба [3]) не решился представить ее адмиралу, опасаясь, что тот «озлится», ибо записка шла вразрез с мыслями адмирала...

Типольт просил меня показать ее Непенину частным образом. Но вначале я стеснялся это сделать, дабы не поставить в неловкое положение Черкасского; после же разговора с ним было решено, что я это все же сделаю.

В сущности, я охотно взялся за это дело не ради него самого: надобность в этом отпала — план кампании принят, к работам приступлено; подавать еще советы — значит ломиться в открытую дверь.

В руках моих были и другие документы, привезенные К. Житковым: письмо А. И. Гучкова генералу Алексееву в ставку, совещание Протопопова с членами Госуд. Думы.

Я передал их адмиралу, и разговор перешел на самую важную ныне тему.

Адмирал прочитал эти документы и, в свою очередь, достал из своего письменного стола стенограмму речи Чхеидзе в Госуд. Думе, где он называет императрицу шпионкой, шведскую статью о Распутине и ряд памфлетов; все это получено им от наших жандармов.

Когда состоялся этот обмен, разговор оживился, Непенин стал говорить о своих планах и намерениях, о перспективах войны, о том, что надо победить?!.

Тут я показал ему пачку полученных от него документов и сказал: «но как же вот с этим победить?..»

На это адмирал возразил, что, хотя все это и ужасно гадко, но, он полагает, все же обойдемся, ибо терпеливы очень..., что «общество у нас с... с.; пока его подогревали, оно волновалось, а когда прихлопнули, скисло и молчит...»

Я выступил в защиту «общества», ссылаясь на влияние ответственных руководителей общественных организаций и народного представительства, которые самым решительным образом настаивали на сохранении спокойствия: революция теперь же была бы слишком на-руку немцам.

Далее адмирал перешел на личный состав флота и заявил, что с этой стороны он спокоен, ему кажется, что все поустали, поуспокоились и становятся почти равнодушны...

Я подивился его словам и горячо возражал; сказал, что сейчас только и разговоров, что о внутренней политике, что офицерство проникнуто негодованием и волнением, что, конечно, оно в целом на эксцессы т е п е р ь не пойдет и их не допустит, но настроение личного состава, в общем, самое оппозиционное и, случись что, нетрудно предсказать, на чьей стороне окажется флот.

Я указал адмиралу на заключительные слова письма А. И. Гучкова, — что «если кто-нибудь что-нибудь и может сейчас сделать, то это вы (генер. Алексеев)...», что, может быть, именно старшие начальники вооруженной силы с е й ч а с могут указать монарху на истинное настроение страны и соотношение сил, что среди таких начальников я почитаю неизбежным указать на него, Непенина...

Адмирал ходил по каюте взад и вперед, видимо, задетый последними моими словами. Подумав, он отвечал, что прямой открытый путь — невозможен; чтобы действовать успешно у царя, нужен путь придворных интриг: отрицательная черта характера, повидимому, присущая всем Романовым царской крови, — подозрительность и завистливость... эти свойства часто мешали хорошим начинаниям... «и понять трудно... ведь известно же точно, что не было случая, чтобы монарх, проигравший большую, национальную войну, — оставался на троне...»

На это я возразил, что есть третий путь: путь устранения: «...будем говорить прямо: те крупицы гражданской свободы, которыми мы пользуемся, получены не доброй волей... красивые, милостивые слова — в манифестах, а на деле — санкция их продиктована страхом».

А теперь страх должен быть еще более, еще внушительнее; все пошло кувырком, с глаз упала пелена, нет более правых и левых — есть мракобесы и идиоты и есть патриоты...

В заключение адмирал сказал мне:

«Думато об этом, много думато, много ночей...»

(«Думато» — это одно из многочисленных словечек Непенина.)

Далее он сказал что-то непонятное и отрывочно, что набирает к себе людей, которым верит, что-то о кораблях, на которые можно рассчитывать...

Я ничего не понял; это были отрывки мыслей, произнесенных вслух...

Последняя мировая сенсация: объявление Германией подводной блокады держав Согласия; я не читал более наглого документа. Гер-

мания очертила вокруг побережий своих противников огромные районы моря и заявила, что будет всеми средствами прекращать в этих районах всякое судоходство.

Нейтральным Германия «разрешает» ходить только в определенных местах, американским судам предписывается окрашивать борта в национальные цвета, нести особые флаги и огни и пр.

Америка возмутилась, и Вильсон порвал с Германией дипломатические сношения.

Теперь газеты полны рассуждений на тему о возможной войне Америки с Германией; говорят, поводом к ней послужит первый же случай потопления американского судна...

Посланники уже получили свои паспорта и уезжают.

Разрыв стал фактом.

Америка на нашей стороне.

Третьего дня Китай рассмешил: заявил Германии протест по поводу объявленной блокады и предупредил, что если этот протест останется без внимания, то он тоже порвет сношения с Германией.

Испания и Аргентина не протестуют, а только «сожалеют»; впрочем, Испания — резче.

Прочие нейтральные, как Голландия, Дания, Швеция, Норвегия, трусят и только «совещаются».

Человеческое безумие в полном разгаре...

4/II. [Суббота.]

Вечером в каюте Черкасского состоялась вторая беседа 1917 года. Суть ее изложена в протоколе *).

Тема очень интересна; докладывал князь о проливах, т. е. о соглашении нашем с союзниками, совершенном в согласии с докл[адной] запиской Базили; князь ознакомился с нею в ставке.

Затем князь совершенно доверительно рассказал нам о решении конференции союзников в ставке: председательствовал ген. Гурко, Франция представляла [sic!] ген. Кастельно, Англия — ген. Вильсоном, Италия — ген. ...**). Присутствовал адм. Русин [4]), стенографический отчет писали два подполк[овника] генер. штаба.

Решено: 1) нанести в нынешнюю кампанию решительный удар, 2) сделать его возможно одновременным.

Готовность Англии, Франции и Италии: 2/II 1917; наша — начало IV.

---

*) Протоколы этой и других «бесед» см. в приложении.

**) Пропуск в подлиннике.

Причина: 600 000 румын растаяли, $^1/_2$ потеряна пленными при разгроме, еще $^1/_4$ — потери, остальные частью рассеялись, частью дезертировали.

Таким образом, с е й ч а с румын хватило на 24 к и л о м е т р а, а н а ш фронт удлинился на 500 километров!

Мы затыкаем дыру и формируем новые дивизии.

Опыт показал, что боевая жизнеспособность корпуса: 2 д н я, настоящий удар может развиться на фронте 3 корпусов, длительность операции должна быть не менее трех недель, чтобы в ее результате мог произойти какой-нибудь с т р а т е г и ч е с к и й с д в и г.

Отсюда для такой операции надо пожертвовать 30 корпусов, т. е. 900 000 человек.

В Италии фронт, по местным условиям, для операции — уже, цифры меньше, но то же п о р я д к а трехнедельного.

Таким образом, р е ш е н о: начинают Англия и Франция, за ними Италия, за ними мы: всего около 8—9 недель или двух месяцев; по возможности, начнут с конца февраля или начала марта.

Между прочим Г у р к о спросил, что известно союзникам о плане немцев. Француз ответил — итти на Париж. Гурко же имеет сведения, что немцы хотят итти на Петроград!

Итак решено принести на алтарь войны жертву в 2 $^1/_2$ миллиона человек...

Далее — составляется дипломатическая миссия от союзников в Японию: если она желает иметь голос на конференции, пусть пришлет на русский фронт, например, 200 батарей лег[кой] и тяж[елой] [артиллерии], со всем личным составом, снабжением и резервом, пусть привезет пару корпусов со всем нужным в армию Сарайля в Салоники...

Ныне участие Японии имеет выразиться в посылке в Средиземное море — 2 лег[ких] кр[ейсе]ров и 4 дивиз[ионов] м[иноносце]в (32 миноносца), главным образом для борьбы с подв[одными] лодками.

20/II. П о н е д е л ь н и к.

Сегодня 3-я беседа.

Тема — аландский вопрос, докладчик — кн. Черкасский. Все изложено в протоколе, а суть та, что с 1/III в Стокгольме заседает конференция под председательством Шебеко, цель которой н е уступить желанию Швеции, чтобы мы обязались после войны разоружить Аландские острова.

По мысли князя, посылавшегося в Петроград, дабы залучить [sic!] точку зрения ф л о т а, предложено придать переговорам форму крайне благожелательной нашей позиции, но в то же время абсолютной невозможности легких уступок — наконец, должно быть вытрав-

лено через кнехт [?] наше согласие: после войны мы разоружим только то, что лежит к весту от С-20° (в с е наши главные укрепления, занимающие подходы с моря, находятся к осту от С-20°), но и то, при обязательном условии к о м п е н с а ц и и: шведы должны нам не мешать в постановке мин в территориальных водах, дабы запереть Оланстоф от герман[ских] подв[одных] лодок.

Получено известие о выражении в Риксдаге недоверия шведскому кабинету; может быть, это повлияет на ход переговоров по аланд[скому] вопросу.

Про нашу внутреннюю политику не знаешь, что и сказать... 14-го открылась сессия Думы; декларации правительства не было; «исторического заседания» не случилось; были только-только хорошие речи.

Ни ярких выступлений, ни ярких действий в жизни страны не произошло.

Царит ужасающая разруха, и мы верно, ускоренным движением приближаемся к великим потрясениям...

24/II. 23 ч. 50 м.

Вчера в Петрограде происходили беспорядки на почве недостатка продовольствия.

Все это — результат дезорганизаций нашего управления.

И при таких обстоятельствах — мракобесие правительства не ослабевает!..

27/II. П о н е д е л ь н и к.

Чаша терпения переполнилась; сегодня в 18 ч. мы — Черкасский, Довконт [5]), я — решили, что надо перейти к поступкам. У князя намечена схема плана действий.

Послана юзограмма Косте Житкову [6]) — официально от князя, приглашение срочно прибыть в Гельсингфорс, якобы по делу о газете, проектируемой для ниж[них] чин[ов] генералом Степановым, и от меня «записка» с просьбой приехать н е м е д л е н н о.

В Петрограде — безобразия; все говорят об участии правительства в провокациях; начинается, из-за забастовок, расстройство железнодорожного движения.

Прочел статью в англ. журнале «New Statements»; там прямо говорится о бывших попытках заключить сепаратный мир, а про Протопопова, что он «организовал бунт»...

Вечером мы заседали, выработали проект мер. См. протокол 4-й беседы.

28/II. Вторник.

9 ч. — Ура!

Только что узнал потрясающую новость: вчера в Госуд. Думе образовалось Временное Правительство во главе с Родзянко; все министры в Думе; к Вр[еменному] Правительству примкнуло пять гвард[ейских] полков; о совершившемся донесено в ставку.

По этому поводу ночью Непенин вызвал Черкасского и, посоветовавшись с ним, решил лично объявить об этом флоту теперь же, призвать к боевой готовности и к спокойствию: внутрен[ний] смысл такого обращения я понимаю так, что Балтийский флот поддерживает Временное Правительство.

Вот что приказано объявить командам: «Последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло бы быть нарушено доведение войны до победы. Это волнение вызвало перемены в составе правительства, о чем сообщено в ставку. Объявляю об этом по командам, чтобы они узнали это от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путем воспользоваться положением. Непенин».

11 ч. — Получено известие из генмора, что вся столица в руках восставших, к которым примкнули все войска, кроме нескольких рот; что в Госуд. Думе организуется «Комитет восстановления порядка».

13 ч. — Пока из ставки только одно сообщение: перепечатка юзотелегр[аммы] Комитета. Это мало. От себя еще ничего не придумали!

15 ч. — Из последней телеграммы неясно: действительно ли образовано новое правительство, потому пришлось несколько изменить текст объявления командам.

Первоначальный текст был устно и лично комфлот[ом] объявлен на кораблях сегодня утром, для рассылки же редакция во всем осталась та же, кроме подчеркнутых слов, которые заменены следующими:

«... произошли перемены в составе Совета Министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов».

Это, конечно, не то!

Я разочарован, но что же делать, когда нет точных известий!..

Я даже не знал, что 26-го был совершен безумный акт: Государственная Дума и Государственный Совет были р а с п у щ е н ы на месяц... Это послужило сигналом к бунту.

На утреннем собрании флагманов комфлот был краток и определенно сказал, что ни из ставки, ни от министра определенных указаний не получено, поэтому он сделает то, что с а м найдет нужным, а все подчиненные ему лица и места сделают то, что о н п р и к а ж е т.

Пояснил свою точку зрения «невмешательства» в революцию.

Наши начальники и командиры, в общем, настроены п р а з д н и ч н о и сочувствуют революции во спасение родины.

1/III. С р е д а. «К р е ч е т» [7]).

0 ч. 35 м. — Вечером 28-го получено от Владимирова [8]) новое сообщение: все министры подали в отставку (поздновато!); Протопопов арестован; Дума принимает все меры для успокоения войска; число восставших войсковых частей доходит до 20 000, в их числе кавалер[ийские] части Петергофа; в Ораниенбауме взбунтовалась пулеметная команда; государь ожидается в Петрограде 1/III...

Имел только что большой разговор с кн. Черкасским.

Мы должны быть готовы ко всему: ставка, царь могут приказать флоту поддержать сторонников падающего режима; наш адмирал станет тогда перед дилеммой, и мы о б я з а н ы сделать все, что в наших силах, чтобы решение адмирала шло бы во спасение России, хотя бы и наперекор приказанию сверху.

Может быть и другой случай: свыше не будет указаний, но тут же у себя или в городе (Ревель, Гельсингфорс) возникнут волнения, манифестации сочувствия «р е в о л ю ц и и в о с п а с е н и е», и тогда наш адмирал должен единолично решить: вмешаться или запретить вмешательство.

Мы обязаны содействовать второму решению, причем обязательно нужно, чтобы командам открыто было сообщено решение комфлота, о каковом донесено в ставку.

Постановили мы так: по очереди итти к комфлоту и открыто и решительно высказать свой взгляд на вещи, указав на полную невозможность выполнить такое его приказание, которое пошло бы вразрез с нашими убеждениями. Чем бы ни кончилось с одним, на смену ему идет второй, затем третий.

Князь нашел, что первым должен итти он. Я возразил, что первым должен итти слабейший (в смысле вероятного влияния у Непенина)

и последним сильнейший, ибо таким образом впечатление будет усиливаться. По совести считаю поэтому нужным такой порядок: Довконт — Ренгартен — Черкасский. Сверх того, я взял на себя переговорить со Щастным [9]) и постараться привлечь его на свою сторону; в случае нашей неудачи Черкасский примет все меры к привлечению Кедрова [10]).

2 ч. 15 м. — Революция в полном разгаре.

Только что — Сахаров [11]), Комелов [12]), я — расшифровали телегр[аммы] от Альтфатера [13]) Черкасскому.

Ныне правительство это — президиум Думы с Родзянко во главе.

Больше никто не распоряжается.

Нечто вроде Комитета обществен[ного] спасения.

Порядок постепенно восстанавливается.

Сожжен окружной суд, разгромлены все участки, из Петропав[ловской] крепости выпущены все политич[еские] арестованные.

В Кронштадте начались беспорядки в гарнизоне. Флот пока спокоен.

Минмор [14]) вошел с Думой в соглашение об охране адмиралтейства. Генмор — единственное место, сохранившее связь с миром...

Были и эксцессы; очень печальный эпизод на «Авроре» — толпа рабочих ворвалась на крейсер, на берегу толпой убит командир кап. 1-го ранга Никольский [15]).

Ранен ст. оф[ицер] ст[арший] л[ейтенант] Огранович [16]); вступил в коман[дование] лейт. Никонов [17]), который уже начал получать приказания Родзянки, который тоже приказывает начальнику гламора.

У нас — все офицеры на судах.

---

4 ч. был призван с Черкасским к ком[андующему] флотом; составляли текст приказа для объявления команде о происшедшем [18]).

По составлении разбужен Арцыбушев [19]), которому поручено теперь же в типографии печатать, чтобы утром же объявить по командам.

Нам больше не дают проводов Юза: из городск[ой] центр[альной] Петрогр[ада] сообщили, что Комитет Госуд. Думы запретил всякую связь правительственных мест без особого разрешения Комитета!..

Сейчас лейт. Мацылеву [20]) поручено добиться соединения с генмором.

---

16 ч. 30 м. — Утром пришли две телеграммы от Родзянко:

Старое правительство свергнуто, власть в руках Комитета Госуд. Думы, который обращается к войскам и флоту с призывом сохранить спокойствие и продолжать стойко стоять на страже внешнего врага; Комитет же берется восстановить порядок и наладить тыл для победы.

Непенин вновь призвал князя, меня и начальника штаба и прочел свой ответ: «Считаю ваши намерения достойными и правильными...»; одним словом, факт, что мы присоединились к Временному Правительству.

Об этом шаге Б[алтийского] флота сообщено соседям: главнокоманд[ующему] Северным фронтом и ком[андиру] 42-го корпуса [21]).

В 9 ч. 10 м. собрание флагманов и капитанов.

Ком[андующий] флот[ом]: «Я прочту вам телеграммы, которые получил, и сообщу вам свои приказания». Следует чтение телеграмм, полученных 28/II и ночью 1/III; между прочим, коман[дующий] отмечает любезность деж[урного] офицера Временного Правительства, немедленно давшего нам прямой провод на генмор».

Затем прочтены телегр[аммы] Родзянко и ответ адмирала.

«... По этому поводу я донес о своих поступках государю императору. Требую полного повиновения!»

(Эти слова сказаны твердо, негромко, очень внушительно — Непенин обвел всех тяжелым взглядом.)

«Все, господа!»

Больше ни одного слова не было сказано.

Государю императору через ставку и параллельно — министра Непенин прямо и открыто донес, что считает необходимым пойти навстречу Государственной Думе, ибо, в противном случае, не только немыслимо поддержание боевой готовности, но даже повиновение войсковых частей.

Le vin est tiré — il faut le boire *).

Нельзя передать ни настроения, ни всех разговоров; каждый нерв живет.

Я открыл Щастному наш план (Федя, князь, я...).

Князю удалось выяснить, что Непенин твердо решился остаться на взятой позиции, и если бы вдруг государь пошел на такое безумие, как протест и, например, смещение Непенина,—такое приказание исполнено не будет.

Ужасны известия из Кронштадта — там разыгралась анархия, убит адм. Вирен! [22]) Вот уж жертва!

---

*) Вино откупорено, надо его выпить.

Будь вы прокляты, Протопоповы и гессенские немки!

Ком[андующий] флот[ом] обратился к Родзянко с просьбой водворить порядок в Кронштадте.

Я лег спать в 7 ч. утра, встал в $7^1/_2$, днем лег в 2, встав в $2^1/_2$ дня... все кипит во мне.

2/III. 16 ч.

События идут с головокружительной быстротой.

В Ревеле рабочие манифестируют в гавани и вызывают на выражение сочувствия флот.

Командующий флотом просил Родзянко прислать в Ревель своих депутатов, чтобы они успокоили население в том смысле, что кс[мандую]щий флот[ом] и все подчиненные начальники полностью признают Комитет Госуд. Думы.

Утром на телегр[амму] Герасимова, что «начинается», Непенин ответил, что надо объявить команде, что он д е й с т в у е т в п о л н о м с о г л а с и и с Комитетом Думы и что в случае надобности он п р и к а з ы в а е т объявить, что флот п р и з н а л Комитет, что приказывает сделать всем своим подчиненным [23]).

Все утро провели у Непенина: Черкасский, Сполатбог [24]) и я; перебрали весь ворох известий, который сыплется непрерывно.

Кронштадт замирен усилиями Думы в лице А. И. Гучкова; туда посланы два депутата, которые, по соглашению с Непениным, восстановили власть Куроша [25]).

Утром же собрание флагманов.

Адмирал:

«... Томы всяких сведений! Я не могу всего здесь прочесть, но вкратце расскажу суть и поступки.

Вчера в 0 ч. взбунтовался Кронштадт, убит Вирен, офицеры арестованы.

Я настоял, чтобы Комитет Госуд. Думы принял меры.

Гучков ответил, что меры уже приняты, и спросил, кого надо назначить начальником.

Я указал Куроша; вот моя телеграмма (прочел ее).

Сегодня утром меня уведомили, что порядок в Кронштадте водворен».

(Далее последовал рассказ о событиях, упомянуто донесение государю.) «... Мы не должны вмешиваться во внутренние дела, однако надо признать, что действия Госуд. Думы п а т р и о т и ч н ы.

Если обстоятельства того потребуют, я открыто заявлю, что признаю Исполн. Комитет Госуд. Думы и прикажу всем то же. Буду

отвечать один, отвечаю головой, но решил твердо... Обсуждения этого вопроса не допускаю. Выслушать мнение ваше готов по отдельности, для чего пожалуйте ко мне в каюту».

(Следует чтение нового объявления команде от 2/III, сообщение его Госуд. Думе, чтение телеграмм Гучкова и Родзянко и всех подробных сведений.)

Только в конце заседания один Кедров задал вопрос: не заключается ли в действиях Комитета указания на его отношение к образу правления. На это отвечено, что нет.

У генерала Степанова убитый вид; прочие имеют вид сосредоточенный и серьезный.

Слушали молча и внимательно.

Масса разговоров о династии, о присяге. В общем, все-таки очень тяжело. Радость сменяется тревогой.

Известие о новой вспышке в Петрограде под влиянием рабочей партии произвело тяжкое впечатление: их прокламации требуют демократическую республику, мир, раздел земли...

Оказывается, Родзянко писал царю, что «завтра будет поздно», а «завтра» это было уже 26-го...

Значит, уже поздно!

Царь находится в Пскове — решение ожидается не позже завтрашнего дня.

17 ч. 30 м. — Щастный выразил желание выехать в Петроград, чтобы явиться в Думу представителем флота.

3/III. 5 ч. 00 м.

В 1 ч. 10 м. получена телеграмма, что манифест об отречении от престола подписан.

Около 4 ч. 00 м. получено приказание нового правительства — немедленно арестовать Зейна (ген[ерал]-гу[бернатора]) и Боровитинова (вице-пред[седателя] хоз[яйственной] комиссии).

Это приказание уже исполнено — Зейн арестован Непениным, которому Зейн отдал свою саблю. Зейн посажен в каюте ген.-лейт. Винтера [26]).

5 ч. 05 м. — Привезли Боровитинова.

6 ч. 15 м. — Боровитинов сидит в каюте, где временно жил бар. Мирбах [27]).

Указы Сенату старого царя о назначении кн. Львова председателем Совета Министров и вел. князя Ник[олая] Ник[олаевича] верховным главнокомандующим подписаны Николаем II в 14 ч., а отречение от престола в 15 ч., т. е., в действительности, гораздо позже.

Наша решительная телеграмма [28]) была передана в Псков в 10 ч. веч. (22 ч.), и после этого оттуда ответили, что решение ожидается с минуты на минуту.

Итак мы на заре новой жизни великой свободной России!

---

7 ч. 20 м. — Ясное солнечное утро. Было собрание флагманов, причем прочтен манифест — кричали «ура» новому государю [29]).

Ночь без сна, но какая великая, радостная, памят[ная] ночь счастливого завершения Великой Российской революции!

К 7 ч. 30 м. мы с князем привели в порядок и систем[атизировали] все телеграммы и документы, связанные с революц[ией] с 26/II по 3/III, — только четыре дня!

---

7 ч. 30 м. — Что это значит?

От Родзянко приказано задержать объявление манифеста... [30]).

Но он уже разослан.

Что это опять начинается? Что это такое?

9 ч. 20 м. — Дело ухудшается чрезвычайно; по сообщению Капниста [31]) из генмора, повидимому, дело идет не о форме манифеста, а о форме правительства.

П о к а идут споры партий — на словах.

11 ч. 15 м. — Правительство дало радио — urbi et orbi — первый отчет о происходящем с самого начала до последнего момента [32]).

Сейчас происходит совещание об о б р а з е п р а в л е н и я.

Князь сказал, что удивительно благородным языком написано.

Слава богу, что придумали открыто сообщить: у нас сейчас в типографии кипит работа, и набирают это сообщение и прочтут на судах.

Пытался отдохнуть, подумать; ничего не выходит: горю весь, все время вскакиваю и хожу.

---

15 ч. 30 м. — Отпечатанная у нас радио правительства начальникам отдельных частей рассылается для опубликования во всеобщее сведение.

Положение у н а с делается хуже; в районе минной обороны уже была матросская манифестация, в Ревеле опять хуже, адмирал просит прислать туда Керенского для уговоров...

Генерал Рузский сообщил всем высшим начальникам о начавшихся волнениях в Петрограде в связи с объявл[ением] манифеста, что эти волнения прекращены путем созыва У ч р е д и т е л ь н о г о С о б р а н и я.

Еще не узнал подробностей, но беспорядки у минной обороны прекращены лично комфлотом и адмиралом Максимовым [33]).

---

16 ч. 00 м. — Мы с Федей надумали приказ с разъяснением положения.

---

18 ч. 35 м. — Нервность растет. Отовсюду слухи о беспорядках, имеемых быть [sic!]. Так, ожидается завтра в Сернесе. Был разговор Родзянко с Алексеевым. Его резюме, что в Думе н е т объединения, слишком влияют рабочие, войска совсем распропагандированы. Алексеев обращается к в. кн. Ник[олаю] Ник[олаевичу] с просьбою п о т р е б о в а т ь обнародования манифеста.

В общем, кажется, мы идем к гибели.

---

19 ч. 20 м. — Нас может спасти только чудо! Психоз беспорядка перекинулся — сюда: на «Андрее Первозванном» подняли красные флаги, кричат «ура» [34]).

19 ч. 43 м. — Непенин пошел в палубу, сказал речь — все без утайки, потом стал говорить все сильней, сильней, объяснил все и закончил: — «... страной управляет чорт! Я все сказал, я весь тут. Вы скажите: кто за меня, кто против — пусть выйдет!»

Кто-то крикнул: «Адмиралу — ура!»; все подхватили, так что я не выдержал — бросился, обнял и крепко поцеловал Адриана.

Это было слиш[ком] — его начали, а когда успокоились, адмирал сказал: «найдутся ли среди вас охотники, умеющие говорить?» — Вышло много. — «Разделитесь по пять. Когда утихнут беспорядки, я пошлю вас на «Славу», — вы скажите все, что я сказал, и скажите, что потом приду я!»

Слышна стрельба пулемета.

За что это?

Неужели все погибнет?

---

20 ч. 00 м. — С судов эскадры несутся крики «ура».

Стрельбы нет.

Крики растут, распространяются на соседние корабли.

---

20 ч. 05 м. — По направлению к «Кречету» идут толпы матросов с кораблей.

В ставку и Думу послана телеграмма, что «Балтийский флот как боевая единица более не существует».

---

20 ч. 30 м. — Взбунтовалась минная дивизия: слышна стрельба.

20 ч. 35 м. — Команда наша просила разрешения поднять красный огонь... Адмирал разрешил.

21 ч. 00 м. — Где-то близко орудийный выстрел.

21 ч. 50 м. — Командующий флотом говорил в командной палубе с депутатами с кораблей.

Только что увидел, что от 2-й бр[ига]ды л[инейных] к[ораблей] к 1-й бр[ига]де идет толпа; кажется, с требованием арестовать офицеров.

На некоторых судах манифест[ации] пошли даже «патриот[ического]» характера — качали командира.

Зато на 2-й бр[ига]де убит адм. Небольсин.

Близ «Кречета» в порту — огромная толпа. Митинг.

«Павел» дал радио: «Ораторы в воздух не говорить, — немец услышит!»

4/III. Суббота.

2 ч. 35 м. — Наконец, добрался до койки... Устал смертельно!

Переговоры Непенина с депутатами были длительны и очень несносны.

Жалко было смотреть на Непенина — так он устал, бедняга, так он травился и с таким трудом сдерживался.

К концу речи он воспалился, сказал, что убили офицеров сволочи, что зажгли красные огни и стреляли в воздух из трусости, что он презирает трусость и ничего не боится.

Ему долго не давали уйти — все говорили: «позвольте еще доложить» — основной лейтмотив: говорить на вы, относиться с большим уважением к матросу, дать ему большую свободу, на улицах разрешить курить и т. п.

Когда, наконец, измученный Непенин вышел (команды, прощаясь, ответили дружно и вообще держали себя хорошо, стояли смирно),

я услыхал, как кто-то говорил: «ну да! — ничего не исполнит что обещал!», я ухватил его за рукав — вокруг собралась кучка, я долго и упорно говорил им и — с каким трудом они меня поняли!!

На все — миллион ответов, один другого бестолковее.

В конце концов, стал спорить, ссылаясь на историю.

Охрип. Мой писарь Мартышкин мне очень помогал; позже он дважды приходил ко мне (он был послан ранее на увещание).

Общее впечатление получил, что уговорить можно.

Тут принесли телеграмму Керенского (ее по Юзу приняли из Думы депутаты от матросов). Длиннейшее социал-демократ[ическое] послание; по сути, ценны указания слушаться своих офицеров и, поелику вице-адмир[ал] Непенин признал Временное Пр[авительст]во, Керенский приказывал матросам Непенину повиноваться во всем.

Телеграмма произвела очень хорошее впечатление и успокоила.

На завтра адмирал разрешил на судах собрания команд, а позже — депутатов от команд — в столярной мастерской.

Адриан Иванович как-то сразу сдал.

От Керенского мы впервые определенно узнали об отречении от престола Мих[аила] Александр[овича], котор[ый] согласен принять его лишь при условии, если б он был выбран всем народом.

5 ч. 15 м. — Провокация по радио: смерть тиранам и пр. [35]).

Как это! Какое безумие! Развал полный! Опять надо рассчитывать на бога, на чудо!

8 ч. 10 м. — Дал мысль командующему флот[ом] снять царские портреты. Это приказано.

Депутаты к Адриану приходили — выслушал. Приказано в столярной мастерской приготовить для депутатов команд чай и хлеб.

---

9 ч. 10 м. — Сухопут[ные] полки пришли в порт во главе некоторых офицеров, которые явились к командующему флотом.

Приказано просить суда выслать депутатов к войскам, чтобы помочь им сорганизоваться и выбрать депутатов.

Слышны крики «ура!»

В Ревеле почти восстановлен порядок; речь Керенского и все манифесты распространяются самым широким образом.

11 ч. 30 м. — Мне передал Романенко (мой вестовой), будто часть офицеров (в том числе кап. 2-го ранга Муравьев [36]) объявили командующим флотом адмирала Максимова.

Что это еще!?
Этого еще нехватало!

---

11 ч. 40 м. — Только что прибыл с Львом Муравьевым в.-а. Максимов в сопровождении матросов, которые заявили, что избрали Максимова командующим флотом [37]).

Непенин ответил, что он согласен, но, до санкции правительства, может согласиться лишь на такое решение: сюда приедет Максимов и будет контролировать все поступки Непенина, т. е. без его совета ничего не сделается.

Максимов иронизирует: «Вчера я был арестован, сегодня возведен в командующие флотом, завтра буду повешен!..»

Кедрова вызвал в Петроград Гучков.

Максимов на автомобиле, под красным флагом и флагом командующего флотом, поехал к коменданту крепости навести единство.

Арцыбушев предложил и составил приказ командующего флотом (Непенина) с объявлением, что приветствует новый строй и т. д.

Я его проредактировал, отпечатал, — он разослан.

Все приказы-телеграммы, особенно переговоры матросов-депутатов с Керенским, печатаются у нас в типографии непрерывно тысячами [38]).

Толпы с красными флагами на улице.

Приказ[ано] объяв[ить] желательность красных повязок и участия офицеров в манифестациях.

12 ч. 00 м. — В общем, царит анархия полная.

---

12 ч. 15 м. — ?! Центральный комитет депутатов кораблей на «Павле», разобравшись в обстановке, признал действия командующего флотом правильными и приходит к повиновению?!

Когда прибудет обратно на «Кречет» Максимов, с «Павла» прибудут два матроса, которые все объяснят.

Это другой комитет, их оказывается три... об этом в 12 ч. 30 м. Черкасский сообщил в генмор с просьбою вызвать Керенского на разговор.

Романенко мне сообщил, что на собрании команд выбрали новый штаб, и команда оказала мне доверие, выбрав в штаб.

13 ч. 10 м. — Очередная новость: нас всех арестуют [39]).

---

13 ч. 45 м. — Адриан Ив. Непенин убит.

Повели почти всех куда-то; здесь остались Черкасский, Сполатбог, я, Комелов — для дел, о чем дал записку делегату.

Кроме нас, еще оставлены — Григоров [40]), Мирбах, Руденский [41]), Зорин [42]) и священник.

14 ч. 40 м. — Кн. Черкасский донес по Юзу мо[рскому] министру А. И. Гучкову последние происшествия со штабом.

15 ч. 35 м. — Гучков утвердил Максимова командующим фл[отом], о чем мы с Черкасским дали удостоверение, заверенное еще матросом с «Кречета».

17 ч. 25 м. — Только что командующий фло[том] отбыл на суда. Перед тем сюда прибыли сопровождаемые адской овацией три автомобиля под красными флагами: новый командующий фло[том] Максимов, Родичев, Скобелев, депутаты Совета Рабочих Депутатов, Солдатский Совет, все начальники частей, ниж[ние] чины—все с красными флагтухами; Скобелев уехал делать демонстрацию с финнами, Родичев — к депутатам судов, где позже все соберутся.

Делегаты Совета Рабочих Депутатов п р и к а з а л и всем командам быть на судах и впредь до распоряжения никого с корабля не спускать.

Вот — умно.

Вообще, может быть, сегодня надежда на восстановление порядка повысилась с 1% примерно, до 60%.

21 ч. 15 м. — Мои приятели находят, что ночь надо вычеркнуть.

Издается приказ о поступках в смысле восстановления порядка.

Итак — все постепенно возвращаются на места.

В настроении перелом. Комфлот объезжает суда с депутатами. Кричат «ура».

Наши вернулись все же не все: в арестном доме остались наши: Сакович, Гамильтон [43]), Родзиевский [44]), Мацылев.

---

21 ч. 20 м. — С «Петропавловска» передали на «Кречет», что желают удаления Будкевича [45]).

На миноносце днем убили ст. лейт. Витта [46]).

21 ч. 22 м. — Команда «Кречета» хотя аттестовала Будкевича самым добрым образом, однако боятся, что [она] велела Будкевичу итти в арестный дом. Он ждет приезда комфлота и депутатов.

21 ч. 30 м. — Увели Будкевича.

Пересуды были нескончаемы — команда боится «Петропавл[овска]», откуда уже дважды звонили: взят ли Будкевич?

С великим трудом удалось мне убедить команду по дороге завести Будкевича в Мор[кое] собр[ание], где обратиться к депутатам «Петропавловска». Я кричал, умолял.

К счастью, еще при выводе Будкевича у трапа они сошлись с комфлот[ом] и Родичевым, затем вместе все пошли в Мор[кое] собр[ание], где долго говорили с депут[атами] и Скобелевым... и оказалось, что на «Петропавловске» — тихо, ничего не требовали и все спокойно.

23 ч. 00 м. — Сегодня в 18 ч. на «Диане» арестовали Рыбкина [47]) и другого офицера — увели с корабля и скоро вернулись — оба убиты.

Тотчас после этого на «Диану» пришли комфлот и Родичев; люди, уведшие Рыбкина, клялись, что они не убивали!..

Далее, на тральщ[ике] № 2 матросов человек 15 требуют к себе кап[итана] 2-го р[анга] Майделя [48]), котор[ый] находится на своей квартире...

Секретарь комитета депутатов через меня передал приказание дежурному кораблю послать вооруж[енную] команду взять тральщиков и охранять квартиру Майделя...

Я ошибся, что 60% — если тогда было 6%, то теперь эти проценты падают.

Сейчас «Андрей Первозванный» заявил, что он не закроет красного огня, не выпустит офицеров и т. д., пока не будут выполнены его т р е б о в а н и я...

5/III. В о с к р е с е н ь е. 9 ч. 5 м.

Красные флаги спущены, организован И с п о л н и т е л ь н ы й К о м и т е т Совета Солдат[ских], Матросск[их] и Рабочих Депутатов, власть в руках:

1. Исполнительный Комитет.
2. Комфлот.

На судах спокойно.

Нервность всюду ужасная.

Провокация страшнейшая.

Только что узнал, что по городу распространяется «Манифест Николая II с призывом к восстанию в пользу престола»...

Таким образом, если в отношении хода переворота наступили известный перелом и успокоение, то провокация растет.

Враги родины, видимо, работают во-всю и сеют **новую смуту**. Это — грозная опасность.

Министр Финляндии Родичев, по соглашению с комфлот[ом], просит Совет Министров восстановить **финляндское войско**.

В 9 ч. утра новый комфлот собрал нас всех и сказал хорошую, умную речь (между прочим: «... надо понять умом и сердцем — перемену...»).

10 ч. 25 м. — Только что невдалеке раздалось (на стенке) несколько ружейных выстрелов—оказалось, что убит ком[анди]р порта генерал Протопопов [49]).

13 ч. 20 м.—Говорил с мат[росскими] депутат[ами] из Петрограда, товарищем Скобелевым и Львом Муравьевым — решено устроить собрание офицерских депутатов.

6/III. **Понедельник**. 1 ч. 30 м.

После того разговора мы пошли в Морское собрание.

В порту пусто, на углах вооруженные патрули.

У собрания небольшая толпа вольных. Во входе стоит, кажется, прапорщик и не пропускает без пароля. Я был пропущен, так как шел с депутатом.

В собрании толчея — тут всякие офицеры, матросы.

Мы нашли комфлота, Щастного, Родичева, Скобелева — сели на два автомобиля и, под красными флагами, выехали. Толпа кричала «ура».

По льду проехали к 1-й бр[игаде] л[инейных] к[ораблей], сначала «Петропавловск», затем разделились: комфлот с Родичевым, Муравьев, Щастный — на «Севастополь», я со Скобелевым и матросским депутатом в сопровождении Бахирева [50]) — на «Гангут», «Полтаву» и «Севастополь».

Всюду праздничное, веселое, приподнятое настроение; только нервность в связи с провокацией.

На «Гангуте» стар[ший] оф[ицер] Михаил Петров [51]) сказал горячую приветственную речь Скобелеву, причем подчеркнул взаимное доверие офицеров и нижних чинов.

Вообще бригада за все время переворота оставалась совсем почти покойной. Кое-что было лишь на «Петропавловске» — случай с Коронатом Бахиревым, когда два матроса приставили дуло револьвера к его лбу, грубо требуя оружие офицеров, которое он от них взял и спрятал в свою каюту. Бахирев ответил:

— «Не отдам».
— Тогда возьмем силой!
— Ну так стреляйте!
— Мы не хотим вашей крови проливать!
— Ну так уйдите!
— Нам нужно оружие.
— А я не отдам, потому что мне же доверила команда!
— Ах, так! Тогда, конечно... извините.

Родичев говорит замечательно: слова обыкновенные, но такое чувство и подъем, что выразить нельзя.

Лучше всего на «Полтаве», где командир предупреждал вероятные требования тем, что удовлетворял их, предугадывал.

В течение сегодня установился режим: действует Исполнительный Комитет, имея прямую телефонную связь с нами. Постоянно посылаются вооруженные патрули всюду, где ожидается беспорядок. Так, ими уничтожено несколько вагонов огромных запасов спиртных напитков; они вылиты на землю и политы керосином и нефтью. Это хорошо.

Провокация продолжается; при мне на «Петропавловск» неизвестно откуда передана телефонограмма, якобы от имени Исполнительного Комитета, с приказанием не посылать патрулей! Правда, этот обман так груб, что открывается легко, ибо теперь приказано верить только тому, что подписано и за номером.

Вообще воззвания Комитета хороши, и намерения правильны, но видно абсолютное неумение руководить «исполнительною частью».

2 ч. 00 м. — Вести о перевороте постепенно доходят до таких углов, как Хёсте-бюссе и др. Оттуда только что сообщил командир батареи, что матросы потребовали выдачи им для расстрела кондуктора с батареи; с великим трудом ему удалось лишь уговорить отложить это до утра. Теперь просит Родичева послать от своего имени соответствующее увещевание...

Смута в Або.

Издан приказ командующего флотом: отныне обращение на вы, титулование, как среди офицеров, и т. п.

Вечером я составил и передал всем частям армии и флота, чтобы были избраны офицеры-делегаты; завтра (6/III) в 9 ч. утра собраться в Морском собрании для выбора в Исполнительный Комитет [52]).

10 ч. 20 м. — Морское собрание — открыто заседание.

7/III. 4 ч. 20 м.

В койке. Устал смертельно. Только что вернулся из Морского собрания. Утром заседание офицеров-делегатов (я и Утин [53]) от штаба); избрали президиум — председатель генерал Алексеевский, тов. председателя — я, секретари Мессин и сухопутный прапорщик; выяснили полномочия; избрали членов Исполнительного Комитета: от флота Мессин и я, от армии полков..... подполк..... *).

С 13 до 19 ч. общее собрание Совета (человек 500) под председательством рабочего Хилияни; с 19½ до 1 ч. 8/III заседание Исполнит[ельного] Комитета **) под председательством сначала Хилияни, потом — моим.

Очень много интересного, смешного, странного.

И мне странно — я член Исполнительного Комитета!

8/III. 3 ч. 20 м.

Только что вернулся из Морского собрания; встал 7-го в 8 ч. 10 м. С 9 до 12 был на заседании Исполнительного Комитета, с 14 до 18 — на общем собрании Совета Депутатов. С 20 до 24 и с 0 до 2 ч. 45 м. снова заседание Исполнительного Комитета.

Избран в товарищи председателя Исполнительного Комитета.

14/III.

Дома. К своему полному отчаянию, совершенно обессилен и расхворался.

На заседании Исполнительного Комитета 12-го вечером я сделал внеочередное заявление по личному вопросу; сказал, что я назначен флаг-капитаном штаба командующего флотом и долг призывает меня к этой важнейшей обязанности; однако я не хочу лишиться вовсе высокой чести работать в Исполнительном Комитете и потому все досуги свои отдам им, что я устал, болен, мне надо два дня отдыха — предлагаю взамен себя на это время старшего лейт. Утина.

Меня проводили овациями — сердечными пожеланиями.

Немыслимо рассказать, что было за дни моей работы 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12/III. Я не заметил этих дней.

Впечатление сплошного митинга, речей, постановлений.

Это было тяжкое испытание, ибо я пошел на эту голгофу единственно ради восстановления спокойствия, уничтожения розни между офицерами и матросами, ради восстановления работы для войны.

---

*) Фамилии в подлиннике не приведены.

**) В подлиннике: «Комиссии».

Я с собой справился и к себе доверие снискал; я говорил много со всеми, особенно с крайними элементами. Наибольший успех был у Хилияни — это хороший, честный, страстный человек. Он подкупил меня своей искренностью, а я, может быть, подкупил его тем, что отдал всю жизнь этому делу, всю мою душу, всю любовь к родине, которая сейчас сжигает меня. Хилияни назвал меня своим другом, просил перейти на ты. Теперь мне легко говорить и работать с ним.

Я ездил в Центр. Комитет Социал-Демокр. Партии Финляндии, говорил им речь и просил помочь нам в охране Финляндии на границе от проникновения немецких шпионов и провокаторов.

Ну — все это описано в протоколах, газетах и пр.

В субботу 11 марта вечером в русском театре общее собрание офицеров, Исполнительного Комитета и всех желающих. Зал битком набит, сцена полна, на ней президиум. Собрание открыл Максимов. Председателем избран член I Госуд. Думы Кедрин. Он вел собрание мастерски.

Максимов предложил всем высказаться за республику! Это было принято криками «ура», аплодисментами; оркестр играл марсельезу... В это время Максимов закричал: «Поклянемся, что ничего другого кроме республики не будет!..»

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Первая известная нам «беседа» состоялась еще 28 ноября 1912 г. и касалась самых жгучих вопросов дня. Обсуждалась «внешняя политика». В протоколе читаем: «Война будет. Затраты Австрии на военные нужды превосходят ее нормальное экономическое развитие...» И дальше: «Взятие проливов для России необходимо. До этого времени (т. е. до войны) проливы должны оставаться во власти Турции, как сейчас. Согласие Англии на занятие нами проливов может быть куплено или обещанием дружественного нейтралитета в ее войне с Германией или отказом нашим от юга Персии и похода на Индию».

Империалистические настроения выражены в этом протоколе совершенно четко.

С момента своего образования группа старших офицеров Балтийского флота стремилась во что бы то ни стало разрешить вопрос о проливах (и не только о них) в положительном смысле.

Особую активность группа стала проявлять с начала 1917 г.

В течение двух месяцев состоялось пять «бесед»: 22 января, 4, 20, 27 и 28 февраля.

Протоколы «бесед» обнаружены в фонде штаба командующего флотом Балтийского моря (Ленинградский Центр. Исторический Архив); на обложке, повидимому, рукой М. Черкасского сделана надпись: «Беседы с Ф. Ю. Д[овконтом] и И. И. Р[енгартеном] — 1912—1917 гг.».

А. Д.

Беседа первая.

22 января 1917 года.

I. Основной вопрос — для всех бесед один.

Развитие идеи Гредескула: «Россия и ее народы. Великая Россия как программа в разрешении национального вопроса в России». Каждый из участников бесед получает, исходя из этого общего вопроса, частные задачи по исследованию отдельных национальных вопросов и один политический вопрос:

Иван Иванович [Ренгартен].

Великороссы, финские народы, сибирские племена.

Балтийский вопрос.

Михаил Борисович [Черкасский].

Малороссы, тюрко-татары, румыны, средне-азиатские народы.

Вопрос о проливах.

Федор Юльевич [Довконт].

Белоруссы, литовцы и латыши, поляки, кавказские народы.

Польский вопрос.

II и III. Военные и текущие вопросы — для каждой беседы различные, устанавливаются в связи с текущим моментом и злобами дня.

Решили: собираться раз в неделю. Каждый раз по основному вопросу один из участников (очередной) докладывает выводы из прочитанного им к данной беседе. После чего обмен мнений. Чтение по разрабатываемой постепенно программе. Порядок обсуждения военных и текущих вопросов не предрешается.

Беседа вторая.

4 февраля 1917 года.

I. Текущий вопрос: военное положение на фронтах, возможные планы союзников на кампанию 1917 года.

Выводы о живучести корпуса в современном бою. Расчет количества войск для наступления. Длительность современной наступательной операции.

Право на участие в конференции. Вопрос о будущей конференции Японии.

II. Основной вопрос — проливы (князь Черкасский).

Для нас интересно выяснить:

1) Как создалась выгодная для России современная конъюнктура в вопросе о проливах? Кто раньше нам мешал в благоприятном разрешении этого вопроса и почему теперь не мешает?

Этот вопрос исторический, требующий предварительной разработки для всестороннего освещения и значительного времени для доклада.

Постановлено выделить его и отложить до следующего раза.

2) Как нам владеть проливами, т. е. на каких условиях следует требовать уступки нам проливов или на какие условия, нам предложенные, мы можем согласиться?

Этот вопрос освещен и ясно формулирован в записке Базили.

А. Нужны ли нам проливы?

Во время итало-турецкой войны Дарданеллы были турками закрыты на один месяц. За это время только один РОПИТ потерпел 8 миллионов франков убытку. Наши банки должны были на восемь месяцев, вследствие закрытия оливов, повысить дисконт на $^1/_2\%$.

Этих примеров вполне достаточно, чтобы выяснить, что закрытие проливов даже на краткий срок очень тяжело отражается на экономической жизни не только районов, тяготеющих к Черному морю, но и в с е й страны.

Следовательно, н а м проливы, безусловно, нужны. Владение ими представляет для нас не цель империалистических стремлений, а жизненную необходимость.

Раз это так, то надо привести доказательства, убедительные не только для нас, но и для всего мира; надо выставить требования, приемлемые для большинства.

Б. Каковы наши требования и обязательства?

а) Проливы для нас необходимы, но дальше проливов нам итти уже нет необходимости. Проливы — цель нашей политики на юго-западе и притом цель не промежуточная, а конечная. Требуя проливы, мы должны дать обязательства дальше не итти.

б) Для нас неприемлема передача проливов во власть другого государства или оставление их во власти слабой, постоянно находящейся под иноземным влиянием Турции. Неприемлема для нас нейтрализация или интернационализация проливов. Мы обладаем достаточной силой, чтобы самим охранять свои насущные интересы, и мы сами должны их обеспечить и не подвергать государство случайностям. Проливами мы должны владеть безусловно. Но мы должны гарантировать свободу плавания по ним для т о р г о в ы х судов всех наций.

в) Какая территория должна быть к нам присоединена?

Не имея империалистических стремлений, мы должны требовать м и н и м у м а территории при проливах. Этот минимум определится из стратегических соображений. Стратегия едина для всего мира, и наши требования могут быть поэтому подвергнуты всесторонней критике, чем и будет проверены их полная справедливость и умеренность.

Мы не должны получить в занимаемой территории арены для дальнейшего наступления, но мы должны иметь возможность их оборонять и обеспечить их от внезапного нападения.

К нам должны отойти ближайшие к проливам естественные оборонительные линии и стратегические пункты, а полоса перед нашими позициями, шириною в 40 километров (2 перехода), должна быть нейтрализована и поставлена под наш контроль, чтобы никто не мог организовать и подготовить внезапного на нас нападения.

Нельзя не согласиться со всеми этими доводами и не признать их обоснованность.

В связи с разрешением вопроса о проливах решается и вопрос о землях, населенных армянами. Турецкая Армения состоит из Великой и Малой Армении. Великая Армения за исключением частей вилайетов, населенных турками (искусственное увеличение с политической целью влияния на выборы), и с присоединенным к ней Трапезундским вилайетом, дающим стране выход к морю, может поступить под протекторат России. Малая Армения, населенная армянами, не составляющими здесь, однако, большинства населения, тяготеющая экономически к С р е д и з е м н о м у м о р ю и не связанная удобными путями сообщения с Великою Арменией, н е д о л ж н а входить в сферу нашего влияния, так как такое стремление с нашей стороны было бы агрессивным и противоречило бы нашей незаинтересованности в дальнейшем распространении господства в Средиземном море. Нам необходимо и вполне достаточно иметь о д и н выход к этому бассейну, а

обладанием проливами этот вопрос разрешается гораздо выгоднее, надежнее и даже легче, чем выходом к Александретте.

Беседа третья.

20 февраля 1917 года.

I. Вопросов в связи с беседою второю не возникло.

II. Основной вопрос: разоружение Аландских островов (князь Черкасский).

После присоединения островов к России сначала не возникало никаких вопросов об ограничениях, но и с нашей стороны не было никаких попыток к их укреплению. Впервые Николай I обратил внимание на острова, считая их ключом Ботники и нашим форпостом. В Бомарзунде начали строить долговременные укрепления. Швеция начала беспокоиться (1828 г.). Начала беспокоиться и Англия: владычица морей теряла обладание Ботническим заливом. Когда началась Крымская война, Непир получил категорическую директиву разрушить укрепления Бомарзунда. В это же время Швеция-Норвегия, оставаясь нейтральной, заключила договор с Англией и Францией, обязавшись не уступать России ни пяди земли. За это, если Россия покусится на целость Швеции-Норвегии, те две великие державы обязуются их защитить. При заключении Парижского мира Англия и Франция указали на лояльный нейтралитет Швеции, не воспользовавшейся затруднениями России, и потребовали для нее компенсаций. Родился аландский вопрос. От присоединения островов к Швеции-Норвегии они отказались. Решили обязать Россию не возводить там укреплений и не иметь военных устройств. В 1906 году рушится уния Швеции-Норвегии. Норвегия на нашей стороне. Мы решаем поднять аландский вопрос вновь. В 1907 г. на свидании в Свинемюнде мы предлагаем Германии...*) на Балтике, кроме сервитута на Аландских островах. Германия согласна, но предлагает нам самим договориться об этом со Швецией. Там буря; мы в 1908 году отложили разрешение до более удобного времени. Началась война. Державы, подписавшие договор, — или в войне с нами или наши союзники. Мы снова подымаем вопрос. Англия советует ждать. Нейтралитет Швеции выгоден. Там в 1916 году беспокойство. Король как конституционный монарх, опирающийся на общественное мнение, просит нас совместно обсудить вопрос и дать гарантии разоружить острова после войны. Мы принципиально согласны и идем на конференцию в Стокгольме. Наши стремления: 1) добиться отмены сервитута, 2) если Швеция на это ни в каком случае не согласна, то затягивать переговоры и с трудом итти на уступки, 3) наконец уступить, но потребовать за это компенсации — принимая требование Швеции, мы не сможем сейчас строить там долговременных укреплений, это нас ослабляет, мы должны за это получить право заминировать территориальные воды Швеции. Она может формально протестовать, но обязана для мореплавания дать судам курсы в и е территориальных вод. При установлении границ нельзя базироваться на географическом термине, который легко оспариваем и неточен, а нужно взять определенный меридиан.

III. Текущие вопросы: отставка Хаммершельда нам неприятна — сейчас неизвестность вообще, а в аландском вопросе в частности. Наступление в Персии указывает на наступившую согласованность в действиях Кавказа и Месопотамии. Успех англичан решительный.

Следующая беседа 24-го. доклад Ренгартена.

*) Пропуск в подлиннике.

Беседа четвертая.

27 февраля 1917 года.

Текущий вопрос: современное политическое положение.

События приняли грозный оборот. Обстоятельства не допускают промедления. Момент уже пропущен. Нужны немедленные поступки и решения. Дума и все общественные деятели вялы и мягкотелы. Надо дать им импульс извне, для этого надо иметь определенный план.

Наша основная идея — война до победоносного конца. Для этого надо сохранить спокойствие на фронте, что бы ни происходило в тылу. Мы считаем, что Житков может вполне справедливо нас ругать за то, что мы отнеслись вяло и неэнергично к принципиальной стороне вопроса, поднятого им. Если мы были несогласны с его планом, то мы должны были не только его отвергнуть, но и предложить свой, который и проводить затем в жизнь. Теперь мы опоздали, но тем более мы обязаны действовать.

Наша программа действий — активную роль должны на себя взять все-таки ответственные политические деятели, надо только натолкнуть их на это. Решено вызвать Константина Георгиевича *) и ему предложить наш план. Он должен посетить одного-двух общественных деятелей и предложить им устроить частное совещание, на котором он и доложит настроение некоторых кругов флота. На совещании должны быть выбраны пользующиеся авторитетом лица, которые должны посетить высших военных начальников на фронте и обеспечить спокойствие там во время их дальнейших действий в тылу.

Затем должен быть восстановлен Государственный Совет текущей сессии, который заседал до рождественского перерыва, так как вновь назначенные среди сессии члены незаконны.

Тогда Государственный Совет и Государственная Дума должны составить Законодательный Корпус и избрать представителей ответственной перед ними исполнительной власти. При этом все министры, кроме военного, морского и двора (как стоящих ныне вне ведения премьера), должны быть сменены.

Происшедшее должно быть доведено до сведения полковника **). Вся камарилья должна быть игнорирована и устранена от власти. На совещании должно быть подчеркнуто, что некоторые круги флота настоятельно просят действовать, ибо нельзя оставаться мягкотелыми и пассивными сейчас.

19 ч. 00 м. — Перерыв.

20 ч. 00 м. — Юзограмма нагенмора: просьба послать офицера встретить в Торнео Романова с документами и направить его в Гельсингфорс вместо Петрограда, если же и это небезопасно для сохранности бумаг, то отправить его обратно в Стокгольм.

20 ч. 30 м. — Расшифрована юзограмма о беспорядках в войсках — лозунги: «война до победы», «долой императрицу», «дайте хлеба». Нам нужны союзники здесь. Нам надо знать, каково настроение вообще во флоте. Решено выяснять настроение, влиять на комфлота и наштафлота. Те люди, которые признаются нами способными вредить распространению нашей идеи и влиянию на начальников, должны быть обезврежены действием непосредственно на тех лиц, через которых они могут вредить.

Флагманы подчинятся приказаниям комфлота. Надо только выяснить мнение Кедрова.

*) Житкова.

**) Т. е. царя. (Примечание редакции.)

21 ч. 15 м. — Получено известие о занятии вооруженными повстанцами Финляндского вокзала в Петрограде. Генгуб по своей инициативе прекратил сообщение, пуская поезда лишь до Белоострова — границы. Поставлен вопрос: если вспыхнут беспорядки на судах и в Гельсингфорсе, то как на это м ы реагируем?

Б е с е д а п я т а я.

28 ф е в р а л я 1917 г о д а.

К н я з ь Ч е р к а с с к и й. — Что будешь делать, Федя, если начнется на судах?

Д о в к о н т. — Буду поддерживать существующий ныне режим.

Ч е р к а с с к и й. — Т. е. пойдешь и примкнешь к бунтовщикам? Это неправильно. В такие минуты, как сейчас, очень важно сохранить полную ясность мышления, не делать поступков, глубоко раньше не обдумав их. Надо, чтобы каждый стремился принести наибольшую пользу всему делу, какую только он может. Итти в толпу легко, но погибнуть там от шальной пули типа, «соблюдающего присягу», довольно непроизводительно. Надо иметь более продуманный план.

К н я з ь Ч е р к а с с к и й и Р е н г а р т е н. — Мы должны быть готовы ко всему: ставка, царь могут приказать флоту поддерживать старый порядок и сторонников старого режима. Наш адмирал станет тогда перед дилеммой, и мы о б я з а н ы сделать все, что в наших силах, чтобы решение адмирала шло бы к спасению России, хотя бы и наперекор приказанию сверху. Может быть и другой случай: свыше не будет указаний, но тут же у себя или в городе (Ревель, Гельсингфорс) возникнет волнение, манифестации сочувствия «революции во спасение», и тогда наш адмирал должен единолично решить: вмешаться или запретить вмешательство... Мы обязаны содействовать второму решению, причем обязательно нужно, чтобы команда м открыто было сообщено решение комфлота, о каковом донесено в ставку.

Постановили мы так: по очереди итти к командующему и открыто и решительно высказать свой взгляд на вещи, указав на полную невозможность выполнить такое его приказание, которое пошло бы вразрез с нашими убеждениями. Чем бы ни кончился разговор, на смену одному идет второй, затем третий.

Князь нашел, что первым должен итти он. Иван возразил, что первым должен итти слабейший (в смысле влияния на Непенина), а последним сильнейший, ибо таким образом впечатление будет усиливаться. По совести считаем поэтому такой порядок: Довконт — Ренгартен — князь Черкасский.

Д о в к о н т (по прочтении) вполне разделяет точку зрения Ренгартена: к мнению князя Черкасского не прибавит весу мнение Довконта. Мнение Довконта единоличное уже будет капля в сознании того, кому говорится, а дальнейшая поддержка сначала Ренгартена, наконец Черкасского даст слабой капле силу и вес.

Сверх того, Иван взял на себя переговоры со Щастным и постараться привлечь его на нашу сторону. В случае нашей неудачи Черкасский примет все меры к привлечению Кедрова.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Непенин, Андриан Иванович, вице-адмирал, командующий Балтийским флотом. 4 марта Непенин и большая часть штабных офицеров была арестована. В 13 ч. 10 м. Непенин в сопровождении конвоя сошел с «Кречета». В 13 ч. 40 м. комфлот был убит.

[2]) Типольт, Николай Александрович, барон, капитан 2-го ранга, командир миноносца «Пограничник». В 1918 г. бежал в Гетманскую Украину.

[3]) Черкасский, Михаил Борисович, князь, капитан 1-го ранга (28 авг. 1917 г. произведен в контр-адмиралы), флаг-капитан командующего Балтийским флотом, исп. д. начальника его штаба. Отчислен 5 декабря 1917 г.

[4]) Русин, Александр Иванович, вице-адмирал, б. начальник морского генштаба, начальник морского штаба ставки верх. главнокомандующего.

[5]) Довконт, Федор Юльевич («Федя»), капитан 2-го ранга, исп. должн. пом. флаг-капитана по операт. части штаба.

[6]) Житков, Константин Георгиевич, ст. лейтенант, офицер морского генштаба.

[7]) «Кречет» — посыльное судно, где помещался штаб командующего Балтийским флотом.

[8]) Владимиров, Владимир Владимирович, жандармский подполковник, пом. нач. Кронштадтского жандармского управления. Еще 27 февраля Владимиров послал начальнику штаба командующего Балтийским флотом шифрованную телеграмму с подробным описанием хода революции в Петрограде.

[9]) Щастный, Александр Михайлович, капитан 1-го ранга, б. командир миноносца «Пограничник», офицер для поручений при командующем Балтийским флотом, с 31 мая флаг-капитан по распоряд. части штаба.

[10]) Кедров, Михаил Александрович, капитан 1-го ранга (18 июля 1917 г. произведен в контр-адмиралы), начальник минной дивизии, пом. морского министра.

[11]) Сахаров, Лев Валерианович («Левушка»), капитан 2-го ранга, штурман, пом. флаг-капитана по оперативной части.

[12]) Комелов, Михаил Михайлович, лейтенант, офицер штаба командующего Балтийским флотом.

[13]) Альтфатер, Василий Михайлович, капитан 1-го ранга, флаг-капитан морского штаба ставки верх. главнокомандующего.

[14]) Минмор — морское министерство; генмор — морской генштаб.

[15]) Никольский, Михаил Ильич, капитан 1-го ранга, командир крейсера «Аврора».

[16]) Огранович, Павел Павлович, старший лейтенант, старший офицер крейсера «Аврора».

[17]) Никонов, Николай Константинович, лейтенант (28 июля 1917 г. произведен в старшие лейтенанты).

[18]) Результатом этой работы, надо предполагать, был приказ, разосланный в 8 ч. 31 м. начальникам отдельных частей флота. В этом приказе снова упоминалось «о беспорядках» в Петрограде и сообщалось, что «также был некоторый беспорядок в сухопутной части гарнизона Кронштадта».

[19]) Арцыбушев, Николай Петрович, капитан 2-го ранга, помощник флаг-капитана по распоряд. части штаба комфлота.

[20]) Мацылев, Николай Александрович, лейтенант, старший флаг-офицер штаба комфлота.

[21]) 42-й армейский корпус был расположен в Финляндии. 1 марта в 16 ч. 03 м. командующий корпусом генерал Гулевич сообщил Непенину о том, что он подчинил Николаевский форт Кронштадтской крепости коменданту Выборгской крепости. Интересен телеграфный ответ Непенина: «На подчинение Николаевского форта до восстановления порядка в Кронштадте согласен, ибо из-за льда с флотом притти туда не могу. № 242/ОП. Непенин».

[22]) Вирен, Роберт Николаевич, адмирал, главный командир Кронштадтского порта и военный губернатор гор. Кронштадта. Надеясь, что восстание в Петрограде будет подавлено, Вирен скрывал от матросов и портовых рабочих все известия из

Петрограда. Утром 1 марта Вирен был убит и сброшен в овраг около Морского собора.

[23]) В 9 ч. 52 м. 2 марта комендант Ревельской крепости (Петра Великого), в связи с обострившимся положением, телеграфно запросил Непенина: «Положение грозит чрезвычайно осложниться, если не будет мною объявлено категорически, на какой стороне я стою с гарнизоном. Прошу решений». В 10 ч. 30 м. последовал ответ Непенина, характерный для всей политической линии, взятой последним в этот период. «Если положение, — читаем в телеграмме, — потребует во что бы то ни стало категорического ответа, то объявите, что я присоединяюсь к Временному Правительству и приказываю вам и старшему на рейде сделать то же».

[24]) Сполатбог, Александр Николаевич, капитан 1-го ранга, б. ком. крейсера «Адмирал Макаров», флаг-капитан по распоряд. части штаба комфлота.

[25]) Курош, Александр Парфенович, вице-адмирал: с 23 января 1917 г. комендант Кронштадтской крепости и главный руководитель оборонительных работ в Кронштадте. Известен по контрреволюционной деятельности в 1906 г., как принявший активное участие в усмирении Свеаборгского восстания. В Февральскую революцию, будучи в Кронштадте, был ранен и арестован матросами.

2 марта Гучков сообщил Непенину, что с согласия Временного Комитета Госуд. Думы он поручил адмиралу Курошу вступить в должность главного командира Кронштадтского порта. После этого, в 12 ч. 30 м., Непенин телеграфно просил восстановить Куроша и в правах коменданта крепости.

[26]) Винтер, Виктор Андреевич, ген.-лейт., главный механик Балтфлота.

[27]) Мирбах, Рудольф Романович, барон, капитан 2-го ранга, главный минер Балт. флота и командир посыльного судна «Кречет».

[28]) 2 марта в 20 ч. 40 м. Непенин телеграфировал начальнику морского штаба ставки верх. главнокомандующего для доклада царю о том, что он «всеподданнейше присоединился» к телеграммам главнокомандующих фронтами. «С огромным трудом сдерживаю в повиновении флот и верные войска» — читаем в телеграмме Непенина.

[29]) «Новому государю» — т. е. вел. кн. Михаилу Александровичу, которому Николай II передал престол в акте своего отречения.

[30]) 3 марта Русин из ставки передал Непенину следующую телеграмму Алексеева: «Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать соответствующие распоряжения, ознакомить с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта 1917 г. 6 ч. 45 м. № 1913. Алексеев».

[31]) Капнист, Алексей Павлович, граф, капитан 1-го ранга, начальник морского генерального штаба.

[32]) В радиотелеграмме Временного Правительства излагался ход революции в духе Временного Комитета Госуд. Думы и подчеркивалось, что новое «народное» правительство уже признано английским, французским и итальянским послами.

[33]) Максимов, Андрей Семенович, вице-адмирал, начальник минной обороны, 4 марта был избран командами командующим Балтфлотом. 2 июня был назначен начальником морского штаба при верховном главнокомандующем.

[34]) Речь идет о восстании линейных кораблей.

Приводим без сокращения из флагманского исторического журнала запись на 3 марта: «В начале 8-го часа вечера, когда начальник бригады собрался по сигналу командующего флотом итти на «Кречет», линейный корабль «Павел I» поднял боевой флаг, развернул башню на стоящий рядом с ним «Андрей Первозванный», после чего на «Андрее Первозванном» был также поднят боевой флаг.

На обоих кораблях были слышны выстрелы. Вслед за ними подняла боевой флаг и стоящая рядом с ними «Слава». Следуя движению 2-й бригады линейных кораблей, подняли боевые флаги «Севастополь» и «Полтава». На «Петропавловске» команда, собравшись на баке, настаивала на подъеме боевого флага из солидарности 2-й бригаде кораблей. Начальник бригады не разрешил поднять боевой флаг и сам с офицерами уговаривал команду успокоиться».

Обострение здесь также было вызвано неискренним поведением офицеров, в частности начальника 2-й бригады линейных кораблей контр-адмирала Небольсина. Адмирал в своих выступлениях перед матросами многое скрыл от матросов. С депутатами, явившимися к нему от имени команд с просьбой показать официальные сведения, Небольсин вступил в пререкания. В итоге был убит адмирал и еще два офицера. Все это произошло на «Андрее Первозванном», который, таким образом, в Гельсингфорсе в действующем флоте первым начал восстание.

Во время начавшегося восстания на кораблях командующий флотом обедал в штабе. На доклад о происходившем на 2-й бригаде Непенин ответил лаконическим «хорошо», но затем вдруг неосторожно, в присутствии вестовых, высказал сокровенную мысль: «Какой из дредноутов по диспозиции может открыть огонь по «Павлу»?», но спустя несколько минут сам же сказал: — «Нет, не буду проливать крови, это ни к чему».

Между тем восстание распространилось по всем судам. Везде зажигались красные огни. Вслед за этим последовало распоряжение Непенина собрать сигналом на «Кречет» депутатов со всех кораблей, но было уже поздно. На кораблях происходили уже аресты офицеров, офицеры разоружались и т. д.

[35]) Радио «Смерть тиранам», нарушившее равновесие Ренгартена, по всей вероятности, являлось телеграммой, принятой в штабе в 5 ч. 30 м.: «На радио Непенина. «Товарищи матросы, не верьте тирану! Вспомните о приказе об отдании чести! Нет! От вампиров старого строя мы не получим свободы.

Мы ожидаем депутацию, а когда к нему посланы были депутаты от толпы, то неожиданно «Кречет» давал сигналы: «Прислать сформированный полк». — Нет! Смерть тирану и никакой веры от объединенной флотской демократической организации».

[36]) Муравьев, Лев..., капитан 2-го ранга, штаб-офицер для поручений при командующем флотом.

[37]) Непенин в связи с выборами матросами командующим флота начальника минной обороны вице-адмирала Максимова послал в 12 ч. 40 м. через морской генеральный штаб в Госуд. Думу следующую телеграмму: «П е т р о г р а д. Г о с у д а р с т в е н н а я Д у м а. Сейчас прибыл ко мне начальник минной обороны вице-адмирал Максимов и доложил, что приехавшая к нему группа, состоящая из разнородной команды и офицеров, морских и сухопутных, на посыльное судно «Чайку», где он был арестован, сообщила об избрании его на пост командующего флотом.

Линейный корабль «Император Павел I», играющий в данный момент существенную роль, дал телефонограмму не исполнять моих приказаний... [Непенин] условился с адмиралом Максимовым, что дальнейшие распоряжения будут подписываться во избежание двоевластия им и мною...»

[38]) Переговоры по аппарату Юза между Керенским и депутатом линейного корабля «Полтава» машинистом Сакманом состоялись около 9 ч. вечера, причем Сакман был на «Кречете».

В тексте, напечатанном в типографии штаба, совершенно не передается ответ Керенскому Сакмана. С пропусками напечатана и речь Керенского; бросается в глаза пропуск того места в речи, где сообщалось, что Временным Правительством гарантирована полная свобода агитации и пропаганды. Что пропуски имели место в напеча-

танном тексте речи Керенского, подтверждает и тот экземпляр, который был выпущен штабом. Там читаем: «настоящий текст напечатан не по подлинной ленте, которая взята депутатами от команды, а по копии, снятой с ленты аппарата Юза одним из депутатов на «Кречете». Возможна какая-либо невольная [!!] ошибка. Сверяйте это с имеемым у вас на руках подлинником. Верно: начальник штаба контр-адмирал Г р и г о р о в».

[39]) В 13 ч. офицеры «Кречета» под конвоем матросов были отправлены в морской арестный дом. На «Кречете» матросами были оставлены лишь офицеры, крайне необходимые для работы штаба.

[40]) Григоров, Николай Митрофанович, контр-адмирал, начальник штаба командующего Балтфлотом. Приказом от 15 марта отчислен в резерв.

[41]) Руденский, Дмитрий Петрович, капитан 2-го ранга, флагманский штурман.

[42]) Зорин, Николай Владимирович, капитан 2-го ранга, инженер-механик.

[43]) Гамильтон, Михаил Владимирович, лейтенант, старший флаг-офицер.

[44]) Родзиевский, Борис Степанович, лейтенант.

[45]) Будкевич, Викентий Викентьевич, старший лейтенант.

[46]) Фон-Витт, Петр Генрихович, старший лейтенант, командир миноносца «Меткий».

[47]) Рыбкин, Борис Николаевич, капитан 2-го ранга; вместе с ним на крейсере «Диана» убит лейтенант Любимов 3-й.

[48]) Майдель 2-й, Христиан Гвидович, барон.

[49]) Протопопов, Вениамин Николаевич, ген.-лейт., командир Свеаборгского порта.

[50]) Бахирев, Михаил Коронатович, начальник 1-й бригады линейных кораблей; начальник морских сил Рижского залива. В 1919 г., во время наступления Юденича на Петроград, был одним из руководителей по подготовке восстания в Кронштадте и Балтфлоте, — расстрелян.

[51]) Петров, Михаил Александрович, старший офицер линейного корабля «Гангут», капитан 2-го ранга, пом. флаг-капитана по оперативн. части штаба комфлота.

[52]) Исполнительный Комитет Гельсингфорского Совета Матросских, Солдатских и Рабочих Депутатов.

[53]) Утин, Борис Михайлович, старший лейтенант, пом. флаг-капитана по распоряд. части штаба комфлота.

ИЗ ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА ВРАНГЕЛЯ.

(Экономические отношения с Францией.)

Вопрос об экономической и, особенно, внешне-экономической политике белых правительств принадлежит до сего времени к числу наименее разработанных вопросов гражданской войны. Мемуарная литература по этому поводу говорит очень редко и скупо, архивных же публикаций, освещающих экономическую политику белых правительств, до сего времени почти совсем не было.

Это придает особый интерес публикуемым ниже материалам — донесениям В. И. Савицкого, парижского агента Управления торговли и промышленности правительства при главнокомандующем вооруженными силами юга России.

К моменту прихода Врангеля к власти за границей существовала целая сеть торговых представителей. В большинстве случаев это были бывшие царские дипломаты или же торговые представители, сохранившие многочисленные старые связи и прекрасно информированные о положении дел в странах, где они представительствовали [1]).

---

[1]) В делах Управления торговли и промышленности сохранились подробные сведения о личном составе торговых представителей Деникина, большинство которых осталось на своих местах и позже, после прихода к власти Врангеля. Несколько уполномоченных занимали свои должности еще по назначению бывшего в Петрограде министерства торговли и промышленности и сохраняли за собой прежний титул: «Состоящий при российском посольстве (или миссии) агент министерства торговли и промышленности».

Такие уполномоченные имелись в следующих государствах: в Англии — Остроградский, Франции — Савицкий, Италии — князь Голицын, Швеции — Никольский, Швейцарии — Фелькнер, Дании — Казанджиев, Палестине — Селезнев.

В Северо-Американских Соединенных Штатах торгового агента заменял русский Торговый Комитет под председательством П. А. Морозова. Комитет был учрежден по постановлению бывшего Временного Правительства в Петрограде. Наиболее частые сношения с Управлением поддерживали из перечисленных выше — торговые агенты во Франции, Италии и Швеции.

Кроме того, Управлением торговли и промышленности были назначены новые уполномоченные в следующих государствах: в Турции — А. А. Пиленко, Сербии — А. Г. Карпов, Болгарии — А. А. Наранович и Н. П. Александров, Греции — А. Н. Марьянов, Польше — Н. А. Рейтлингер, Чехо-Словакии — А. С. Ломшаков.

Наконец, помимо перечисленных постоянных представительств, за границу в большом количестве посылались уполномоченные Управления торговли и промыш-

Они знали многое из того, что не было доступно широкой публике, что не попадало в печать, но оставалось достоянием наиболее «высоких кругов».

Уже одно это придает известный интерес показаниям таких свидетелей. Но перед нами в данном случае не обычная мемуарная литература, в которой вымысел, подчиненный политическим целям, явно преобладает над истиной и объективным изложением фактов, а секретные информационные донесения, направленные своему правительству,— донесения, в которых все вещи называются своими именами. Это обстоятельство на много увеличивает ценность публикуемых документов.

Отчеты Савицкого — чисто делового характера. Первое, что в них бросается в глаза, это — убедительные доказательства большого коммерческого интереса, который проявили французские деловые круги по отношению к югу России. Сам Савицкий формулирует свои задачи в Париже, как задачи «всестороннего содействия всем серьезным правительственным, общественным и частным начинаниям в области торгового обмена с южной Россией». Но этим миссия Савицкого не ограничивалась. «Вместе с тем, — пишет он, — до прошлой осени [до осени 1919 г.] мои скромные силы были направлены, — в соответствии с указаниями с юга и с запросами из Франции и Бельгии, — в сторону поощрения французских и бельгийских предпринимателей, связанных с Донецким бассейном и другими промышленными районами южной России, к возвращению на места, в целях восстановления угольной, нефтяной и др. отраслей промышленности». Из дальнейших слов Савицкого видно, что в этом отношении ему удалось достигнуть результатов, «при данных условиях благоприятных». Очевидно, с французскими и бельгийскими предпринимателями было достигнуто какое-то соглашение об условиях возвращения их к своим предприятиям. Однако эти соглашения «не успели вылиться в окончательную форму и сошли на-нет, когда наши войска очистили Донецкий бассейн, а затем Донецкую область, Одесский район и Северный Кавказ...»

После этих неудач деникинской армии деятельность политического торгового представительства «вооруженных сил на юге России» в Париже свелась было к нулю, но ненадолго. На горизонте появился Врангель, и французские коммерсанты сразу оживились. Конечно, в первую очередь особый интерес вызывала судьба Донецкого бассейна. Но пока он еще не был освобожден, строились планы финансовой и материальной поддержки нового белого правительства. Эти планы, конечно, прежде всего и главным образом преследовали совсем не двусмысленные политические цели: чем только возможно, помочь Врангелю в его противобольшевистской борьбе. Но политика — политикой, а немедленный коммерческий интерес сам по себе. В этом отношении очень характерны отдельные коммерческие предложения, которые делались торговому агенту Врангеля различными фирмами, а иногда и самим правительством Французской республики. Отметим, например, предложение приобрести так называемые «военные стоки». Французское правительство купило американское военное имущество, которое после войны осталось на территории Франции. Эти-то «военные стоки» французское министерство

ленности для выполнения отдельных поручений. (Моск. Центр. Архив Октябрьской революции, № 1618, д. № 17.)

финансов и намеревалось продать Врангелю. Аналогичные предложения делались и непосредственно американским правительством, которое еще раньше, в период Деникина, энергично добивалось через сенатора Холлиса продажи белой армии этого залежавшегося после войны товара и теперь, при Врангеле, вновь предлагало, при участии того же Холлиса, приобрести «военные стоки» непосредственно в Америке.

Подобные американские и французские предложения показывают, что широкое снабжение белых армий предметами военного снаряжения, помимо всех бесспорных и очевидных политических соображений, не лишено было и непосредственного коммерческого интереса: война окончилась, осталась масса неиспользованного военного снаряжения, — его выгодно было бы сбыть куда-либо, особенно, если при этом можно было рассчитывать получить взамен гораздо более ходкий товар в виде угля, хлеба и другого сырья.

Оставляя в стороне ряд предложений снабжать юг России сельскохозяйственным инвентарем, железнодорожным имуществом и другими товарами при неизменном условии получения в обмен всевозможного сырья, — укажем только на имеющиеся в докладах сведения по поводу массовой распродажи русского торгового флота. «В связи с неисключенной пока возможностью признания большевиков» судовладельцы спешили распродать возможно скорее весь торговый флот. Савицкий сообщает, что «Северное Пароходное Общество» уже продало свои суда в иностранные руки, что с французами ведет переговоры «Южно-Русское Общество» о продаже одиннадцати пароходов, что ряд судов недавно продан англичанам и т. д.

Если сам Савицкий в своих донесениях не выходит далеко за пределы чисто коммерческих информаций, то зато к его докладам приложен ряд писем небезызвестного графа Франсуа де Шевильи, в которых затрагиваются гораздо более широкие вопросы противобольшевистской политики. Письма эти носят в большинстве случаев полуофициальный характер, но некоторые из них являются актами вполне официальных сношений правительства Французской республики с официальными же представителями «правительства юга России».

Шевилья — крупный французский финансист — занимал должность «коммерческого атташе для русских стран при министерстве торговли, промышленности, почтовых и телеграфных сношений». Раньше, во время войны, он входил в состав французской миссии в Петербурге, при всех обстоятельствах оставался «другом России» и, «любя Россию», всегда старался помочь «всем усилиям, каковые предпринимались либо в России, либо в иных местах для свержения большевистского режима». Подобная репутация стяжала ему во французских правящих сферах исключительное влияние в области «русского вопроса». Очевидно, именно эта репутация убежденнейшего и активнейшего антибольшевистского деятеля была причиной того, что французское правительство послало его в Копенгаген для предварительных переговоров с Красиным. Савицкий сообщает, что Шевильи, советуясь с ним частным образом, брать ли на себя это поручение, указал, что «склонен согласиться, боясь, что если поедут другие, менее подготовленные, то будет хуже». При этом Савицкий добавляет, что «его [Шевильи] образ действий в Копенгагене, с нашей точки зрения, может быть только одобрен».

Передавая все эти подробности и препровождая в Крым письма Шевильи, Савицкий рекомендовал отнестись к ним со всей серьезностью и вниманием.

Чего же добивается Шевильи?

В качестве «самого преданного и искреннего друга России» он прежде всего возмущается тем, как плохо, неумело и неэнергично была пока что организована противобольшевистская борьба: «Скоро исполнится три года, — сетует Шевильи, — с тех пор, как большевизм изгнал из России лучшие элементы и что мы видели, как в Париже собираются десятками бывшие послы, бывшие министры, члены Думы и органов городского самоуправления, профессора, банкиры и проч. Без сомнения, у них у всех были самые лучшие намерения, а между тем, что же они сделали? Ровно ничего полезного. Все росло число комитетов, собраний и совещаний; на бумаге шло строительство (которое велось столь же не энергично, сколь разрабатывалось до мельчайших подробностей) новой прекрасной России, которая — увы! никогда не будет существовать. Много было споров, политические партии не преминули, по своему обычаю, наговорить друг про друга все дурное, что только возможно придумать, — но из всего этого не получилось ни одного практического проекта, ни одного полезного усилия, не оказано ни малейшей помощи тем, кто боролся в России, — только болтовня, к которой слишком часто примешивалась забота о личных интересах».

После этой не слишком лестной характеристики верхушки белой эмиграции Шевильи переходит к изложению своей программы действий. «Вам известно мое неизменное мнение, что сокрушить большевиков возможно единственно лишь путем военных действий». Однако Шевильи учитывает все неудачи делавшихся до тех пор попыток военного свержения советской власти. Он прекрасно видит, что пока что население встречало «освободителей России» далеко не с распростертыми объятиями. По его словам, «громадная масса русского населения была настроена так же враждебно к большевикам, как и к армии генерала Деникина, по той простой причине, что никто не соглашается охотно на насильственную мобилизацию, нищету и ограбление». Шевильи призывает к здравому смыслу новых руководителей белой армии и убеждает их, что «единственное средство для привлечения населения на сторону партии, стоящей за порядок, заключается в том, чтобы тотчас же после завоевания военной силой доставить ему значительные экономические преимущества по сравнению с территорией, занятой большевиками». Дальше Шевильи подходит к самому главному пункту своей программы. Чтобы снабдить население завоеванных областей всем необходимым, следует широко развернуть товарообменные операции между югом России и Францией. Это последнее обстоятельство довольно откровенно вскрывает истинную подоплеку стремлений Шевильи. «Преданный друг России» и тем самым яростный враг большевиков, бескорыстный советник и доброжелатель, обнаруживает свою подлинную сущность коммерсанта: Шевильи выступает как типичный представитель той части французской буржуазии, которую прежде всего интересуют соображения немедленного восстановления выгодных торговых операций с югом России, богатым углем, хлебом и другим сырьем, но вместе с тем Шевильи прекрасно понимает, что чисто спекулятивное хозяйничание в захваченных белыми областях без всякого учета потребностей населения гибельно отражается на белом движении в целом. Он

поэтому делает попытку согласовать непосредственные коммерческие интересы французской буржуазии с конечными целями российской контрреволюции, т. е. с задачей военного свержения советской власти. Шевильи приходит в отчаяние, что еще ничего не сделано для восстановления товарообмена: «Я вижу, что время проходит, а им не пользуются... я приветствую его [Врангеля] военные успехи, и, в то же время, они приводят меня в отчаяние, ибо чем более он будет расширять пределы занимаемой им зоны, тем более будет увеличивать число недовольных, нищих...Что же делать при таких условиях? В последний раз я попробую указать вам на гибельную опасность, но не мне подобает давать вам средство против этой опасности!»

Восклицая столь патетически, Шевильи все же не удерживается и дает совсем конкретные указания: «Если генерал Врангель располагает какими-либо суммами [выше речь шла о суммах, перешедших к Врангелю после Колчака] в Европе, то он поступает вполне разумно.., принимая меры для того, чтобы суммы эти ни в коем случае не попали в руки Советов. Для этого, казалось бы, наилучшим способом было бы немедленное использование означенных сумм для производства полезных закупок, чтобы улучшить таким образом положение Крыма и извлечь оттуда продукты, которые впоследствии, после реализации, дали бы возможность производить новые закупки и новый товарообмен». Попутно Шевильи предусмотрительно обещает полную поддержку со стороны французского правительства, «при том однако условии, что не будет посылать оружия или снарядов, да и то!..» (характерно последнее восклицание с совершенно прозрачным многоточием).

Планам Шевильи не суждено было осуществиться. Врангель недолго продолжал свое продвижение на север, ненадолго удержался и в Крыму. Прошло всего только несколько месяцев, и последняя попытка создания белого правительства рухнула, как и все предыдущие планы интервенции и контрреволюции.

А. Гуковский.

Донесение парижского агента Отдела торговли, промышленности и снабжения Особого Совещания В. И. Савицкого от 3 июня 1920 г. № 871 А [1]).

Париж. 3 июня (н. ст.) 1920 г.

Постановлением Особого Совещания при главнокомандующем Добровольческой Армией (впоследствии Вооруженными силами на Юге России) от 17 декабря 1918 г. я был назначен уполномоченным представителем Отдела (впоследствии — Управления) торговли и промышленности за границей и вслед затем выехал из Екатеринодара, вместе с С. Д. Сазоновым, к назначенному мне месту службы, в Париж.

[1]) На подлиннике штамп: «Gouvernement auprés du Commandant en Chef, des Forces Armées du Sud de la Russie Ministere du commerce et de l'industrie agent commercial à Paris. 3. Rue Pelouze. Paris—VIII. № 871/A». Донесение адресовано: «Управлению торговли и промышленности (или заменяющему его ведомству). Крым. От Владимира Ивановича Савицкого, агента Управления в Париже». (Архив Октябрьской Революции, ф. 356, № 34.)

Еще по пути, — в Константинополе, Афинах и Риме, — мною были выполнены возложенные на меня специальные поручения; немедленно же по прибытии в Париж я приступил к организации здесь торгового агентства и затем, по мере возможности, к осуществлению заданий, изложенных в приобщенной к сему копии письма — инструкции от 18 декабря 1918 г. за № 1798.

О деятельности своей в этом направлении (с лета истекшего года — в качестве агента Управления в Париже), равно как и о результатах шагов, которые предпринимались мною в связи с разного рода поручениями, возлагавшимися на меня дополнительно, я, насколько возможно, регулярно доносил Управлению торговли и промышленности, пользуясь поездками на юг России военных и дипломатических курьеров, почтой (через Константинополь), а в случаях спешности и телеграфом.

Одновременно я представлял Управлению периодические обзоры французского рынка, таблицы товарных цен и фрахтов, очерки отдельных отраслей французской промышленности и пр. материалы, могущие оказаться ему полезными в его деятельности по организации торговых сношений нашего юга с рынками Западной Европы.

Когда же, в ноябре и декабре прошлого 1919 года, я, по предложению правительства, сам предпринял поездку в Таганрог и Ростов, мною были сделаны как о работе моей в Париже, так и по отдельным, особой важности вопросам подробные личные доклады главнокомандующему и начальникам Управлений торговли и промышленности, военного, финансов и путей сообщения.

Как известно бывшему главнокомандующему генералу А. И. Деникину и некоторым из членов правительства при нем, кои вошли ныне в состав правительства при генерале бар. П. Н. Врангеле, главной своей задачей в течение всего времени пребывания за границей я считал, кроме функций осведомительных, всестороннее содействие всем серьезным правительственным, общественным и частным начинаниям (как французским, так и иным, намечавшимся почему-либо в Париже: английским, американским, швейцарским и пр.) в области товарообмена с южной Россией, начинаниям, часть которых в свое время была проведена в жизнь в отношении к Новороссийску и др. портам Черного моря, — смею думать, в известной доле благодаря именно моим стараниям, — другая же часть, более значительная, не вышла из стадии подготовки и осталась неосуществленной в силу изменившегося временн. положения.

Вместе с тем, до прошлой осени мои скромные силы были направлены, в соответствии с указаниями с юга и с запросами из Франции и Бельгии, в сторону поощрения французских и бельгийских пред-

принимателей, связанных с Донецким бассейном и другими промышленными районами южной России, к возвращению на места, в целях восстановления угольной, нефтяной и др. отраслей промышленности. В этом отношении также удалось достигнуть результатов, при данных условиях, благоприятных, но которые, как и многое из уже подготовленного по внешней торговле, не успели вылиться в окончательную форму и сошли на-нет, когда наши войска очистили Донецкий бассейн, а затем Донецкую область, Одесский район и Северный Кавказ.

Деятельность торгового агентства в Париже на некоторое время (февраль, март и апрель с. г.) естественно замерла, выражаясь лишь в собирании и обработке материалов, необходимых при возобновлении нормальной работы, и в поддержании ранее установленных связей с правительственными учреждениями, торгово-промышленными организациями и отдельными группами и домами, интересующимися длительно обменом с южно-русскими рынками.

Ныне, — начиная приблизительно с мая месяца, по мере того, как, с одной стороны, доходили сведения об упрочивающемся положении в Крыму, с другой же, таяли постепенно, пока не исчезли окончательно (по крайней мере, во Франции и Соед. Штатах) надежды на возможность восстановления товарообмена с Советской Россией, — в здешних деловых кругах интерес к югу России пробудился вновь. Все чаще и чаще поступают в наше торговое агентство запросы об экономическом состоянии Крымского полуострова, об имеющихся в Крыму запасах сырья, о предметах первой необходимости, в коих нуждаются армия и местное гражданское население, о состоянии транспорта и т. д.

Многие торговые фирмы, сделавшие в свое время, при моем посредстве, различные предложения правительству генерала Деникина, обращаются за выяснением вопроса о том, имеет ли смысл — и теперь или позже — повторить эти предложения правительству при главнокомандующем вооруженными силами в Крыму; промышленники запрашивают о потребностях крымских железных дорог, о возможности получения лесных концессий или покупки в собственность, в целях эксплоатации, лесов; арматоры — об условиях, в которых находятся суда нашего торгового флота, и о том, могут ли они быть зафрахтованы или уступлены в собственность, с правом выкупа, французским группам, с установлением грузовых рейсов между Францией и Крымом и т. д.

К сожалению, сведения, имеющиеся сейчас в моем распоряжении, настолько скудны, что отвечать должным образом на поступающие запросы и, тем более, споспешествовать конкретной постановке тех или иных предложений, зачастую весьма серьезных и заслужи-

вающих, с точки зрения наших интересов, полного внимания, — представляется совершенно невозможным.

Ввиду изложенного, спеша препроводить Управлению торговли или заменяющему его ведомству первый список вопросов, возникших в связи с обращениями ко мне за последнее время (с пояснениями и приложением, в копиях, необходимых документов), и, ожидая указаний, кои позволили бы мне выяснить, как надлежит отнестись к этим обращениям, я вместе с тем имею честь просить снабдить меня, по возможности безотлагательно, всеми данными, необходимыми для правильной ориентировки при рассмотрении подобных запросов и предложений на будущее время, как то: правила, регулирующие внешнюю торговлю, таможенные правила и тарифы; списки товаров, запрещенных к ввозу и вывозу, перечень предметов первой необходимости для войск и населения, списки товаров (сырья), имеющихся в Крыму, к вывозу за границу, с указанием портов, где таковые находятся, местные цены на товары, условия морского и железнодорожного транспорта, а равно и все другие сведения, могущие быть мне полезными при выполнении моих обязанностей.

Покорно прошу также соблаговолить сообщить мне, как, в смысле форм, совершается в настоящее время внешний обмен портов Крымского полуострова с портами иностранных государств и являются ли фактически существующие формы единогласно приемлемыми.

Позволяю себе выразить надежду, что, снабдив меня нужными сведениями при первой к тому возможности, Управление не откажет сообщать мне и впредь соответствующие инструкции и данные, необходимые для моей работы.

Настоящий доклад представляется мною в копии начальникам Управлений финансов и иностранных сношений г.г. М. В. Бернацкому и П. Б. Струве, находящимся ныне в Париже. Подлинник же я посылаю в Крым через торгового агента в Константинополе А. А. Пиленко.

Торговый агент в Париже [п о д п и с ь.]

П р и л о ж е н и я: I. Отношение Особого Совещания по Отделу торговли от 18 декабря 1918 г., № 1798. II. Отношение Особого Совещания по Отделу торговли от того же числа, № 1799 [1]). III. Справка о деятельности агента Управления торговли в Париже. IV. Десять справок о поступивших в агентство запросах и предложениях с относящимися к ним документами (№№ 1—10) [2]).

---

[1]) В делах отношения № 1799 не сохранилось.

[2]) «Справки» приложены, начиная с № 2 и кончая № 9, кроме оговоренной в предыдущем пункте справки «О деятельности агента Управления торговли в Париже», которая помещена без номера.

Отношение Особого Совещания по Отделу торговли, промышленности и снабжения на имя В. И. Савицкого от 18 декабря 1918 г. № 1798 [1]).

Милостивый государь Владимир Иванович.

На основании постановления Особого Совещания при главнокомандующем Добровольческой Армии настоящим прошу вас состоять уполномоченным представителем Отдела торговли, промышленности и снабжения за границей.

В качестве такового вам надлежит: принимать меры к целесообразному разрешению русских экономических задач на международной мирной конференции, организовать сеть русских торговых агентур в главнейших иностранных государствах; содействовать проведению в жизнь постановлений Особого Совещания о распоряжении всем русским коммерческим и военно-транспортным тоннажем Управлением морских перевозок Добровольческой Армии; об образовании контрольной комиссии для регулирования ввоза товаров первой необходимости из-за границы в южную Россию; содействовать закупке товаров первой необходимости для России, получению для сего тоннажа и валюты; протестовать против захвата русских торговых судов союзниками; способствовать возвращению русских судов, плавающих под иностранными флагами, и вообще принимать все меры к осуществлению пожеланий Отдела, изложенных в докладе союзникам 1-го декабря 1918 г. [2]).

Высоко ценя вашу энергию и долголетнюю опытность, надеюсь на успешное разрешение всех этих вопросов и прошу принять мои уверения в совершенном почтении и искренней преданности.

Управляющий Отделом торговли, промышленности и снабжения Особого Совещания при главнокомандующем Добровольческой Армии

[п о д п и с ь.]

Всю переписку благоволите направлять через дипломатических курьеров или военных курьеров союзников в Особое Совещание управляющему Отделом торговли и промышленности в собственные руки [3]).

Справка о деятельности агента Управления торговли в Париже.

В. И. Савицкий прибыл из Екатеринодара в Париж 17 января 1919 г. в качестве уполномоченного Отдела торговли, промышлен-

[1]) На копии, по которой печатается настоящий документ, воспроизведен следующий штамп подлинника: «Особое Совещание при главнокомандующем Добровольческой Армии. Управляющий Отделом торговли, промышленности и снабжений. 18 декабря 1918 г. № 1798».

[2]) Этого доклада в делах не сохранилось.

[3]) Далее надпись: «С подлинным верно. Париж. 4 июня 1920 г. П. Н а л и ч».

ности и снабжения за границей, с полномочиями от Особого Совещания при главнокомандующем Добровольческой Армии ген. Деникине, изложенными в инструкции от 18 декабря 1918 г., за № 1798.

На Савицкого было возложено:

а) принятие мер к целесообразному разрешению русских экономических задач на мирной конференции;

б) организация сети торговой агентуры в главнейших иностранных государствах;

в) содействие проведению в жизнь постановлений Особого Совещания о распоряжении русским коммерческим и военно-транспортным тоннажем Управлением морских перевозок Добровольческой Армии;

г) содействие урегулированию ввоза в южную Россию товаров первой необходимости в связи с созданием при Добровольческой Армии особой контрольной комиссии;

д) содействие по закупке товаров первой необходимости и по получению для сего валюты и тоннажа;

е) содействие по освобождению русских судов, плавающих под иностранными флагами.

К этим основным поручениям был добавлен затем ряд других, изложенных в последующих инструкциях и предписаниях Отдела (впоследствии — Управления) торговли и промышленности.

Ввиду того, что, как выяснилось по приезде Савицкого в Париж, положение здесь оказалось не тем, каким его представляли в Екатеринодаре, от изложенной программы пришлось значительно отклониться; правильнее будет сказать, пришлось заменить приведенные выше пункты одним: содействие ознакомлению заграничных торгово-промышленных кругов с экономическим состоянием и нуждами и интересами южной России и восстановлению ее связей с Западом (ввоз заграничных изделий, вывоз русского сырья, воссоздание разгромленной большевиками русской промышленности и т. д.).

В пределах этого задания и протекала за истекшее время деятельность Савицкого, деятельность, о которой он представлял правительству подробные периодические отчеты.

Имея, по своей прежней работе в петроградских торгово-промышленных организациях и по частым командировкам от них за границу, достаточные связи в соответствующих правительственных учреждениях и коммерческих и финансовых кругах Франции, Англии, Италии, Бельгии, Швейцарии, С.-А. Соед. Штатов, Савицкий располагал возможностью установить в короткий срок и без чьей бы то ни было помощи сеть отношений, необходимых для успешного выполнения предстоящих ему задач; сеть эта еще более расширилась со вре-

мени пребывания в Париже А. М. Драгомирова, направлявшего к Савицкому всех лиц, как официальных, так и частных, которые обращались к нему с вопросами, касающимися торговли или промышленности нашего юга [1]).

Ближайшим образом деятельность уполномоченного Управления торговли и промышленности и состоящего при нем бюро, к работе в котором было привлечено, с ведома Управления, несколько постоянных сотрудников (в настоящее время число их сокращено до двух), выражалась в следующем:

1) распространение сведений о состоянии и запросах южнорусского рынка, о правилах, регулирующих ввоз и вывоз, о запасах экспортных товаров, ценах на них, условиях перевозки и пр.;

2) подбор, обработка и периодическое сообщение Управлению данных о состоянии заграничных рынков, в частности французского;

3) рассмотрение и представление по принадлежности разного рода предложений, касающихся товарообмена с югом России, упорядочения южно-русской промышленности и т. п.;

4) содействие иностранным промышленникам и коммерсантам, имеющим интересы в Донецком бассейне и других районах южной России и озабоченным получением сведений о состоянии своих предприятий или возвращением в Россию с целью восстановления деятельности последних;

5) выдача иностранным экспортерам — по особому полномочи Управления торговли, промышленности и снабжения — удостоверений, гарантирующих отправляемый ими в Россию товар от реквизиций;

6) сосредоточение сведений о движении пароходов и облегчение торговым домам и отдельным коммерсантам, направляющим на юг свои товары, отправки этих товаров;

7) пересылка на юг, — через Управление торговли, промышленности и снабжения, — деловой корреспонденции французских, английских, бельгийских, итальянских и др. учреждений, фирм и лиц;

8) снабжение — в подлежащих случаях — торговцев и промышленников, отправляющихся в Россию, указаниями практического характера и рекомендательными письмами к представителям южнорусской власти на местах, а также к органам Управления торговли и промышленности в Константинополе как важнейшем транзитном пункте;

---

[1]) До приезда ген. Драгомирова торговый агент в Париже признавался лишь французскими учреждениями; русское же посольство его игнорировало. (Примечание в подлиннике.)

9) всестороннее содействие приезжающим за границу отечественным коммерсантам (по продаже привозимых ими товаров, закупке ими здесь разного рода фабрикатов, предметов оборудования фабрик и заводов, исходатайствованию необходимых разрешений, получению тоннажа и пр.);

10) выполнение отдельных поручений Управления торговли и промышленности.

Наиболее ценным достижением по своей деятельности в Париже В. И. Савицкий считает те отношения доверия и доброжелательства, которые создались за это время у парижского торгового агентства с соответствующими правительственными и частными коммерческими и финансовыми кругами как во Франции, так и в других странах, с коими агентству приходилось иметь общение.

Можно смело сказать, что, при всей скромности его задач и его позиций, наше агентство является сейчас одним из очень немногих русских учреждений за границей, пользующихся у иностранцев не только широкой популярностью, но и должным престижем.

Справка № 2.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Французские военные стоки.

Французским правительством куплено и ликвидируется американское военное имущество, оставшееся на территории Франции после окончания войны. Часть его распродана в частные руки, но многое еще остается. Стоки эти находятся в ведении министерства финансов. По справке, наведенной торговым агентством, ликвидация производится обычно путем торгов, но в отдельных случаях возможно приобретение имущества и вне торгов, по соглашению с министерством. В отношении к нашему правительству такой способ был бы допущен безусловно. К продаже имеется: платье и белье офицерское и солдатское, обувь, брезент и пр.

Справка № 3.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Американские военные стоки.

В декабре 1919 г. В. И. Савицкий лично докладывал генералам А. И. Деникину и А. С. Лукомскому о предложении, которое было

сделано ему, перед его отъездом из Парижа в Ростов, американским сенатором Hollis'ом, ведающим американскими стоками. Вкратце оно состояло в следующем: в Америке имеются громадные запасы имущества, заготовленного в свое время для фронта (платье, белье, трикотаж, обувь, медикаменты и пр.), запасы, которые подлежат ликвидации. Цены значительно ниже тех, по которым продаются те же американские стоки, перевезенные в Европу и ликвидируемые французами. Вообще о ценах предстояло условиться в дальнейшем. Правительство Соединенных Штатов, по заявлению Hollis'a, склонно проявить в этом отношении максимальную уступчивость. Оно же, до известной степени, посодействовало бы и в вопросе тоннажа. На часть названных стоков Hollis'ом заключен договор с Польшей, но очень многое еще свободно. Он считал бы желательным немедленно выяснить, нужно ли и что именно из этого имущества Южно-русскому Правительству в обмен на сырье, которое контрагенты правительства Соединенных Штатов реализовали бы затем для него на рынках Западной Европы. По просьбе В. И. Савицкого, сенатор Hollis продиктовал, в его присутствии, свое предложение, которое было стенографически записано и передано затем А. С. Лукомскому (и — в копии — Управлению торговли). Дальше этого дело не пошло.

Придавая предложению Hollis'a большое значение (при благоприятных условиях, этим путем можно было бы, действительно, широко удовлетворить юг, избегнув того, что неизбежно при соглашениях с частными предприятиями, зачастую настроенными хищнически), В. И. Савицкий, по возвращении в Париж, не переставал иметь его в виду. Несколько времени тому назад, когда, после событий на Дону и Кубани, обозначились [sic!] ген. Врангель и Крым, была сделана попытка выяснить, возможно ли, если наши дела пойдут хорошо, возобновить переговоры с Hollis'ом для Крыма. Hollis'a в Париже сейчас нет. Удалось узнать, что положение почти не изменилось, что все, в сущности, зависит от наличия у нас сырья и возможности организовать доставку его к портам. Переговоры могли бы вестись в Париже через лиц, указанных сенатором Hollis'ом.

Справка № 4.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Железные дороги и материалы для них.

Осенью минувшего года от имени группы французских банков было сделано предложение — доставлять О-ву Северо-Донецкой же-

лезной дороги материалы, необходимые для обеспечения правильного движения по этой дороге, а также для надобностей ее служащих и рабочих — платье, обувь и пр., взамен чего названное О-во отпускало бы периодически в портах Азовского моря известные количества угля для вывоза во Францию. Это предложение было тогда же передано мною Управлению торговли. Одновременно с этим в Ростов был командирован представитель банков, имевший выяснить путем переговоров с правлением дороги детали намеченного соглашения.

Упомянутая группа банков, насколько я знаю, в случае успеха опыта с данной дорогой, имела намерение сделать аналогичные предложения другим предприятиям на юге России. Поставленное на таких началах снабжение южного промышленного района могло бы, по ее мнению, содействовать упорядочению различных отраслей промышленности и удовлетворить наиболее острые нужды населения.

Проект соглашения между банками и Северо-Донецкой дорогой встретил, в принципе, сочувственное отношение со стороны Управления путей сообщения (см. приложенную к сему копию письма начальника Управления на мое имя от 14 декабря 1919 г. за № 3494) [1]), но дальнейшие переговоры не могли иметь места по причине занятия Донецкого бассейна большевиками.

Если верить доходившим сюда слухам, с занятием нашими войсками Геническа и Мелитополя, к нам перейдут запасы хлеба, значительно превышающие наши потребности и, вероятно, могущие в части явиться предметом вывоза. С другой стороны, занятие Донецкого бассейна рано или поздно даст нам уголь. Быть может, окажется в нашем распоряжении и еще какое-либо сырье.

Достаточно будет указать инициаторам изложенного проекта на открывающиеся в этой области возможности, чтобы они возобновили свои предложения (как железным дорогам, так и другим промышленным предприятиям).

Паровозы и вагоны для юга России разновременно предлагались через наше агентство заводами французскими и английскими (известным паровозостроительным заводом «Болдвин»); подробная записка, составленная об этом представителем названного завода г. Греббл, с указанием приемлемых для завода условий платежа, была в декабре 1919 г. лично вручена В. И. Савицким генералу А. С. Лукомскому и начальнику Управления путей сообщения. За последнее время паровозы и вагоны предлагаются Société Commerciale de Compensation (Echanges Internationaux).

---

[1]) В деле не сохранилось.

Справка № 5.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Суда русского торгового флота.

В связи с неисключенной пока возможностью признания большевиков, наши судовладельцы озабочены судьбой своих пароходов. Их опасения, повидимому, не лишены оснований; понятна и та поспешность, с которой некоторые из них разрешают этот вопрос. По сведениям, полученным на-днях нашим агентством из Италии, итальянскими экстремистами захвачены, для передачи Советской России, два парохода Звороно; подобные попытки были и в других местах. Как известно, «Северное Пароходное О-во» продало свои пароходы в иностранные руки. Несколько дней тому назад проданы также (англичанам) пароходы «Русского Общества Коммерческого Пароходства» и фирмы «Петр Регир и сын». С французскими ведутся сейчас переговоры о продаже им одиннадцати пароходов и двух барок, принадлежащих «Южно-Русскому О-ву» («Казак», «Флора», «Петр Регир», «Константин» и др., всего 9 000 тонн).

Французская группа, предполагающая приобрести суда названного Общества, желала бы сделать это, выполнив, по возможности, все формальности, требуемые русскими законами или теми временными правилами, которые установлены, в изъятие, нашим правительством.

Ее намерение — использовать пароходы для рейсов Марсель — Крымские порты.

Торговое агентство в Париже, куда обращаются заинтересованные лица, не получало на этот счет никаких указаний. Желательно было бы их иметь возможно скорее и в возможно более полном виде.

Справка № 6.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Сельскохозяйственные машины и орудия.

Прилагается октябрьское письмо «Международной Компании жатвенных машин» (сообщенное в октябре же 1919 г. Управлениям торговли и промышленности и продовольствия).

Предложения такого рода, несомненно, будут поступать вновь из Америки, Франции, Швеции и др. стран, как только наша армия займет северную часть Таврической губернии и, вообще, упрочит положение в смежных с Крымом хлебородных областях.

При крайнем недостатке у нас сельскохозяйственных машин и орудий, на них, очевидно, следует обратить особое внимание.

Торговому агентству в Париже необходимо быть в курсе предположений правительства на этот счет, дабы давать правильное направление вопросам, которые будут выдвигаться в данной области.

Справка № 7.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Хлебная торговля.

За последние недели участились запросы о состоянии хлебного рынка в районе армии генерала бар. Врангеля и об экспортных перспективах этого района. У торгового агентства никаких данных об этом, кроме непроверенных слухов, не имеется, что лишает нас возможности правильно освещать вопрос и давать интересующимся сведения о том, как относится сейчас к экспорту хлеба наше правительство. Распространяемые здесь слухи — самые противоречивые. По одним, в одних только местностях непосредственно к северу от Перекопа захвачено свыше 20 млн. пудов хлеба, из чего заключают, что вообще в Таврической и Екатеринославской губерниях запасы его колоссальны; по другим (привезенным в Константинополь управляющим имениями Фальц-Фейнов и оттуда кем-то доставленных сюда), все крестьянские избытки расхищены и вывезены в центральную Россию, а посевная площадь сократилась настолько, что недалек день, когда наш юг потребует хлеба извне.

Прилагаемое предложение известной хлебоэкспортной фирмы «Луи Дрейфус и К⁰» [1]) в настоящее время утратило свое значение (речь идет о возврате фирме жмыхов, некогда реквизированных на Кубани, и о реализации, за счет правительства, хлебных грузов), но оно свидетельствует о желании ее поддержать с нашим югом добрые отношения. Желание это налицо и сейчас. Вскоре выезжает в Крым директор «Луи Дрейфус и К⁰», г-н Жак Мерпер, имеющий намерение ознакомиться с хлебным рынком на местах и рассчитывающий на содействие правительства. Быть может, его пребывание в России будет использовано в целях правильной информации Запада через него, как человека, пользующегося широкой известностью и доверием в здешних кругах, о положении у нас хлебного вопроса.

Торговое агентство надеется получить, независимо, имеющиеся данные об этом и соответствующие указания.

[1]) В деле этого «предложения» не сохранилось.

Справка № 8.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Эксплоатация лесов и лесные материалы.

В прошлом году в Париже образовался консорциум импортеров леса «Société d'études du commerce et de l'industrie du bois». Вэту группу вошли первоначально около 40 крупнейших французских фирм. Консорциумом тогда же был заключен ряд контрактов (с Юго-Славией на 43 млн. фр., с Германией, — при содействии французского правительства, — приблизительно на ту же сумму и т. д.). Из наших бесед с г. Эктором Льевр, председателем консорциума, выяснилось, что последний готов приобрести южно-русский лес, преимущественно в обработанном виде, в любых количествах. Склонны покупать товар cif Марсель или другие порты Франции. Особенно интересовались бы дубом, орехом, елью и березовой, ольховой и ясеневой фанерой.

Другой крупный французский лесной синдикат, в Савойе, руководимый неким г. Huguet (который, по его поручению, ездил в конце 1919 года на Северный Кавказ, с целью изучения на месте лесного дела), интересуется, кроме закупки лесных материалов, также получением лесов на концессионных началах или покупкой частных лесных имений в Крыму и на юге вообще.

Помимо того, есть и другие запросы о лесных материалах, в которых на французском рынке ощущается большой недостаток.

Агентством обещано всем этим лицам озаботиться получением интересующих их сведений с мест.

Справка № 9.

К докладу В. И. Савицкого № 871/А.

Париж. 3 июня 1920 г.

Запросы о крымском сырье.

По сведениям агентства из случайных источников, из сырья, которое может быть вывезено на внешний рынок, в Крыму имеется лишь табак, вино и шерсть. Агентство не располагает данными о количестве и качестве названных товаров, о том, где они находятся, и могут ли иностранные фирмы, имеющие в виду направить к нам свои фабрикаты, рассчитывать на получение в обмен этого сырья (кроме вина, которое для Западной Европы интереса не представляет). Желательно получить возможно более подробные сведения о сырье, особенно, если меновое начало, принятое в свое время для Новороссийска — остается

в силе и для портов Крыма. Запросы, приложенные к справке № 1, показывают, насколько этот вопрос интересует здешние торговые круги.

В нашем очередном обзоре французского рынка (обзор будет послан в Крым на будущей неделе) мы дадим некоторые сведения о закупке управлением французской табачной монополии иностранных табаков (листового и изделий).

Запрос французского министерства торговли, промышленности, почт и телеграфов к В. И. Савицкому [1]).

Париж. 20 мая 1920 г.

М. Г.

Вы были так любезны прислать мне на-днях устав, касающийся вывоза из Крыма.

С другой стороны, мне сообщают из министерства иностранных дел телеграмму, копию которой при сем прилагаю.

Эти документы противоречат действительному положению дел.

Действительно, нам говорят, с одной стороны, что ген. Врангель хочет восстановить прочный и регулярный торговый режим; с другой стороны, наши коммерсанты, желающие работать в Крыму, наталкиваются на разнородные препятствия.

Благодаря этому «Франко-Русский Торговый Союз», имеющий в Феодосии в настоящее время значительный склад зерна, кож и других товаров, не мог до сих пор добиться разрешения на вывоз этих товаров. Эти товары находятся еще в руках г. Цвибака («Русское Общество Торговли и Экспорта»).

Вы знаете так же хорошо, как и я, о всех затруднениях, которые мы имели с правительством Деникина, оставившего, в конце концов, большевикам товары, привезенные нами для него. Мы надеялись, что новое правительство ген. Врангеля постарается, наоборот, восстановить торговые сношения с Францией, но то, что говорит «Франко-Русский Союз», заставляет нас предполагать, что все осталось без изменения.

Мы были бы вам очень благодарны, если бы вы телеграфировали ген. Врангелю о снятии запрещения на вывоз товаров, принадлежа-

[1]) Перевод с копии на французском языке. В копии воспроизведен штамп подлинника: «Французская Республика. Министерство торговли промышленности, почт и телеграфов. Французский торговый отдел для России и стран-лимитрофов». Запрос адресован: «Г. Савицкому, коммерческому агенту правительства при главнокомандующем вооруженными силами юга России. Улица Пелуз. Париж».

щих вышеуказанному Обществу в Феодосии. Само собой понятно, что мы возвратим вам расходы за телеграмму.

Примите уверение, милостивый государь, в нашем совершенном почтении.

Директор Г. де Курсон [1]).

Телеграмма [2]).

Константинополь. 28 апреля.

Général Mangin à Guerre.

Врангель хочет восстановить прочный регулярный торговый режим. Если ведущиеся переговоры должны сохранить независимость Крыма от Советов, надо послать в Севастополь представителя коммерческого отдела, могущего дать русскому торговому начальству технические советы и основать в Крыму Французское Торговое Отделение.

Письмо гр. де-Шевильи министру финансов правительства юга России М. В. Бернацкому от 7 июля 1920 г. [3]).

Париж. 7 июля 1920 г.

Ваше превосходительство.

После разговора, который я имел удовольствие вести с вами несколько недель тому назад, я позволил себе сообщить вам мой взгляд на экономические сношения, которые, как мне кажется, важно создать между Францией и Россией.

Основой этих отношений я считал настоятельную необходимость для правительства ген. Врангеля дать подчиненным его власти областям экономическое положение, значительно более выгодное, чем в областях, подчиненных Советскому правительству.

Я позволил себе заметить вам, что, несмотря на свой престиж, военные завоевания мне казались более опасными, чем полезными, если они не сопровождаются непосредственно экономическим восстановлением, гарантирующим благоденствие народонаселения.

Главный характер отношений, которые требовалось создать, состоял в их крайней безотлагательности. По моему мнению, значительно важнее реализовать немедленно торговый обмен, чем изучать совершенство функционирования этого обмена, решая при этом не связанные с этим вопросы, что потребовало бы значительного времени.

---

[1]) Далее на копии помета: «С копией верно. П. Н а л и ч е. 1 июля 1920 года».

[2]) Перевод с копии на французском языке.

[3]) Перевод сделан с копии письма на французском языке без подписи.

Я не могу без сожаления вспомнить тот период времени, когда успехи ген. Деникина так обнадежили всех друзей России, а между тем эти самые торговые сделки наталкивались на такие затруднения, ограничения и, надо сознаться, на такие некорректности известных чиновников, что оказался невозможным торговый обмен, могущий дать, я в этом уверен, вновь завоеванным территориям благоденствие, гарантирующее верность жителей.

Я просил как вас, так и ген. Врангеля, при посредничестве г. Кривошеина, облегчить всеми способами это возобновление экономических сношений. Неважно, что первоначальные условия не так выгодны, как они могли бы стать впоследствии для правительства юга России. Требовалось действовать быстро, очень быстро и избегать всяких помех, задержек, всяких затруднений.

В данном случае интерес политический так тесно связан с интересом экономическим и даже настолько является преобладающим, что требует немедленных решений.

Некоторые относящиеся к этому вопросы, как вопрос о покупке судов, принадлежащих русским обществам, были вам представлены мною одновременно с внушением мысли о возобновлении экономических сношений.

Прошли недели, и я не получил никакого ответа и не вижу, чтобы правительство ген. Врангеля приняло решения, которые позволили бы установить программу и перейти к ее выполнению.

С действительным чувством грусти (страха) я смотрю на потерянное время и на те громадные последствия, которые могут дать эти промедления.

Донесение В. И. Савицкого в Отдел торговли, промышленности и снабжения от 26 июля 1920 г. [1]).

26 июля (н. с т.) 1920 г.

Копии двух писем, полученных мною от графа Франсуа де Шевильи, торгового атташе по русским делам (письмо от 23 июля прилагается и в подлиннике). Позволяю себе обратить на эти письма ваше особое внимание и покорно прошу ознакомить с их содержанием г. начальника Управления торговли. Внимания они заслуживают как по содержанию, так и по личности их автора, имеющего здесь, — в сфере вопросов, нас интересующих, — исключительное влияние и искренне расположенного к России. Гр. Шевильи ездил в апреле,

[1]) Воспроизводится с копии письма Савицкого, датированного ошибочно «26 июня» и не имеющего обращения и подписи.

по поручению французского правительства, для предварительных переговоров с Красиным в Копенгаген. Советуясь частным образом со мной, взять ли на себя это поручение, он указал, что склонен согласиться, боясь, что, если поедут другие, менее подготовленные, то будет хуже. Его образ действий в Копенгагене, с нашей точки зрения, может быть только одобрен. Вообще гр. де Шевильи мы обязаны очень многим, несмотря на то, что его попытки нас поддержать часто встречают организованное противодействие. Он известный (и во Франции и в России) финансист. Во время войны был на французском фронте, а затем входил в состав французской военной миссии в Петербурге.

Прилагаемые письма получены только что, и, к сожалению, я не успею их перевести. Быть может, вы распорядитесь, чтобы это было сделано у вас.

Письмо графа де Шевильи В. И. Савицкому от 22 июля 1920 г. [1]).

Париж. 22 июля 1920 г.

Милый друг.

Не знаю, какую практическую пользу принесет это письмо, но есть минуты, когда надо до известной степени установить ответственность каждого лица или, по крайней мере, снять с себя ответственность.

Не буду повторять вам того, что вам уж более чем известно: у России, конечно, не найдется во Франции большого количества таких друзей, которые более преданы ей, чем я. Я люблю вашу страну не только вследствие личной симпатии или особых причин, привязывающих меня к ней, но еще и по убеждению, что восстановление России и союз ее с Францией являются абсолютно необходимыми условиями для достижения всеобщего мира и благосостояния обоих наших государств. Поэтому-то я тщательно следил за всеми усилиями, каковые предпринимались либо в России, либо в иных местах для свержения большевистского режима, и старался сам помочь в той слабой мере, в которой мне это было возможно, тем из означенных усилий, которые считал интересными.

Вам также известно, что стечение обстоятельств доставило мне возможность довольно близко познакомиться как с Россией, так и с русскими; а именно, я знаю многих среди тех, которые в настоящее время находятся во Франции и в Англии.

[1]) Перевод сделан с копии на французском языке. В копии воспроизведен текст штампа на подлиннике: «Граф де Шевильи. 32, ул. Лафит. 9». Адресовано было письмо «Г. Савицкому. Париж».

Мне известно, что поведение союзников вообще по отношению к России подвергалось большой критике со стороны русских и что, в частности, мы, французы, были объектом сильного недоброжелательства после эвакуации Одессы. Нет сомнения в том, что, действительно, мы совершили много ошибок, но что они значат по сравнению с ошибками, совершенными самими же русскими, иногда теми их них, которым, казалось бы, наиболее надлежало защищать свое отечество? Надо сказать, что ваша несчастная страна должна защищаться не только против каналий большевиков, — ей надо защищать себя еще и от самых высокопоставленных лиц, тех, которые кажутся наиболее серьезными, приспособленными, наиболее умными и, по внешности, наиболее преданными делу восстановления своего отечества.

Действительно, скоро исполнится три года с тех пор, что большевизм изгнал из России лучшие элементы и что мы видели, как в Париже сбираются десятками бывшие послы, бывшие министры, члены Думы и органов городского самоуправления, профессора, банкиры и пр. Без сомнения, у них у всех были самые лучшие намерения, а между тем, что же они сделали? Ровно ничего полезного. Все росло число комитетов, собраний и совещаний; на бумаге шло строительство (которое велось столь же не энергично, сколь разрабатывалось до мельчайших подробностей) новой прекрасной России, которая — увы! никогда не будет существовать. Много было споров, политические партии не преминули, по своему обычаю, наговорить друг про друга все дурное, что только возможно придумать, но из всего этого не получилось ни одного практического проекта, ни одного полезного усилия, не оказано ни малейшей помощи тем, кто боролся в России, — только болтовня, к которой слишком часто примешивалась забота о личных интересах. Разумеется, я совершенно исключаю некоторые редкие и выдающиеся личности, как, напр., графа Коковцова, но пессимизм и разочарование сделали бессильными даже и их. Можно было думать, что, по меньшей мере, лица, на которых были возложены официальные обязанности Временным Правительством или правительствами адмирала Колчака и генерала Деникина, выполнят, хотя, быть может, ограниченную, но полезную задачу.

Когда я увидел, что торговым агентом Правительства юга России назначен такой человек, как вы, я подумал, что у вас за словом сможет последовать дело и что вы достигнете некоторых результатов. Я знаю, что выбор другого лица не внушил [бы] мне такого же доверия, но увы! результат оказался все тем же, — я хочу сказать, что вообще никакого результата не было. Разумеется, мне не подобает наводить критику для критики; тот вид политики, при котором на груди

скрещиваются руки, в некоторых случаях может иметь свои причины, но, по-моему, для России такая политика гибельна.

Вам известно мое неизменное мнение: что сокрушить большевиков возможно единственно лишь путем военных действий. Громадная масса русского населения была настроена так же враждебно к большевикам, как к армии генерала Деникина, по той простой причине, что никто не соглашается охотно на насильственную мобилизацию, нищету и ограбление. По-моему, единственное средство для привлечения населения на сторону партии, стоящей за порядок, заключается в том, чтобы тотчас же после завоевания военной силой доставить ему значительные экономические преимущества по сравнению с территорией, занятой большевиками. Между тем, вам столь же известно, как и мне, что положение в тылу генерала Деникина имело большую аналогию с положением на территории, занятой большевиками.

В то время как существовала настоятельная необходимость всеми средствами облегчать восстановление экономических сношений с Западной Европой, правительство генерала Деникина беспрестанно воздвигало всякого рода препятствия в этом деле. Кроме того, затруднительность жизни и ослабление принципов в области морали повели к расцвету ужасающего разврата. Поэтому все попытки завязать торговлю с населением юга России не привели ни к какому практическому или благоприятному результату. Напротив того, они часто лишь способствовали усилению бешеной спекуляции. После полного ужасов отступления, завершившегося эвакуацией Новороссийска, и в тот момент, когда все казалось потерянным, назначение генерала Врангеля командующим остатками русской армии и защитником Крыма произвело на меня отрадное впечатление. От многих лиц и, в частности, от вас, я слышал, что генерал Врангель — человек вполне прямой, энергичный и что горизонт его в областях политической и экономической гораздо шире и более соответствует условиям времени, нежели горизонт его предшественника.

Я беседовал и с г. Кривошеиным, которого уже давно считал наиболее выдающимся из политических деятелей и, быть может, наиболее соответствующим лицом для занятия в будущем высокого поста. Я передал г. Кривошеину записку о том, что находил возможным осуществить в области торговли с Крымом, и г. Кривошеин в то время высказал мне полное свое одобрение. Прошли недели, даже месяцы, но никаких сношений не начинали. Я также говорил с г. Бернацким, за которым признаю высокую честность и большие знания, но который показался мне весьма мало осведомленным относительно практических условий восстановления торговых сношений между Европой и Россией. Я вижу, что время проходит, а им не пользуются

для осуществления представляющегося настоятельно необходимым и спешным дела улучшения экономического быта на территории, занятой генералом Врангелем. Я приветствую его военные успехи, и, в то же время, они приводят меня в отчаяние, ибо, чем более он будет расширять пределы занимаемой им зоны, тем более будет увеличивать число недовольных, нищих, причем принимает на себя управление населением, не предоставляя ему тех выгод, которые оно было вправе ожидать. Я не сомневаюсь в том, что, если бы сейчас же занялись делом снабжения продовольствием и устройства Крыма, вся эта страна осталась бы горячей и преданной сторонницей того правительства, которое обеспечило бы ей благосостояние. Я не сомневаюсь и в том, что, если будут продолжать систему не предпринимать никаких практических и действительных мер для улучшения судьбы населения областей, вновь завоеванных генералом Врангелем, население это в ближайшем будущем устанет бедствовать и снова восстанет.

Быть может, еще не поздно. Но, во всяком случае, нельзя терять ни минуты. Мне говорят, что г. Бернацкий, вместе с гг. фон Замен, Коноваловым, Третьяковым и др. лицами, занят учреждением Общества, которое получит принадлежащие ныне генералу Врангелю, а ранее принадлежавшие адмиралу Колчаку, суммы. Общество это будет выпускать боны, которые, мало-по-малу, заменят обесцененные бумажные знаки. Оно займется укреплением товарообмена и будет обязательным посредником во всякой торговле между югом России и другими частями мира. Прежде всего, в проекте этом имеется химеричная и наивная сторона, вследствие которой на бумаге он может быть хорош, но имеет мало шансов на успех; главным образом же, теряется время на обсуждение вопросов, относящихся к устройству Общества, — время это уже нельзя будет вернуть. Элементы, которые войдут в состав этого Общества, не все представляют безусловный интерес, и участие их поведет скорее к осложнению, нежели к облегчению операций; наконец, после большой потери времени и крупных денежных затрат, придут лишь к тому, что будет создано еще лишнее колесо в механизме, которое будет осложнять и парализовать относящееся к экономической области дело даже ранее начала его осуществления.

Что же делать при таких условиях? В последний раз я попробую указать вам на гибельную опасность, но не мне подобает давать вам средство против этой опасности. Однако же я нахожу, что, если генерал Врангель располагает какими-либо суммами в Европе, то он поступает вполне разумно при настоящем стечении обстоятельств, принимая меры для того, чтобы суммы эти ни в коем случае не попали в руки Советов. Для этого, казалось бы, наилучшим способом было бы немед-

ленное использование означенных сумм для производства полезных закупок, чтобы улучшить таким образом положение Крыма и извлечь оттуда продукты, которые впоследствии, после реализации, дали бы возможность производить новые закупки и новый товарообмен. Не потребуется для этого ни новых обществ, ни новых сложных организаций, — для такой задачи довольно будет вас одного. Кроме того, при ликвидации французских и американских товаров, разумеется, легко найти много товаров, отправка коих в Крым встретила бы всеобщее одобрение. Французское правительство, конечно, вступило бы также на этот путь, при том однако условии, что не будет посылать оружия или снарядов, да и то!..

Некоторые французские общества очень охотно оказали бы финансовую поддержку таким операциям; достаточно было бы для осуществления всего этого твердо выразить свое желание и назначить агентами для выполнения (проекта) весьма небольшое число людей, которые пользовались бы полным доверием правительства, были бы абсолютно честными и которых снабдили бы самыми широкими полномочиями и разрешениями проявлять самую большую инициативу. В то же время следовало бы признать, что такое возобновление экономических сношений является столь необходимым, что ради него можно согласиться и на временные жертвы интересов.

Словом, нужно было бы, чтобы генерал Врангель поставил во главе дела улучшения экономического положения Крыма, являющегося основой безопасности страны, людей, которые бы облегчали и ускоряли выполнение операций, а не воздвигали бы, напротив того, бесчисленных препятствий и не прибегали бы к бесконечным отсрочкам.

Если вам удастся чудом достигнуть какого-либо результата в этом деле, то поскорее предупредите меня и рассчитывайте на меня, чтобы оказывать вам всяческую помощь в пределах моей энергии и преданности вашему делу.

Верьте, милый друг, искренней преданности,

[подпись.]

Письмо графа де Шевильи В. И. Савицкому от 23 июля 1920 г. [1]).

Париж. 23 июля 1920 г.

Милый друг.

В связи с моим предыдущим письмом посылаю вам сегодня свое мнение, о «Русско-Французском Обществе для торговли, промышлен-

[1]) Воспроизводится с перевода, хранящегося в деле. Перевод сделан с копии, на которой был воспроизведен след. штамп: «Французская Республика. Министерство торговли, промышленности, почтовых и телеграфных сношений.

ности и транспорта» — таково название Общества, созданного под руководством гг. Замена, Шателена, Бернацкого, Коновалова и Третьякова.

Двое последних единственные, имена которых фигурируют на подписном листе. Главнейшими из подписчиков являются также гг. Бобринский, Дерюжинский, Каменка, Тикстон, Гукасов, Лурье, Прядкин и др.

Имени г. Воробьева на подписном листе нет.

Русское посольство весьма явно покровительствует этой организации. Цель, которую преследует это Общество, как кажется, двоякая: во-первых, в достаточной мере, общего характера и смутная цель: установление торговых сношений между Францией и Россией. Обществу этому будет поручено крымским правительством производить во Франции все необходимые закупки и одновременно производить все продажи продуктов, прибывающих из Крыма.

В сущности, эта программа точно такова же, как программа всех других уже учрежденных франко-русских обществ. Учредители не могли дать никаких указаний ни относительно преимуществ, которые представляло бы это Общество по сравнению с другими, ни относительно разрешения затруднений, возникавших до сих пор при попытках завязать торговые сношения с югом России.

Второй, более своеобразной, целью является выпуск означенным обществом бонов, которые им же гарантированы и сумма стоимости которых будет им выплачиваться. Боны эти будут установлены в купюрах малого и среднего достоинства, как мне кажется, от 10 до 100 франков. Эти боны предназначаются быть единственным денежным знаком для приобретения в Крыму предметов, продаваемых Обществом. Таким образом купленные здесь на франки товары, в конце концов, будут продаваться в Крыму на франки же; этим путем будут избегнуты возможные потери на курсе.

В том случае, если боны не будут использованы для покупок, то сумма, на которую они выданы, будет выплачиваться в течение шестимесячного срока, например, в кассе Общества в Париже; тогда они будут представлять собою настоящие чеки на Париж.

Для предоставления крымскому населению бонов, нужных для закупок, будет применяться следующий способ: с одной стороны, такими бонами будет производиться уплата за все сделанные в Крыму закупки; с другой стороны, такими бонами, в известной мере, будут пользоваться для уплаты жалованья рабочим, солдатам и чиновникам.

Коммерческий атташе для русских стран. 18, ул. Фавар. № 145». Письмо было адресовано: «Г. Савицкому. 3, ул. Пелуз. Париж».

Мне кажется, что для достижения второго способа распространения бонов нужно будет, чтобы правительство или Общество запасались таковыми заблаговременно либо путем продажи товаров, которые могут находиться у них на складе, либо посредством покупки на франки этих бонов, стоимость которых впоследствии выплачивается валютою.

Вторая цель — банковская, конечно, является любопытным опытом, который, на первый взгляд, представляется интересным: при осуществлении проекта, разумеется, возникнут такие затруднения, о которых лица, предпринимающие это дело, не имеют и представления. Я не располагаю ни временем, ни местом, чтобы вам их здесь указать. Кроме того, надо думать, что на такие боны будут вести ужасающую спекуляцию, причем они еще понизят курс местных денег, которые им все же не удастся полностью заменить.

Однако, со своей стороны, я скорее считаю желательным, чтобы был предпринят опыт в этом направлении.

Наоборот, я нахожу, что для правильно понятых интересов юга России было бы безусловно вредно, если бы Общество это стало действовать в качестве торгового общества во Франции.

Действительно, или Общество это сделается настоящим и весьма опасным соперником для существующих уже в настоящее время обществ, и это поведет к тому, что последние потеряют интерес к ведению дел с югом России, или оно превратится в простого посредника или лишнее колесо в механизме, что только осложнит и замедлит экономические операции Франции в [sic!] названной территории.

Резюмируя свое мнение, я должен сказать, что учреждаемое Общество представляется мне довольно интересным постольку, поскольку оно является компенсационным банком, и, наоборот, бесполезным, даже вредным учреждением, поскольку оно является торговым обществом.

Разумеется, я более чем когда-либо продолжаю считать необходимым создание русского Общества, которое вело бы дело в России и имело бы назначением полезное распределение товаров, доставляемых Францией, и сосредоточение в портах товаров, предназначенных к отправке во Францию, причем Общество это должно разрешать все затруднения в области перевозок, вывоза и ввоза в отношении юга России.

Так вот, милый друг, каков в настоящее время мой взгляд на этот вопрос. Я не вижу препятствий к тому, чтобы мое мнение было доведено до сведения лиц, для которых оно может представлять интерес.

Более конфиденциально я могу вам сообщить, что имею данные считать, что некоторые лица, которым, повидимому, поручено руководить означенным Обществом, не представляются мне в достаточной

мере осведомленными об условиях, при коих им придется вести дело, а между тем для того, чтобы иметь хотя бы некоторые шансы на успех, Обществу этому необходим состав служащих из лиц, находящихся в курсе дела, деятельных, умных, в особенности же обладающих в полной степени инициативой и решительностью.

Верьте, милый друг, моей искренней по отношению к вам преданности

[подпись.]

«Русско-Французское Общество торговли, промышленности и транспорта» [1]).

Один из самых трудных вопросов, которые война оставила неразрешенными, это — снабжение России продовольствием и одновременно вывоз съестных продуктов и сырья, могущих быть на этой территории.

Нормальный торговый аппарат был если не сломан, то, по крайней мере, дезорганизован.

В настоящее время можно думать о восстановлении торговых сношений на основах, представляющих условия безопасности, в местностях, занятых русской армией ген. Врангеля, в Крыму и окрестных районах.

С одной стороны, дело идет о доставке населению товаров, которых оно лишено и которые необходимы для ежедневного существования, с другой стороны, об использовании находящихся на рынке товаров в освобожденных районах, особенно на юге. Привоз экономических товаров облегчит экспорт. Ввоз будет стимулирован, а одновременно низкий курс, как результат падения рубля, облегчит закупки в России. Благодаря снабжению предметами первой необходимости, можно будет получить от сельского населения продукты, которые они отказываются уступать за бумажные деньги. Общество, при поддержке правительства, сможет преодолеть затруднения, являющиеся результатом денежного хаоса.

Правительственным способом, т. е. непосредственным вмешательством русского государства в торговые дела задача выгодно разрешена быть не может. Требуется конкурс коммерсантов, банкиров, национальных промышленников, к которым присоединились бы иностранные капиталисты: солидарность интересов в реорганизации торговли очевидна.

Правительство ген. Врангеля, убежденное в том, что бюрократический механизм не даст удовлетворяющих результатов, обратилось к именитым представителям торговли, промышленности и русских банков с целью создать гибкий механизм, управляемый компетентными руками.

[1]) Перевод с французского. Заголовок подлинника.

Его призыв был услышан. Создалось предприятие под названием «Русско-Французское Общество торговли, промышленности и транспорта», которое должно иметь свое пребывание в Париже и капитал которого установлен.

Основатели и акционеры — личности первоклассные, крупные промышленники, с всемирно известными именами, люди, возглавляющие большие торговые дома, члены крупных русских банков, инженеры, заинтересованные в крупных предприятиях.

Новое Общество не будет конкурировать с существующими уже во Франции обществами, преследующими ту же цель торгового обмена с Россией. Сохраняя свою полную независимость в отношении этих обществ, оно будет поддерживать с последними хорошие отношения. Оно сможет координировать усилия в рамках общего плана, удовлетворяя как интересы частной торговли, так и интересы государства и населения.

Оно будет в тесном и непосредственном контакте с правительством ген. Врангеля, внутренняя политика которого, откровенно демократическая, стремится к постепенному возобновлению экономической жизни в России, на основах безопасности как личной, так и имущественной. Программа нового Общества, таким образом, более широка, чем программа общества, ищущего исключительно больших барышей и быстрого увеличения своего капитала. Она также считается и с перспективами будущего. Его основатели и первые акционеры выбрали для редактирования устава Общества людей из цвета торговли, промышленности, Русского банка (de la banque russe), людей опытных и с лучшей репутацией.

Основанное в Париже, это Общество предполагает способствовать возобновлению и расширению торговых сношений между Францией и Россией. Франция имела на юге России верную клиентуру; больше столетия существовали старинные сношения с Марселем. Их нетрудно будет возобновить и, считаясь с вожделениями, направленными на Россию, необходимо, в общих интересах, их возобновить как можно быстрее.

Вот почему основатели Общества искали сотрудничества уполномоченных представителей экономических интересов Франции и вошли в контакт с Французским Национальным Банком внешней торговли, активность которого проявляется аналогичным образом.

Устав Общества.

Согласно статутам его, цель Общества — производить во всех странах, главным образом в России, все торговые операции, как закупки, так и продажи всевозможных продуктов, все банковские опе-

рации, все промышленные операции, все операции по импорту, экспорту, представительству, транспорту, назначению товаров и варранту. Оно может на общих основаниях производить все операции, касающиеся движимости или недвижимости, финансовые, торговые и земледельческие, могущие относиться непосредственно или косвенно к вышеуказанным (§ 3).

Капитал Общества — 12 000 000 франков, внесенных единовременно. Капитал разделен на 24 000 акций по 500 фр. каждая, которые все расписаны.

Органы правления Общества: общее собрание, совет администрации и комитет правления.

Каждый член совета должен обладать, по крайней мере, 20 акциями.

Каждая акция дает право одного голоса в общем собрании.

Продолжительность существования Общества определена в 99 лет, считая со дня окончательного его утверждения.

Та же группа акционеров основывает в Лондоне «Русско-Английское Общество промышленности, торговли и транспорта» с ограниченной ответственностью (The Anglo-Russian Industrial, Trading and Transport Company Limited).

Это Общество имеет устав, идентичный с уставом «Русско-Французского Общества», в деталях оно сообразуется с английским законодательством.

Эти два Общества заключают между собой договор, регулирующий общие условия их деятельности. В Париже будет учрежден комитет для координирования и управления обоими Обществами. Он будет состоять из трех или четырех членов совета администрации каждого Общества.

Этот комитет назначит для обоих Обществ необходимые организации и представительство на юге России.

Для этой цели оба совета администрации снабдят членов необходимыми полномочиями.

Заметка.

Его превосходительству г. Кривошеину[1]).

Париж. 11 мая 1920 г.

Если допустить, что Крым мог бы добиться от Советской власти хотя бы временного мирного положения, то был бы значительный инте-

---

[1]) Перевод с копии на французском языке. Копия, сохранившаяся в деле, не подписана. Повидимому, «Заметка» написана гр. Франсуа де Шевильи (ср.

рес в том, чтобы этот район смог устроиться с точки зрения экономической и дать таким образом своему населению благосостояние, которое было бы бесспорно хорошим примером для стран лимитрофов.

Это экономическое улучшение может быть приведено в исполнение только при двух условиях:

первое условие, стоящее совершенно вне моей компетенции, неоспоримо, — учреждение внутренней администрации, разумной, честной и признанной большинством населения,

второе условие — восстановление правильных экономических сношений с иностранными рынками.

Бескорыстное соревнование европейских стран было бы, очевидно, желательно и даже выгодно для этих стран с возвышенной точки зрения, но я добровольно от него отказываюсь ввиду его незначительной важности и мало вероятного осуществления; наоборот, я нахожу, что экономические отношения, основанные на торговом обмене, — именно те, которые нужно преследовать и ясно определить.

Первая задача правительства Крыма должна бы заключаться в подробном изучении необходимейших для данной местности продуктов, классифицируя их по степени их потребности, с вычислением необходимых количеств. Параллельно должны быть изучены продукты, годные для экспорта из Крыма, тоже с вычислением находящихся в распоряжении количеств. Следовало бы в этом двойном вычислении считаться не только с общей будущей выгодой (l'intérêt), но главным образом с выгодой немедленной.

Несколько месяцев тому назад правительство ген. Деникина, основываясь именно на общей отдаленной выгоде, сократило возможности ввоза и вывоза настолько, что никакого серьезного результата не могло быть достигнуто.

Кажется, что, в интересах самого Крыма, следует прежде всего стараться создать реально интенсивный торговый обмен, считаясь с непосредственными нуждами. Ничто не помешает, если это будет нужно, впоследствии изменить или сократить первоначально предусматриваемые торговые сделки.

Поскольку эта общая программа установлена, необходимо сделать возможным ее выполнение. Для этого надо избегать всех помех и затруднений, вытекающих из формальностей и пошлин, связанных с экспортом и импортом. Правила по этому предмету должны быть возможно упрощены и ясны; прежде всего требуется добиться того, чтобы чиновники, ответственные в деле приема и отправки товаров,

---

упоминание о записке, переданной Кривошеину, встречающееся в письме Шевильи на имя Савицкого от 22 июля 1920 г.).

были бы абсолютно честны и состояли бы под строжайшим наблюдением.

Чтобы избежать закупок спекулянтами, перепродающими между собой товар, прежде, чем он достигнет потребителя, было бы, по моему мнению, целесообразно поручить специальной организации как закупку товаров за границей, так и отправку их по назначению.

Крым в своих ограниченных размерах довольно легко поддался бы осуществлению этой системы; пожалуй, можно было бы даже поручить подобной же организации изыскание экспортных товаров и переговоры об их продаже на иностранных рынках. При желании избегнуть видимости монополии, можно было бы известные привилегии или выгоды дать только этой организации купли и продажи, предоставив право заниматься торговлей каждому лицу. Эта организация купли и продажи не должна бы гоняться за барышами. Мне кажется, что тип кооператива или кооперативного союза был бы самым выгодным и самым простым. Я думаю даже, что мне лично было бы легко войти в соглашение с кооперативными организациями, существующими в настоящее время в Англии и Франции и некогда созданными русскими кооперативами в целях организации европейской торговой части предприятия.

С той же целью — возможно больше облегчить торговые сделки между Европой и Крымом, — следовало бы вопрос о сухопутном транспорте рассмотреть и организовать в самом Крыму, и, если потребуется, при помощи той же торговой организации, о которой я говорил выше.

Все собственно торговые сделки, которые ввиду жалкого состояния курса ограничивались бы, в общем, некоторыми видами обмена, должны бы совершаться исключительно в портах.

Главное препятствие в торговле с районом Кубани и Дона, а также и с Кавказом происходило в действительности от необходимости для иностранных коммерсантов искать в трудно доступных местностях товары, равноценные тем, которые они привезли. Доставка купленных ими товаров до портов погрузки была почти невозможна, а транспорт, ввиду взяточничества чиновников, обходился чрезвычайно дорого.

Резюмирую: для осуществления предприятия необходимо, с одной стороны, чтобы иностранный коммерсант мог привозить свои товары в какой-нибудь порт и найти в этом порту товары или сырье, которые он мог бы купить без всяких затруднений и каких бы то ни было придирок; с другой стороны, необходимо, чтобы мощная и честная организация, покровительствуемая и контролируемая правительством, могла бы покупать в банке прибывшие из-за границы товары и распределять эти товары между потребителями; требуется также, чтобы эта

самая организация могла бы находить у производителей товары для экспорта, могла бы перевозить и группировать их в портах, а также и передать их в этих же портах иностранным покупателям.

В общей сложности эта торговая сделка должна касаться продуктов, заранее разумно изученных как в смысле импорта, так и экспорта, список которых должен быть доведен до сведения не только крымской публики, но и стран, имеющих возможность вести торговлю с этим районом.

Я не сомневаюсь, что на такой основе обнаружится значительное соревнование для того, чтобы начать поставки товаров в Крым, и лично я займусь тем, чтобы помочь выполнению этой программы.

Мобилизация реакции в 1906 г.

Печатаемый ниже циркуляр П. А. Столыпина ярко характеризует ту страницу русской истории XX века, которая носит название «эпохи реакции».

Уже в конце 1905 г. правительство Николая II несколько оправилось от растерянности перед революцией и решило дать отпор наиболее крупным выступлениям. Арест Петербургского Совета Рабочих Депутатов и подавление Московского восстания дали правительству возможность почувствовать свою силу в наиболее опасных по своему общеимперскому значению революционных очагах. Однако для окончательного торжества власти необходима была еще упорная и длительная борьба.

Граф С. Ю. Витте, имя которого было так неприятно Николаю II по октябрьским воспоминаниям, перед самым открытием первой Думы был убран с поста председателя Совета Министров и заменен Горемыкиным — бездарным, но безлично-исполнительным персонажем реакционной эпопеи. Его пребывание на месте премьера нужно было только для того, чтобы провести спокойно и без возражений разгон первой Думы. Как только последний состоялся, роль Горемыкина была сыграна, и он должен был уступить свое место молодому еще в чиновничьей иерархии товарищу по кабинету, министру внутренних дел П. А. Столыпину, успевшему, правда, отличиться в 1905 году на посту саратовского губернатора [1]). На этот раз выбор Николая II оказался удачным, и в лице П. А. Столыпина расшатанная революцией администрация получила руководителя с твердой волей и, — что было особенно важно, — с определенным планом действий.

Время было трудное. Резкие выступления Думы и постоянное противодействие ей со стороны министерства Горемыкина отнюдь не способствовали успокоению, и брожение не утихало. В июне 1906 г. в руки правительства попали сведения о возможности железнодорожной забастовки, сведения настолько убедительные, что П. А. Столыпин, тогда еще только министр внутренних дел, разослал 10 июня циркулярную телеграмму: «В случае возникновения железнодорожной забастовки надлежит сразу действовать

---

[1]) П. А. Столыпину 11 марта 1905 года была объявлена высочайшая благодарность «за умелые, твердые и энергичные действия по прекращению беспорядков в Балашовском уезде Саратовской губ. и в г. Саратове». Кроме того, 14 января 1906 г. П. А. Столыпин получил телеграмму Николая II с изъявлением «сердечной благодарности за верную службу» и «примерную расторопительность, выразившуюся в посылке по личной инициативе отряда войск для подавления беспорядков в пределах Новоузенского уезда Самарской губернии».

смело, решительно, по определенному плану. Ныне же сговоритесь с начальниками железнодорожных управлений и начальниками и управляющими дорог о необходимых мероприятиях, в особенности первоначальных, чтобы не быть застигнутыми врасплох при первом же возникновении волнений» [1]).

Несмотря на карательные экспедиции, деятельность революционных организаций не утихала: восстание в Свеаборге и Кронштадте, волнения на крейсере «Память Азова», покушения на Дубасова и Трепова, убийство Мина, взрыв столыпинской дачи на Аптекарском острове и ряд других мелких и крупных террористических актов яркими точками расцвечивают общую картину. И в значительной степени прав Витте, когда говорит в своих воспоминаниях, «что раньше не было таких резких анархических выступлений и смут, какие явились после того, как вступило министерство Горемыкина и начало проявлять явно реакционные меры» [2]).

Наряду с продолжавшимся революционным брожением обнаруживал неустойчивость и весь административный аппарат. Достаточно известный рассказ того же Витте о переговорах по поводу сформирования кадетского кабинета показывает, до каких пределов доходила крайняя растерянность власти.

Так было как в центре, так и на местах. Вот что рассказывает, например, рапорт Костромского губернского жандармского управления от 1 июля 1906 г. № 1823. Докладывая о безрезультатности предварительного следствия и негласного расследования по делу об ограблении Вичугского почтового отделения и похищения винтовок у стражников, названное жандармское управление отчасти объясняет положение «еще продолжающимся возбужденным настроением, которое наблюдается среди фабричных рабочих. Относительно ружей получены агентурные сведения, что они никуда не вывезены, причем ружья, отобранные в Вичуге, хранятся зарытыми в лесу, неподалеку от Вичуги, отобранные же в Середе выданы на руки членам сорганизованной боевой дружины... и что рабочие согласны их возвратить, но при условии уплаты за каждое ружье по 30 рублей. Дело розыска... особенно затрудняется тем, что рабочими за пунктовыми унтер-офицерами установлено тщательное наблюдение, и не дают им возможности выйти из дому, чтобы сейчас же не появился дозор из нескольких человек рабочих. ...В Середе отношение рабочих к полиции положительно угрожающее, а потому бывшие там стражники и фабричные городовые ушли со службы, вновь же назначенные не могут оказать никакого содействия по розыску, так как помимо того, что не знают населения (фабричных рабочих 10 000 человек), они не могут показаться на улице без войсковой охраны, так как подвергаются нападениям со стороны рабочих, а потому, чтобы не подвергать жизнь пунктовых унтер-офицеров явной опасности, для розысков в Вичугу и Середу приходится командировать переодетых унтер-офицеров из Кинешмы и Костромы и тем самым ослаблять надзор в городах, что крайне неже-

[1]) Телеграмма была адресована губернаторам и градоначальникам. Цитируется по копии, разосланной главным управлением отдельного корпуса жандармов местным жандармским управлениям при печатном циркулярном предписании от 27 апреля 1907 г. № 308. (Архив Революции и Внешней Политики.)

[2]) Граф С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II. Гиз, 1923 г., стр. 291.

лательно, так как благодаря городским фабрикам и в городах настроение крайне тревожное» [1]).

Положение вещей возбуждало крайнюю тревогу и в представителях военного ведомства. Небезызвестный генерал Газенкампф, имя которого прочно связано с военно-полевыми судами 1906 г., писал 19 сентября коменданту Петербургской (Петропавловской) крепости: «военно-полевой суд в городе Петербурге будет заседать в Трубецком бастионе вверенной вам крепости, как единственном месте, вполне обеспечивающем безопасность заседания... Прошу уведомить, какие еще меры желательно принять для безопасности заседания суда и помещения подсудимых» [2]).

Предприимчивость революционеров заставляла опасаться не только вооруженного нападения. Сохранилось интересное письмо от 18 октября, в котором директор департамента полиции извещал коменданта крепости, «что в целях предупреждения возможных попыток со стороны революционных организаций освободить кого-либо из заключенных в Петропавловской крепости посредством предъявления подложных отношений департамента полиции... сделано распоряжение, чтобы бумаги департамента, заключающие в себе требования такого рода, имели бы особый условный знак — подчеркнутое пером название месяца, коим бумага датирована» [3]).

Если так шли дела даже в сентябре — октябре 1906 года, то во время роспуска первой Думы положение принимало угрожающий для правительства характер. Выше уже были отмечены полученные к 10 июня сведения о возможной железнодорожной забастовке, не оставалось никакого сомнения в том, что роспуск Думы повлечет за собою повсеместные волнения. Насколько уверенность эта была велика, говорит циркулярная телеграмма Столыпина от 7 июля № 1910, адресованная генерал-губернаторам, губернаторам, градоначальникам и заведывающему полицией на Кавказе: «В виду ожидаемого с ближайших же дней возникновения общих беспорядков, прошу немедленно распорядиться обысками, арестами руководителей революционных и железнодорожных, а также боевых организаций и агитаторов среди войск, хранителей оружия и бомб... Кроме того, необходимо сейчас же принять все меры к охранению правительственных и железнодорожных сооружений, телеграфов, банков, тюрем, складов и магазинов оружия и взрывчатых веществ, в особенности узловых станций, предупредив телеграфные сношения агитаторов между собою и поставив в полную готовность охранные поезда. Если заметите, что телеграф в руках мятежников, то предпочтительно закрыть его вовсе. На случай перерыва телеграфа и телефона обеспечьте заранее способы сношений между органами

---

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Дело штаба отд. корпуса жандармов, II отд., 1906 г., № 52, л. л. 2—3.

[2]) Ленинградский Центр. Истор. Архив. Из отдельных бумаг фонда Петербургской (Петропавловской) крепости.

[3]) Секретное дело управления коменданта Петерб. (Петропавловской) крепости, 1900 г., № 11—«бумагам, принятым к руководству по Трубецкому бастиону», входящ. 19 октября 1906 г., № 673. Разрядкой здесь переданы подчеркнутые места подлинника.

власти, хотя бы при помощи частных лиц... Примите действительно твердые меры к сбузданию печати, с закрытием, если нужно, типографий, и к защите помещичьих владений». [1])

В такой тревожной обстановке принял от Горемыкина власть новый премьер. Трудность его положения, как выше уже было отмечено, заключалась не только в предстоящей борьбе с революционным движением, как бы ни был серьезен размах его: для самой успешности этой борьбы необходимо было вооружить и привести в порядок расстроенную армию правительственных агентов. Правда, войско в массе своей еще оставалось достаточно надежной силой. Но и тут нужно было еще добиться умелого и энергичного распоряжения им. С нерешительным руководительством не во-время и не к месту доставленной военной силой боролся еще Трепов в бытность свою товарищем министра внутренних дел. «Чинам полиции должно быть внушено, — гласит циркуляр департамента полиции от 28 июня 1905 г. № 8040, — что применение силы и оружия, при обдуманной оценке этой меры, отнюдь не может быть им вменено в служебную вину, которая, наоборот, будет усмотрена в уступчивом отношении к нарушителям порядка. Равным образом, при вызове по мере надобности военной силы таковая должна быть приведена в действие со всей последовательностью этой поистине серьезной меры, не оставляя места впечатлению колебания и нерешительности власти, военную силу призвавшей». Желанной цели Трепов не достиг: по крайней мере, спустя год, циркуляр Столыпина по департаменту полиции от 6 июля 1906 года № 4830 вынужден констатировать, что «за последнее время были случаи, когда чины полицейских команд и стражи, призванные для подавления волнений, допускали стрельбу боевыми патронами вверх, после чего мятежная толпа проявляла еще большую дерзость и ожесточение». Ссылаясь на мнение Государственного Совета о «неисчислимом вреде», какой может принести стрельба вверх лицам, «не только не участвующим в беспорядках, но и находящимся в далеком от места их совершения расстоянии», циркуляр настаивал, «чтобы чины полицейских команд и стражи, при употреблении оружия во время беспорядков, выстрелов боевыми патронами вверх не делали». Нерешительность в применении оружия еще раз вызывает категорическое осуждение в циркуляре департамента полиции от 8 августа № 5761.

С гражданскими чиновниками дело обстояло еще хуже. Революционное движение 1905 года вызвало к жизни множество разных союзов и захватило толщу правительственных чиновников, принявших участие в октябрьской забастовке. С возможностью повторения подобных явлений необходимо было бороться самым решительным образом, так как иначе весь правительственный аппарат становился ненадежным. В сентябре 1906 г. Столыпин проводит через Совет Министров циркуляр, разосланный 14 числа министрам и главноуправляющим и отмечающий, что «в возникшей ...политической борьбе партий и в открытой критике правительства, подчас даже прямо в противогосударственной агитации, заметное участие приняли у нас не только частные лица, но и служащие в государственных учреждениях», и что «обнаружившееся у нас противодействие правитель-

[1]) Цитируется по копии, разосланной главным управлением отдельного корпуса жандармов местным жандармским управлениям при печатном циркулярном предписании от 27 апреля 1907 г. № 308.

ству со стороны самих его агентов представляет собою такое вопиющее зло, которое в большей или меньшей степени присуще самым разнообразным отраслям государственной службы». Циркуляр заканчивается запрещением всякого участия в политических партиях, обществах и союзах, категорическим для военно-служащих и условным для других должностных лиц: последним закрыты «не только явно революционные, но и такие, которые, хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков (как, например, Выборгское воззвание) и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население».

Все указанное было, по существу, мерами оборонительного характера. Собрать силы было однако мало для того, чтобы перейти в наступление: обстановка, созданная манифестом 17 октября, требовала известной программы. Ниже напечатанный циркуляр и должен был дать таковую.

Циркуляр воспроизводится по печатному тексту, представляющему собой брошюру, размером в 13 страниц, формата листа писчей бумаги. Текст не имеет даты; последняя устанавливается на основании препроводительного письма директора департамента полиции от 3 октября 1906 г. за № 690. (Архив Революции и Внешней Политики. Дело штаба отдельного корпуса жандармов, II отд., 1906 г., № 54, л. 6.)

Текст публикуемых документов подготовил к печати Н. И. Сидоров.

Циркуляр председателя Совета Министров П. А. Столыпина от 15 сентября 1906 г. генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам.

В полне довернтельно.

В течение почти двух недель после роспуска Государственной Думы революционные организации напрягали свои усилия создать всеобщую политическую и экономическую забастовку в империи, но неподготовленность их к этому сложному предприятию лишила успеха их замыслы. Несколько преступных вспышек весьма серьезного характера, как, например, военные бунты в Свеаборге и Кронштадте, не обратились в одновременные крупные беспорядки в других пунктах империи, а потому признаются главарями противоправительственного движения актами, повредившими даже успеху их общих начинаний. Поэтому, объявив в некоторых местах отмену начавшихся стачек, они нашли нужным заняться ныне подготовкою революционных сил к решительному выступлению против существующего строя.

Имеющиеся по этому предмету в департаменте полиции точные сведения указывают, что, в общих чертах, означенный план революционеров сводится к тому, чтобы всю энергию пропаганды и агитации направить на крестьянство, поднять его по окончании уборки хлебов на повсеместные беспорядки, а затем, при одновремен-

ном устройстве всеобщей забастовки, двинуть в действие городской пролетариат и создать таким образом народное вооруженное восстание. В этом сложном предприятии однако смешиваются не одни республиканские элементы разных фракций, но также и различные оппозиционные партии, стремящиеся к осуществлению своих политических программ, умышленно или бессознательно вводя свои силы в борьбу, конечные цели коей понимаются ими и революционерами различно.

Угрожающий фазис народных волнений вызывает необходимость немедленной подготовки правительственной власти к отпору описанным замыслам, причем в этом отношении я считаю целесообразным осведомить местные органы с некоторыми общими соображениями, основанными на поступающих в департамент полиции агентурных указаниях и данных, почерпнутых из опыта всеобщей забастовки в октябре минувшего года.

1. Согласно описанному выше плану революционной борьбы, все социалистические фракции направили ныне усилия агитации в крестьянскую среду. Общеизвестною почвою для успеха пропаганды в этой сфере является стремление сельского населения к увеличению земельного надела. В массе своей крестьянство однако отнюдь не склонно к политической борьбе, и, благодаря общей его консервативности, сельский люд выступает на активные действия почти исключительно под влиянием преступной агитации, которая усиленно старается использовать аграрное движение в деревне в пользу своих революционных планов. Поэтому местной власти необходимо прежде всего принять меры к возможно быстрому устранению тех экономических причин, на которые опирается агитация. При этом, если в данной местности пошли в ход сделки по продаже крестьянам помещичьей земли при посредстве Крестьянского банка или путем непосредственных купчих, то местному начальству необходимо напречь все силы к возможно скорейшему окончанию этих сделок, с обращением к содействию центральных учреждений для оказания решительного содействия в этом вопросе. После начатия землеустроительными комиссиями своих работ нужно наблюдать возможно быстрое выполнение ими задач и давать самую широкую огласку по всей губернии или области совершившимся наделениям землею. Быстрота означенных земельных операций составляет одно из самых положительных и действительных средств успокоения сельского населения, и такое значение указанной меры возлагает на исполнителей ее обязанности чрезвычайной государственной важности.

Далее, при всех волнениях в том же классе народа имеет огромное значение личное воздействие высших в губернии должностных лиц

на крестьянство путем бесед, в которых необходимо проявлять, как и во всех распоряжениях, умиротворяющие начала и непреклонную твердость правительственной власти. Если бы до губернского начальства доходили сведения о том, что поводы к брожению создаются чрезмерною требовательностью некоторых помещиков и их управляющих или же несклонностью их удовлетворять легко осуществимые желания крестьян, то в этом отношении может иметь огромное предупредительное значение непосредственное влияние начальствующих лиц на означенных лиц при непременном, впрочем, условии, чтобы такого рода воздействие не создавало повода к повышению требований крестьян и возникновению у них неправильного представления о намерении правительства нарушить законные интересы помещиков.

Вполне признавая, что успокоительная деятельность в крестьянской среде не может быть всецело возложена на администрацию, я считаю весьма желательным, чтобы губернское начальство ныне же обратилось к местным закономерным общественным деятелям с предложением энергически влиять на крестьян разъяснением им пагубных последствий учиняемых ими насилий и гибели помещичьих владений, пользу которых для себя и для страны они не заменят своим хозяйством, для которого им понадобится немедленно капитал, получение коего отдаст их в руки эксплоататоров. Следует также обратить внимание и на проявляемое ныне полное равнодушие духовенства к мятежному движению в их крестьянской пастве и настаивать на руководящих указаниях со стороны епархиального начальства.

Помимо означенных мер успокоительного характера, необходимо вести упорную и решительную борьбу с агитацией. В этом отношении надлежит установить самую широкую осведомленность чинов полиции и корпуса жандармов об агитаторах, обратившись за содействием к помещикам, которые, несомненно, должны теперь перейти к более активной роли, когда самым существенным интересам их угрожает крайняя опасность. Одни ходатайства о присылке войск не могут быть признаны за борьбу против таковой, почему желательно, чтобы землевладельцы всеми средствами влияли в хорошую сторону на соседей и постоянно о с в е д о м л я л и п о л и ц и ю и жандармов о вредных агитаторах, указывая и т е х с в и д е т е л е й, которые могли бы быть допрошены при расследовании. При особенностях деревенского быта сельское население и доныне относится с крайнею осторожностью к каждому новому лицу, появляющемуся в его среде, а потому полиции надлежит удалять пришлых агитаторов из селений т о т ч а с ж е п о и х п о я в л е н и и в таковых, в чем ей окажут содействие и сами крестьяне. Если же, благодаря неосведомленности или нераспорядительности чинов полиции, подоб-

ный агитатор успеет проповедью о «земле и воле» войти в доверие крестьян, то последние станут принимать все меры к сокрытию его, поддадутся влиянию пропаганды и проявят затем насильственные действия в отношении помещиков, а равно и при задержании агитатора.

Еще большее внимание агентуры должно быть направлено в отношении вредных деятелей из самой крестьянской среды, так как, помимо разрушительного влияния на окружающих, лица эти обыкновенно терроризируют односельчан, и безнаказанность подобных преступных деятелей создает им престиж в глазах населения, которое усваивает при этом крайне опасную уверенность в бессилии власти. Возможно быстрое изъятие означенных руководителей движения является безусловно первою и главнейшею задачею полиции и жандармских чинов, причем время арестования следует прежде всего сообразовывать с достаточностью агентурных указаний для применения правил об усиленной охране, но и немедленно приступать затем к собиранию формальных доказательств, которые получаются уже неизмеримо легче после удаления вожаков беспорядков.

При первых же сведениях о возникновении брожения в данной местности необходимо заранее обсудить вопрос о том, возможно ли обойтись для предупреждения и подавления беспорядков одними силами полиции или же необходимо стянуть полицейскую стражу и даже войска, имея в виду, что заблаговременное появление достаточной силы может предотвратить несчастия.

В отношении призыва войск надлежит руководствоваться правилами 7 февраля 1906 года и циркуляром министерства внутренних дел от 17 марта 1906 года, причем для целесообразной дислокации военной силы необходимо живое общение с ее начальством, и в этом отношении полная осведомленность о настроении сельского населения (а не о возникших уже погромах и насилиях) должна служить руководящим началом для правильного распределения отрядов без излишнего их утомления напрасными передвижениями. Практика последнего времени указывает на стремление высшего военного начальства к сосредоточению войск в крупные единицы, каковые распоряжения с несомненностью ведут иногда к лишению охраны целых районов, угрожаемых беспорядками. Подобного рода явление объясняется, с одной стороны, необеспеченностью мелких воинских частей от воздействия преступной агитации, а с другой — недостаточно правильными требованиями гражданских властей. При нахождении войск в беспокойных районах необходимо принимать все меры к ограждению их от соприкосновения с агитаторами, и хотя, быть может, для этой цели недостаточно сил общей полиции, но администрация обязана

ставить в курс г.г. офицеров о фактах агитации среди нижних чинов и тем давать возможность военным начальникам своевременного предупреждения солдат о необходимости задерживать противоправительственных деятелей, стремящихся вселить смуту в войска. Кроме того, местная полиция должна размещать военные отряды таким образом, чтобы они находились в наиболее благонамеренной среде, для чего помещики с несомненностью окажут свои услуги. Затем, хотя упомянутые выше правила о призыве войск определяют в ст. 21 наименьшее количество военной силы, назначаемой для борьбы с массовыми беспорядками (рота, эскадрон, сотня, два орудия артиллерии), но согласно ст. 17 и 32 допускаются случаи дробления этих единиц, и, если в этом направлении гражданскою властью будет использовано законное ее право, то со стороны военного начальства не может быть отказа. Имеющиеся в военном министерстве сведения свидетельствуют о том, что некоторые гражданские начальники явно злоупотребляют своим правом пользования войсками, создавая из них (особенно из казаков) чрезмерные конвои при разъездах, ставя около своих квартир целые отряды с артиллерией и пользуясь нижними чинами для личных услуг. Такого рода распоряжения, вселяющие к тому же недовольство в войсках, не должны быть терпимы и будут рассматриваться как превышение власти. В то же время от начальников губерний зависит, не идя в разрез с упомянутыми желаниями военного начальства, распределять крупные части войск таким образом, чтобы они находились в центре беспокойных районов, для чего необходимо ныне же подробно оценить имеющиеся из отдельных местностей сведения о положении в них движения. Полная осведомленность в этом отношении и заблаговременное обсуждение всех связанных с аграрным движением вопросов лежит на ответственности губернского начальства, которое ныне вправе и должно требовать подробные сведения от начальников жандармских управлений, снабженных усиленными денежными средствами на агентуру и уполномоченных передать таковую полицейским чинами под своим контролем.

Если однако вследствие недостаточности предупредительных мероприятий возникнут открытые беспорядки, то для подавления таковых надлежит принимать самые решительные приемы. События последнего времени свидетельствуют с очевидностью, что всякое попустительство и нерешительность органов власти влекут за собою тяжкие последствия. Нередко низшие полицейские чины и стражники не отдают себе ясного отчета о лежащей на них обязанности по охранению порядка и, сжившись с окрестным населением, не обращают должного внимания на развивающееся кругом

них брожение, которое затем, вылившись в резкие формы, прежде всего застает врасплох тех же чинов полиции и создает гибельные для них же последствия. Далее, чины уездной полиции, получив известие о начавшихся беспорядках и видя перед собою настроенную враждебно толпу, проявляют часто совершенную слабость в действиях против нее, стараясь, быть может из чувства самосохранения, итти на компромиссы и уступки, которые, как доказывает опыт, обращаются против тех же представителей власти, развращающе действуя на массу. Распоряжаясь командами стражников, полицейские чины часто ставят эти силы в совершенно недопустимое пассивное выжидательное положение, давая повод к возникновению колебаний в войсках своими нерешительными действиями и совершенно забывая смысл обращения к вооруженной силе. Затем, вопреки целому ряду разъяснений Военного Совета и министерства внутренних дел, допускается слишком близкая постановка воинских частей от мятежных толп, из которых немедленно же начинаются попытки привлечения солдат на свою сторону, а затем стражниками практикуется стрельба вверх и холостыми зарядами. Все эти упущения, как свидетельствуют сведения о многочисленных столкновениях масс с вооруженной силой, оканчиваются почти всегда без исключения сильными потерями в составе полиции, а затем и невольным применением войсками и стражниками уже в целях самообороны огнестрельного и холодного оружия в таких размерах, которые никогда не понадобились бы, если бы представитель полиции или командир воинской части сразу приступили к прекращению беспорядков решительными мерами. Как нижним чинам полиции, так и ближайшим их начальникам должно быть раз навсегда внушено, что проявление на первых же порах твердости и неустрашимости обеспечивает их самих же от крупных неприятностей и опасности и что во всей их деятельности должно стараться поддержать равновесие духа, дабы не внести в деятельность жестокости, личные счеты или ненужное стремление отличиться мерами, не оправдываемыми обстоятельствами. Они всегда должны памятовать, что закономерное, но твердое, решительное и мужественное исполнение ими своих обязанностей есть лучший единственный и верный путь к отличию и поддержанию порядка, столь необходимого в настоящее тревожное время. Независимо от сего, опыт последнего времени свидетельствует, что начальники губерний или особо назначенные ими лица, выезжая на места беспорядков с военною силою, идут с нею вслед за волною погромов и тем дают последним возможность чрезвычайного развития. Во избежание этого, представители власти должны заблаговременно определить направление такой волны беспорядков и быстро двинуться с вооруженной силой,

дабы остановить движение и в передовых толпах мятежников захватывать вожаков и агитаторов.

2. В тесной связи с аграрным движением стоит п р о п а г а н д а в в о й с к а х. Хотя последние в общей их массе сохраняют верность присяге, но в то же время в весьма многих воинских частях замечается брожение, которое крайне опасно там, где на войска возложена охрана и борьба с революционными элементами. Имеющиеся в департаменте сведения указывают на следующие обстоятельства.

Заметною причиною упадка дисциплины является слабый надзор г.г. начальников отдельных воинских частей за поведением нижних чинов, а равно за правильностью их довольствия. Наряду с этим получаются указания, что в полках, бригадах и флотских экипажах, где г.г. офицеры относятся чисто формально к своим обязанностям, не поддерживают связи с подчиненными, не посещают часто их помещений, пропаганда делает заметные успехи. Особенную опасность в этом вопросе представляют преступное направление отдельных офицеров или бестактные разговоры их в отношении высшего правительства. Нельзя допустить, чтобы тесный круг офицерства каждой части не замечал пропагаторской деятельности кого-либо из товарищей, а в то же время имеются сведения о том, что некоторые офицеры, будучи недовольны государственною политикою или даже на почве неуспешной личной карьеры, позволяют себе крайне резкие суждения в присутствии нижних чинов и тем вносят в их среду растлевающие начала. Независимо от сего, большую опасность в войсках представляют нижние чины, вступившие на службу уже в распропагандированном состоянии, и на них должно быть обращено особенное внимание г.г. офицеров. Помимо сего, установлен целый ряд случаев участия солдат в различных митингах, каковое явление может быть объяснено или неосведомленностью г.г. офицеров в поведении нижних чинов вне казарм или же оставлением нарушителей приказаний без всяких взысканий, а вместе с тем как в казармы, так и на сходки являются агитаторы, переодетые в военное платье, причем проникновение таких лиц в места постоянного расположения войск не могло бы иметь места при тщательном наблюдении начальства. К этому присоединяется также слабость полиции в поддержании внешнего порядка, так как чины ее совершенно безучастно относятся к появляющимся в публичных местах в нетрезвом виде офицерам и нижним чинам, допускают последних даже целыми группами в питейные заведения и т. п., создавая для солдат вне казарм обстановку для совершенно беспредельного безначалия. Относительно подпольных агитаторов замечено, что они нередко проникают в казармы, устраивают свидания с солдатами почти у самых мест расположения войск, посылают массами

письма с революционными изданиями в казармы и т. п. Несомненно, что полиции и жандармским чинам весьма затруднительно следить за событиями во внутренней жизни войск, а потому успех пропаганды в этой области не может быть поставлен всецело им в вину. Но в то же время необходимо принимать все меры к учреждению в воинских частях внутренней агентуры, если ее не может установить военное начальство, и затем при помощи наружного наблюдения за агитаторами задерживать их неукоснительно при свиданиях с нижними чинами.

Не подлежит сомнению, что начальники губерний, осведомляясь об изложенных выше причинах волнений среди войск, не могут уклоняться от немедленного сообщения о сем местным и высшим военным начальникам с доведением в нужных случаях и до сведения министерства внутренних дел. При этом следует также, хотя бы и словесно, осведомлять командиров воинских частей с такими событиями и распоряжениями власти, ознакомление с коими нижних чинов могло бы вносить в их среду успокоение.

Наконец, гражданское начальство, вызывая войска для предупреждения и прекращения волнений, обязано самым тщательным образом озаботиться о предоставлении им обстановки, не уступающей условиям их казарменной жизни, а затем не допускать с своей стороны никаких отступлений от правил 7 февраля 1906 года о призыве войск, не создавая себе чрезмерной личной охраны, не пользуясь нижними чинами для рассылки бумаг и т. п.

3. Как выше указано, на успехе аграрных беспорядков революционные организации основывают программу дальнейших мятежных выступлений и приступили к целому ряду подготовительных предприятий. В этом направлении надлежит отметить следующее.

А. Агитация в интеллигентных слоях общества. В этой области деятельность полицейских и жандармских властей крайне ограничена, и вся задача их должна сводиться к наблюдению за пресечением таких течений, которые носят явно революционный характер. Всякие по этому предмету мероприятия должны строго контролироваться высшими административными властями, так как для правильности суждения о событиях в данной сфере необходима осведомленность о взглядах центральной власти и полное понимание сущности и различия политических течений. В частности, здесь возникает вопрос о деятельности различных партий и обществ. По этому поводу необходимо прежде всего различать основные программы означенных единений, из коих одни, как, например, социал-демократические, социал-революционные, бунд и т. п. кружки, являются явно республиканскими и преследуемыми уголовным зако-

ном, а потому, как самое существование их, так и всякие их предприятия и собрания, устраиваемые их членами, подлежат безусловно строжайшему преследованию. Особенного внимания, наблюдения и самой суровой кары заслуживают все группы террористического свойства, из коих некоторые, как например, анархисты-коммунисты и так называемая «оппозиция» партии социалистов-революционеров («максималисты»), проповедуют явное безначалие и почти исключительно заняты организацией убийств и грабежей. В отношении же незаконопротивных соединений нескольких лиц следует иметь в виду, что «политическая партия», как совокупность лиц, руководимых общими политическими принципами, не составляет еще «общества» или «союза», указанных в законе 4 марта 1906 года об обществах и союзах. Если же однако партия во всем ее объеме или в своей среде образует определенную организацию в виде центрального и местного комитетов или других способов осуществления партийного объединения и дисциплины, выраженных в форме устава, то с этого момента вся совокупность вошедших в организацию лиц и групп должна рассматриваться как «общество», упомянутое в законе 4 марта, причем такому обществу предоставляется или возникать явочным порядком или ходатайствовать о регистрации, без чего это единение не может пользоваться никакими прерогативами, даруемыми законом легализированным обществам. Всякое же сообщество, не узаконившее свое существование в указанном порядке, должно почитаться преступным (ст. 124 уг. улож.). При разрешении в порядке 20—32 ст. постановлений от 4 марта образования обществ (в том числе и формирующихся из политических партий) губернское начальство должно обращать внимание на проекты уставов и, особенно, на заключающееся в них описание преследуемых обществами целей. Последние должны быть выражены совершенно определенно, без допущения неясностей и скрытых тенденций, могущих послужить поводом к деятельности противной интересам порядка и общественной безопасности. Совершенно недопустимым является определение одних первоначальных целей, которые, будучи по форме легальными, являются, в сущности, лишь начальными шагами для достижения в будущем стремлений социалистического и иного революционного характера, как, например, переустройство государства на демократических началах и т. п. Поэтому в уставе, определяющем политические или экономические задачи обществ, должны быть с полною точностью определены конечные цели деятельности означенных единений, и всякая неясность в изложении уставов должна служить поводом к отказу в регистрации. В дальнейшем существовании допущенных обществ функционирование таковых подлежит надзору местной адми-

нистративной власти, которая, получив доказательства уклонений обществ или их отделений от утвержденного устава или закона (33, 34 и 35 ст.), немедленно должна вносить этот вопрос в присутствия по делам обществ, наблюдая за правильным разрешением в них возбужденных производств согласно 39 ст. тех же правил. Если общество проявило деятельность, угрожающую общественной безопасности и спокойствию, то губернаторы и градоначальники должны своею властью приостанавливать действие этого общества, возбуждая в этом же присутствии вопрос о закрытии такой организации (ст. 35); в тех же случаях, когда по указанным причинам необходимо закрыть общества, имеющие отделения вне данной губернии или области, или союз обществ такого же характера, то начальники губерний, проверив на месте полученные ими сведения, должны представлять всю переписку мне в порядке 3 ст. того же закона.

Что касается до собраний, устраиваемых политическими партиями и обществами, предусмотренными правилами 4 марта 1906 года, а равно и частными лицами, то в этом отношении должны применяться к ним без всяких различий постановления от того же числа о собраниях. При этом собрания членов зарегистрированных обществ и таких же союзов, происходящие не в помещениях публичного характера (ст. 11 закона 4 марта 1906 г. о собраниях) и без участия посторонних лиц, могут иметь место без присутствия чинов администрации, указанных в 10 ст. закона 4 марта. Учреждаемые партиями, союзами и обществами клубы должны подчиняться правилам, для этих установлений определенным. Если же на собрания тех же организаций открыт доступ неопределенному числу лиц или хотя бы и определенному количеству их, но частью неизвестных устроителям собраний, а также, буде собрания назначаются в помещениях общедоступного свойства (театры, здания общественных учреждений и т. п.), то эти собрания должны почитаться публичными с применением к ним всех постановлений того же закона. При разрешении публичных собраний хотя бы зарегистрированных обществ нужно иметь в виду, что иногда и подобные собрания могут приобретать характер преступный и служить ареной для явно революционной агитации. При достаточной осведомленности местной администрации она всегда может предвидеть те тенденции, для коих должно служить предполагаемое собрание, а потому в вопросе о разрешении такового начальство должно с полнотою и самостоятельно осуществлять свои права, указанные в ст. 7 закона 4 марта 1906 года о собраниях. В частности, нельзя не отметить, что вопрос об угрожающем характере каждого предположенного собрания должен быть определяем, помимо программы его и характеристики ораторов, имеющих выступить с ре-

чами, также и составом публики, которая явится на это собрание. Надо иметь в виду, что чем более интеллигентен круг слушателей, тем более безопасна широкая программа бесед, и наоборот — при наличности на них крестьян, рабочих и т. п. менее культурных элементов, возникают серьезные опасения за сохранение порядка. Далее, чины высшей администрации должны командировать на собрания таких официальных лиц, которые не только в состоянии по своему развитию определить границы дозволенного от запрещенного в речах, но с достаточною твердостью и тактом способны решительно пресечь нарушение закона. Кроме того, эти лица должны усваивать и запоминать речи ораторов, в видах правильного разрешения недоразумений, могущих возникнуть по поводу закрытия собрания. При обнаружении участия на публичном собрании лиц малолетних и воспитанников средних и низших школ (при отсутствии особого разрешения от начальства) чиновники, командированные для наблюдения за порядком на собрании, должны тотчас же объявить о присутствии упомянутых лиц устроителям или председателю такового с требованием немедленного удаления малолетних и воспитанников, а в случае уклонения от исполнения этого требования, закрыть собрание. Что касается, наконец, до недозволенных сборищ, т о т а к о в ы е д о л ж н ы р а з г о н я т ь с я б е з в с я к и х к о л е б а н и й с соблюдением указаний, преподанных выше в п. 1 сего циркуляра. В частности, по этому поводу следует обратить особое внимание на недопущение во что бы то ни стало сборищ около мест заседаний гражданских и военных судов по делам политического характера.

Б. Одною из мер противоправительственной борьбы является сформирование политических профессиональных союзов, к образованию коих приступили ныне революционные кружки. В течение лета и осени 1905 года подобные организации сыграли весьма видную роль в подготовке и устройстве всеобщей забастовки в октябре того года, а потому местные власти должны с особенною зоркостью отнестись к этим обществам. В большинстве случаев организаторы профессиональных союзов не заявляют об их образовании и существовании, а потому к таким обществам должны быть н е м е д л е н н о п р и м е н я е м ы предупредительные и карательные меры в порядке формальном или положения об охране. В тех случаях, когда образовавшиеся с соблюдением закона общества или союзы проявляют противоправительственное направление, то местное начальство должно срочно собрать справки о главных руководителях организации, а равно о действительных ее целях и затем тотчас же довести до сведения г. министра внутренних дел для принятия мер, указанных в 3 ст. закона

4 марта 1906 года о союзах и обществах. При этом, в частности, надлежит иметь в виду, что функционирующие ныне союзы инженеров, адвокатов, учителей и др. кружки, образующие собою Союз союзов, не заявлены правительству, а потому должны быть почитаемы нелегальными; что образованием профессиональных союзов среди рабочих, ремесленников и мелких служащих заняты почти исключительно революционные сообщества, цели коих вполне определяют значение означенных союзов; что всякие организации (нередко со скрытыми политическими целями) среди лиц, состоящих на государственной и общественной службе, безусловно недопустимы в силу 9 и след. ст. того же закона и что все так называемые крестьянские союзы, кроме монархических, входят в состав революционных партий. Поэтому агитация с целью вовлечь сельские общества в эти союзы представляет собою или деятельность лиц, принадлежащих к этим партиям, или же пособничество целям последних, предусмотренное 51—102 и 126 ст. угол. уложения.

В отношении преследования упомянутых союзов нередко возникают вопросы о неудобствах рассмотрения дел о слишком значительном количестве лиц на суде, но в этом отношении следует иметь в виду, что законодатель, устанавливая уголовную ответственность за участие в противозаконных обществах, имел в виду, что такое чисто практическое неудобство не может создавать безнаказанности для нарушителей порядка, а с другой стороны, судебная практика допускает слушание дел по группам, если этому не препятствуют неустранимые затруднения в использовании улик (613 ст. у. у. с. и реш. уг. касс. д-та 1869 г., № 875). Наконец, в тех случаях, когда преследование союза, общества или его членов не поддается формальному расследованию, но в то же время е д и н и ч н ы е лица, действуя в целях сообщества, уличаются в отдельных преступлениях или явной политической неблагонадежности, то виновные должны неукоснительно привлекаться к ответственности в порядке следствия, дознания или положения об охране, н е з а в и с и м о от установления данных, могущих послужить основанием к преследованию сообщества в о в с е й е г о с о в о к у п н о с т и. На быстроту и действительность репрессии или предупредительных мер в этой области необходимо обратить ныне же самое серьезное внимание, дабы пресечь возможность сформирования таких организаций, которые, окрепши, объединившись и пустив глубокие корни в население, могут обеспечить успех всеобщей забастовки. Более детальные мероприятия против последней указаны в секретном письме от 1 июля сего года. При этом надлежит иметь в виду, что центральные революционные организации, в случае несклонности служащих на железных дорогах устроить всеобщую забастовку, имеют в

виду прервать движение по железным дорогам, а равно и пользование телеграфом, посредством порчи существеннейших сооружений этих учреждений, как, например, взрывом железнодорожных мостов и полотна, разрушением телеграфных столбов и т. п., в чем они могут воспользоваться содействием железнодорожных и крестьянских дружин. Поэтому на случай проявления таких посягательств следует принять меры к усиленной охране упомянутых сооружений, а в случаях объявления дорог в положении чрезвычайной охраны прибегать к формировке из железнодорожных служащих охранной стражи в тех случаях, когда состав таковых может быть пополнен из лиц, безусловно преданных правительству.

Весьма серьезного внимания заслуживает наблюдение за теми должностными лицами (в том числе и представителями духовенства), которые прикосновенны к противоправительственной деятельности, причем для разъяснения возникающих по этому предмету подозрений надлежит сообщать основательный материал, отличая веские доказательства от непроверенных слухов, создаваемых нередко интригами, личными счетами и т. п. По получении же убедительных данных, начальники губерний имеют сообщать таковые начальству заподозренных, если от такового зависит увольнение их от должности, или же доводить до сведения министерства внутренних дел в прочих случаях, а равно и при отказе местного начальства удовлетворить основательные требования об удалении чиновников, причастных к преступной агитации.

4. Одним из серьезнейших приемов текущей революционной борьбы является террор, направленный на должностных лиц, в видах устранения наиболее деятельных служащих, преследующих противоправительственных агитаторов, а также для дезорганизации административной власти. К сожалению, нельзя не отметить, что эта возмутительная система дала уже в нескольких случаях положительные результаты, но такой успех террористов должен быть отнесен отчасти и к вине местных органов правительства.

Означенные террористические предприятия осуществляются, главным образом, организациями и лишь в редких случаях обособленными злоумышленниками, причем последние сводят большею частью свои личные счеты с жертвами убийств. Поэтому, при первых же указаниях агентуры или, если она за этим не уследила, при первом случае нападения на кого-либо из должностных лиц, учреждения, ведающие розыск, должны направить все усилия к установлению «боевых групп» и ликвидировать их немедленно, хотя бы для [sic] применения административной высылки. В этом случае обязательно должно быть произведено предъявление задержанных всем сви-

детелям по всем ранее имевшим место случаям посягательств. Далее, в видах ограждения служащих от покушений надлежит принять особые меры в отношении низших чинов полиции, стражи и корпуса жандармов, так как характер их службы, состоящей иногда в охране их начальства или правительственных учреждений, создает особенно удобную почву для посягательств на их жизнь. По этому поводу нужно заметить, что вооружение постовых городовых винтовками едва ли целесообразно, так как оружие это пригодно для самообороны [от] нападающего открыто, тогда как по роду службы городовых к ним могут обращаться за справками все проходящие, а этим-то иногда пользуются злоумышленники, причем винтовка, обременяющая вообще городовых, никакой помощи им не оказывает. При обнаруживающемся в данном городском поселении систематическом преследовании чинов полиции, жандармов следует немедленно формировать патрули, обращаясь за содействием к военной силе (ст. ст. 5, 6, 20 и 32 правил о призыве войск 7 февраля 1906 г.) и, кроме того, уменьшив, если нужно, число постов, назначать на таковые по несколько городовых.

В целом ряде случаев, известных департаменту полиции, низшие чины полиции делались жертвою террористических замыслов потому только, что при явной опасности, оправдывающей употребление оружия против злоумышленников, меры законной самообороны не принимались. Далее, ближайшие начальники низших полицейских чинов обязаны периодически проверять исправность находящихся у городовых, стражников и жандармов револьверов и шашек. Назначая полицейские силы для задержания злоумышленников и для обысков, начальники полиции безусловно должны сообразовать силы наряда с количеством лиц, подлежащих аресту или могущих находиться на месте обыска. При этом, отправляя наряды для задержания преступников, лица, делающие эти распоряжения, обязаны предупредить весь наряд об условиях местности, в которой ему придется действовать, о возможности встретить засаду, о необходимости предварительного изъятия караульщиков, охраняющих сходку, и т. п. Во время обысков чины жандармского корпуса и полиции должны действовать решительно и быстро и, в случае задержания в каком-либо помещении нескольких лиц, подвергать их немедленно личному осмотру, укладывать отобранное у них в пакеты без подробного осмотра, обязательно обезоруживать их и тотчас же отсылать подлежащих аресту в места заключения или участки, оставляя для присутствования при дальнейшем обыске только одного хозяина квартиры (358 ст. у. у. с.).

Серьезною мерою против террористических посягательств является разоружение неблагонамеренных элементов населения, которые, бла-

годаря настойчивым усилиям революционеров по водворению оружия из-за границы, постоянно приобретают все более и более опасное значение. Однако же поголовное разоружение означенных лиц вызывает практические затруднения и потому можно рекомендовать лишь следующие меры.

А. Упорное выяснение путем агентуры складов оружия и немедленное изъятие их без всякой детальной разработки наблюдения, единственною целью коего в этой области должно быть лишь взятие оружия.

Б. Издание, в развитие существующего закона (24 ноября 1905 г. о порядке хранения и продаже огнестрельного оружия), обязательных постановлений, воспрещающих хранение, выделку, ношение и перевозку оружия, с применением к виновным высшей меры взыскания, независимо от того, подлежат ли они ответственности за какие-либо другие преступные деяния.

В. Производство в данной местности повальных одновременных обысков в кварталах, в которых сосредоточены вооруженные лица. Мера эта может вызвать значительные затруднения, и потому применению ее должна предшествовать зрелая оценка ее осуществимости, а также выяснение, совместно с местными высшими представителями военной и жандармской власти, достаточны ли наличные силы полиции и войск для одновременных обысков в намеченных районах и поскольку можно ожидать серьезных беспорядков, приняв во внимание: 1) что для этой цели на определенное для разоружения время вся полиция может быть освобождена от исполнения прочих обязанностей, 2) что обыски могут быть применены только в тех случаях, когда вооруженная сила неблагонамеренных лиц представляет собою действительную, а не кажущуюся угрозу, и 3) что предполагаемая мера, будучи своевременно, умело и решительно проведена, даст такие результаты, которые предупредят ряд самых печальных событий, и потому должна быть признана безусловно желательной. Собранные по этому предмету сведения, касающиеся совершенно приблизительного количества подлежащих обыску лиц, и мнения местной военной и жандармской власти надлежит немедленно сообщить департаменту полиции шифрованными депешами, совершенно кратко, с указанием количества намеченных обысков (без упоминания этого слова) и исполнимости означенной меры и затем ожидать указаний департамента относительно осуществления этого мероприятия.

5. В городах, где существуют высшие и средние учебные заведения, с осени, вероятно, возникнут волнения среди молодежи. Хотя урегулирование этого вопроса входит в круг обязанностей ведомств,

коим принадлежат учебные заведения, но участие административной власти в этой области всегда вызывается самими событиями. Поэтому надлежит иметь в виду, что если большинство высших учебных заведений пользуется правом автономного самоуправления, то средние и низшие школы обязаны безусловно руководиться распоряжениями начальства, и всякие попытки уклониться от этой системы не должны допускаться как в отношении учащихся, так и учащих. Последние, не относясь формально к своим обязанностям, должны следить за своими питомцами и вне стен учебных заведений, а потому при посещениях воспитанниками средних и низших школ митингов, собраний и других нарушениях ими порядка и безопасности полиция должна немедленно извещать учебное начальство, а если оно откажется от решительного прекращения означенных проступков, то полиция обязана руководствоваться своими общими правилами, а об отказе учебного персонала в содействии и о распоряжениях администрации надлежит доводить до сведения департамента полиции, так как все бывшие ранее случаи столкновения полиции с учащимися истолковывались в обществе и в прессе как злоупотребление администрации и вмешательство в неподлежащее ее ведению дело. Вместе с тем, если по обстоятельствам дела местною властью признавалось бы целесообразным огласить ход событий, то к этому не встречается препятствий, с соблюдением однако полноты и беспристрастности в таких сообщениях. В случаях возникновения брожения в средних и низших школах губернское начальство должно немедленно доводить об этом до сведения попечителей учебных округов, инспекторов народных училищ или ведомства, в ведении коих состоят такие училища. При этом, если административная власть убеждается, что учебное начальство или родительские кружки не склонны или не умеют внести в жизнь волнующейся школы успокоения, то необходимо об этом немедленно доводить до сведения министерства внутренних дел для сношения о временном закрытии указанных учебных заведений. При всех ходатайствах учебного начальства о содействии полиция имеет оказывать самую деятельную поддержку интересам учебных заведений. Никакие сборища (митинги) с участием посторонних лиц не должны допускаться, причем, если учебное начальство не окажет противодействия этим явлениям по своему почину, то административная власть должна, по предупреждении учебного начальства, принимать все зависящие меры к устранению означенных сборищ, доводя о сем немедленно до моего сведения. Что же касается до высших учебных заведений, то надлежит иметь в виду обязанность полиции осведомлять начальство этих учреждений о всех случаях нарушения учащимися вне стен

учебных заведений закона и порядка и о привлечении их за это к ответственности в общем порядке, а также о поступающих в полицию сведениях, касающихся противозаконных замыслов во внутренней жизни означенных учебных заведений. При получении административными властями указаний на нахождение в помещениях учебных заведений каких-либо вещественных доказательств революционного характера, как, например, складов преступной литературы или оружия, лабораторий разрывных снарядов, подпольных типографий, бюро явно революционных организаций и т. п., полиция должна немедленно проверять эти данные и, убедившись в их полной достоверности, а также выяснив предварительно помещения, где предметы находятся, производить обыски безотлагательно с соблюдением правил, изложенных в 361 ст. у. у. с., согласно коим начальство учебных заведений приглашается к обыскам для присутствования, а не для переоценки данных, полученных полицией, которая одна и отвечает за основательность принятых ею мер расследования.

Помимо изложенных указаний, местному начальству необходимо обратить серьезное внимание на некоторые отдельные отрасли местного управления и общественной жизни. Одним из самых серьезных орудий борьбы с революционным движением является суд, который своею правильною, быстрою и твердою деятельностью в значительной мере устранит применение административного воздействия, так упорно поставляемого в вину правительственной власти. Послабления в сторону виновных в преступлениях государственных и аграрных могут создать крайне нежелательные последствия. Имеющиеся в министерстве внутренних дел данные о движении целого ряда политических дел свидетельствуют, к сожалению, о нескольких случаях освобождения из-под стражи до суда лиц, уличенных в тяжких преступлениях; о таких смягчениях наказаний с зачетом предварительного заключения, которые равносильны оправданию виновных; об отложении дел под влиянием настроения толпы; об оставлении без всякого движения дел о преступлениях печати и т. п. Все эти обстоятельства должны быть предметом внимания начальников губерний, причем надлежит настаивать перед прокурорским надзором о борьбе с подобными явлениями, а в случае неуспеха этой меры — немедленно доводить до сведения министерства внутренних дел с указанием данных формальных расследований и сущности соображений представителей судебной власти.

Затем учащающиеся в последнее время побеги из тюрем и других мест заключения указывают на сильный упадок надзора и дисциплины в этих учреждениях. В департаменте полиции имеются сведения о том, что в некоторых тюрьмах совершенно не соблюдаются правила

о содержащихся под стражею за государственные преступления и что политическим заключенным предоставляются явно незаконные льготы. Все эти нарушения должны быть немедленно устранены с наложением взысканий на виновных в них чинов администрации, которая должна неукоснительно и непоколебимо поддерживать порядок, отвечающий тюремному режиму. Кроме того, начальникам тюрем следует вменить в обязанность возможно часто посещать камеры и не ограничиваться при этом поверхностными опросами заключенных, но внимательно осматривать эти помещения для обнаружения тайной переписки и приготовлений к побегам.

Далее, серьезною задачею для местной администрации является надзор за прессою. Допущенная законом свобода печати использована почти повсеместно лицами, явно враждебными правительству, во вред последнему и создала целый ряд органов, растлевающе действующих на население. Прежде всего надлежит требовать возбуждения судебного преследования против редакторов, издателей и, особенно, авторов за все статьи, заключающие в себе нарушение закона, с приостановлением изданий, и следить за тем, чтобы дела эти разрешались в возможно скорейшем времени. Затем в местностях, где действует военное положение или чрезвычайная охрана, надлежит закрывать вовсе издания упомянутого направления, а равно и те типографии, которые систематически предоставляют свою работу произведениям явно тенденциозного характера. Применять правила, указанные в 29 ст. положения об усиленной охране, за нарушение законов о печати не следует, но так как большинство руководителей означенных повременных изданий (хотя бы и не состоящих ответственными редакторами) принадлежит к тайным сообществам, то надлежит ныне же принять меры к изобличению их именно в этом преступлении и только по этому основанию привлекать их к ответственности в порядке формальном и усиленной охраны. При этом надлежит иметь в виду, что высказываемый иногда взгляд о ненаказуемости редакторов и издателей за одно воспроизведение в печати преступных воззваний, резолюций и т. п. без выраженного самою редакциею стремления возбудить этим путем к достижению целей, коим посвящены статьи, представляется неправильным, так как, с одной стороны, в мотивах законодателя к 129 ст. угол. улож. указано, что ненаказуемость распространения поименованных в ней сочинений может обусловливаться только в том случае, если воспроизведение его сопровождается критикой, заключающей в себе неодобрение этому произведению, а, с другой стороны, закон признает наказуемою простую передачу подобных сочинений, а потому распространение таковых в газетах без надлежащей отрицательной критики

является одним из опаснейших видов пропаганды. Этот взгляд выражен также и в решении Правительствующего Сената по угол.-кассац. департаменту от [1]) года.

Независимо от возбуждения уголовного преследования против редакторов, издателей и авторов за отдельные статьи, представляется желательным сообщать прокурорской власти систематически подобранную совокупность статей и заметок данного органа печати, которая не оставляла бы сомнения в том, что всею деятельностью его осуществляется преступная пропаганда. По тому же предмету необходимо принимать меры к тому, чтобы за выпуском из типографий обративших на себя внимание тенденциозных газет был учрежден надзор таким образом, чтобы не допускать появления в обращении этих сочинений до получения разрешительного свидетельства от учреждения или лица, ведающего цензуру.

Один перечень мероприятий, изложенных в настоящем отзыве, свидетельствует уже о той сложной задаче, которая лежит на представителях правительственной власти. Не подлежит однако сомнению, что выполнению ею своих обязанностей в значительной мере может содействовать активная помощь частных лиц, сочуствующих борьбе с революционным движением. В этом отношении надлежит иметь в виду, что существенную услугу местным коронным органам могут оказать патриотические и монархические общества, образовавшиеся в очень многих местностях империи. Однако же в этой области представители правительства должны делать строгий выбор и, входя в возможно тесное общение с руководителями этих организаций, внушать им, что правительство ищет в них безусловно лойяльной поддержки и потому отнесется враждебно ко всяким начинаниям этих кружков, заключающих в себе элементы междуусобной вражды, террористических предприятий и т. п. Если знакомство с направлением и деятельностью упомянутых обществ свидетельствует о полной закономерности таковых, то губернскому начальству не мешает принимать все меры нравственного влияния к объединению и дисциплинированной организации таких групп путем примирения их на почве устранения программных крайностей, а затем рекомендовать означенным обществам, а равно и стоящим вне таковых частным обывателям формировать кадры добровольцев-работников, которые в случае всеобщей стачки могли бы заменить немедленно забастовщиков в предприятиях общественного пользования, а своим нравственным воздействием ослабляли бы успехи революционной пропаганды.

При этом нельзя не отметить, что раздававшиеся уже голоса о необходимости вооружения на казенный счет описанных групп

[1]) Пропуск в подлиннике.

не должны встречать сочувствия. Нежелание правительства оказать такую поддержку благонадежным элементам не может оправдывать бездеятельности их, так как, если даже допустить, что многие из революционеров вооружены, то, с одной стороны, таких злоумышленников сравнительно незначительное количество, а с другой — одна решимость благомыслящих людей открыто выступить в защиту порядка произведет такое впечатление, благодаря которому совершенно понизится та безумная смелость «боевиков», которая живет исключительно за счет малодушия сторонников закона и мирной жизни.

Приведенные выше указания в связи с последовавшими ранее циркулярными распоряжениями министерства внутренних дел (которые ныне должны быть обязательно предметом нового ознакомления) составляют достаточно разработанную программу деятельности органов правительственной власти на местах. Несомненная сложность этой программы вполне однако соответствует серьезности переживаемого государством исторического момента, когда новые формы политического его устройства начинают входить в жизнь. Враги закона напрягают все усилия к тому, чтобы испытываемые правительством затруднения и неопределенное настроение общества использовать для окончательного государственного переворота. Успех этих преступных замыслов находит себе во многих случаях почву в расшатанности, разъединенности, малодушии и нерадивости органов подчиненного управления, на которых и ляжет вся тягость ответственности перед родиной за гибельные последствия всех удач революционного движения. Если в первое время по обнародовании высочайших повелений о даровании населению новых гражданских прав могли возникать в некоторых органах местных властей сомнения в полной устойчивости политики центральных учреждений на первых порах проведения в жизнь означенных начал, то ныне надлежит принять за безусловно руководящее указание, что правительство твердо стоит на почве непоколебимого желания проводить намеченные монаршею волею реформы, но в то же время ставит своим величайшим долгом во что бы то ни стало охранять закон и общество от преступных посягательств. Все без изъятия местные власти должны проникнуться сознанием, что высшею политикою руководит правительство, а не органы подчиненного управления и что прямою неустранимою их обязанностью является твердая, решительная деятельность по исполнению своих прямых функций.

Закономерность распоряжений не может никогда стеснять лояльной энергии и неумолимой строгости там, где она необходима. Междуведомственные несогласия совершенно не отвечают установленному ныне единению центральных учреждений, и эта идея должна быть, наконец, воспринята всеми местными представителями власти с сознанием, что рутиною укорененная рознь в служилом классе есть ж е с т о к о е з л о д л я в с е х и н т е р е с о в с т р а н ы.

Тяжелая година испытаний, выпавших на долю служилых людей текущего времени, должна не ронять их бодрости, а, напротив, — в о з б у ж д а т ь в н и х в е л и ч а й ш у ю э н е р г и ю, ведя их к боевой, но всегда и безусловно честной и закономерной работе на пользу России. Состояние на государственной службе п р и т а й н о м с о у ч а с т и и в н е л е г а л ь н ы х з а м ы с л а х есть позорнейшее явление, которое не должно быть терпимо и всегда будет противно понятию честной совести и достоинству. Не малодушием и компромиссами должны бороться слуги государевы с крамолою, а энергиею, твердостью и действительною решимостью за престол и благо России принести в жертву все свои интересы. П а н и к а в обществе и н а г л о с т ь революционеров создаются именно р а с т е р я н н о с т ь ю, в я л о с т ь ю и а п а т и е ю представителей власти, которые в данное время должны проявить все те положительные качества, которые помогут правительству вывести страну из смуты на путь спокойного существования. Пресекая революционные выступления в с а м о м и х н а ч а л е, хотя бы и с а м ы м и с у р о в ы м и мерами л е г а л ь н о г о характера, местные органы внушат населению веру в силу власти и незыблемость закона. Не подлежит при этом сомнению, что проведение этих начал в среду второстепенных служащих составляет прямой долг н а ч а л ь н и к о в г у б е р н и й, которые должны давать всем подчиненным и населению пример гражданских доблестей, поднять их дух и нести на себе ответственность за тяжкие последствия успехов революционного движения.

Об изложенном уведомляю для руководства ваше превосходительство, покорнейше прося вас с о в е р ш е н н о д о в е р и т е л ь н о ознакомить с содержанием настоящего циркуляра представителей тех ведомств, до коих исполнение указанных начал касается по принадлежности.

О получении циркуляра прошу уведомить департамент полиции телеграммою: «Номер (такой-то) получен».

Председатель Совета Министров, министр внутренних дел
П. С т о л ы п и н.

Директор департамента полиции Т р у с е в и ч.

Поэма А. С. Пушкина «Монах».

ПѢСНЬ ВТОРАЯ [1]).

Горькія размышленія, сонъ, спасительная мысль.

Покамѣсть ночь еще не удалилось,
Покамѣсть свѣтъ лила еще луна;
То юбка все еще была видна.
Какъ скорожъ твердь зарею освѣтилась
Отъ взоровъ вдругъ сокрылося она.
А нашъ Монахъ, увы лишенъ покоя
Ужъ онъ не спитъ не гладитъ онъ кота
Не помнитъ онъ церковнаго налоя
Со всѣхъ старонъ панкратію бѣда.
Какъ, мыслитъ онъ, когда и собачонки
Въ монастырѣ и духа нѣтъ моемъ,
Когда здѣсь ввѣкъ не видывалъ юбчонки
Кто могъ ее принесть ко мнѣ-же въ домъ?
Ужъ мниться мнѣ... прости Владыко въ томъ!
Ужъ нѣтъ-ли здѣсь... страшусь сказать... дѣвчонки.
Монахъ краснѣлъ и дѣлать что не зналъ
Во всѣхъ углахъ, подъ лавками искалъ
Все тщетно, нѣтъ, ни съ чѣмъ старикъ остался
За то весь день какъ блѣдна тѣнь тоскался
Ни ѣлъ, ни пилъ, покойно и не спалъ.
Проходитъ день и вечеръ наступая
Зажогъ вездѣ лампады и свѣчи.

---

[1]) См. «Красный архив», т. XXXI (VI), стр. 197—201. Вторая и третья песни «Монаха», как и первая, печатаются с соблюдением всех графических особенностей подлинника.

Уже Монахъ съ главы клабукъ снимая
Ложился спать — Но только что лучи
Луна съ небесъ въ окно его пустила
И юбку вдругъ на Лавкѣ освѣтила
Зажмурился встревоженный Монахъ
И чтобъ не впасть кой какъ во искушеніе
Хотѣлъ уже на вѣкъ лишиться зрѣнья
Лишь только бы на юбку не смотрѣть.
Старикъ кряхтя на бокъ перевернулся
И въ простыню тепленько завернулся,
Сомкнулъ глаза, заснулъ, и сталъ храпѣть
Тотъ часъ Молокъ вдругъ въ муху превратился
И полетѣлъ жужжать вокругъ него[1])
Леталъ, леталъ, по комнатѣ кружился
И на носъ сѣлъ монаха моего.
Панкратья вновь онъ соблазнять пустился
Монахъ храпитъ и чудной видитъ сонъ.
Казалося ему что средь долины
Между цвѣтовъ, стоитъ подъ миртомъ онъ,
Вокругъ него сатировъ, Фавновъ сонмъ
Иной смѣясь льетъ въ кубокъ пѣнны вины
Зеленой плющь на черныхъ волосахъ
И виноградъ на головѣ висящій
И легкій Θирзъ у ногъ его лежащій
Все говоритъ что вѣчно-юной Вакхъ
Веселья Богъ сатира покровитель.
Другой надувъ пастушечью свирѣль
Поетъ любовь, и сердца повелитель
Одушевлялъ его веселу трель.
Подъ липами тамъ пляшутъ хороводомъ
Толпы дѣтей, и юношей и дѣвъ
А далѣе вѣтвей подъ темнымъ сводомъ
Въ густой тѣни развѣсистыхъ деревъ,
На ложе розъ, любовью разпаленны
Чуть чуть дыша, весельемъ изтощенны

[1]) Так в подлиннике.

Средь радостей, и сладостныхъ прохладъ
Обнявшися любовники лежатъ.
Монахъ на все взиралъ смятеннымъ окомъ
То на стаканъ онъ взоры обращалъ
То на дѣвицъ глядѣлъ чернецъ со вздохомъ
Плѣшивой лобъ съ досадою чесалъ —
Стоя какъ пѣнь и ротъ въ сажень разинувъ.
И вдругъ въ душѣ почувствовавъ куражъ
И на бекрѣнь, взъярясь, клабукъ надвинувъ
Въ зелёной лѣсъ, какъ бѣло-усый пажъ,
Какъ легкій конь за дѣвкою погнался.
Быстрѣй Орла, быстрѣе звука лиръ
Прелестница летѣла какъ зефиръ
Но нашъ монахъ Еолъ предъ ней казался
Безъ отдыха за новой Дафной гнался
«Не дамъ, ворчалъ, я промаха въ кольцо.»
Но лѣшій вдругъ мелькнувъ изъ за кусточка
Панкратья хвать юбчонкою въ лицо
И вдругъ изчезъ приятный видъ лѣсочка
Ручья, холмовъ и Нимфъ не видитъ онъ
Ужъ Фавновъ нѣтъ вспорхнулъ и Купидонъ
И нѣтъ слѣда красоточки прелестной
Монахъ [1]) одинъ въ степи глухой, безвѣстной
Нахмуря взоръ темнѣетъ небосклонъ
Вдругъ грянулъ громъ, монаха поражаетъ —
Панкратій: Ахъ!... и вдругъ проснулся онъ
Смущенной взоръ онъ всюду обращаетъ:
На небесахъ какъ яхонты горя
Уже востокъ румянила заря.
И юбки нѣтъ — Панкратій всталъ умылся
И помолясь онъ плакать сильно сталъ
Сѣлъ подъ окно, и горько горевалъ
«Ахъ! думалъ онъ, почто ты прогнѣвился
Чѣмъ виноватъ, владыко, предъ тобой?
Какъ грѣшникомъ вертитъ нечистый мной

[1]) Первоначально: «Нахмуря».

Хочу не спать хочу тебѣ молиться
Возьму Псалтиръ а тутъ и юбку вдругъ
Хочу вздремать и ночью сномъ забыться
Что-жъ снится мнѣ? смущается мой духъ
Услышь мое усердное моленье
Не дай мнѣ впасть Господь во искушенье!»
Услышалъ Богъ молитвы старика
И умъ его въ минуту просвѣтился
Изъ бѣднаго сѣдого простяка
Панкратій вдругъ въ Невтоны претворился
Обдумывалъ, смотрѣлъ, сличалъ, смякнулъ
И въ радости свой опрокинулъ стулъ
И какъ мудрецъ кѣмъ Сиракузъ спасался[1])
По улицѣ бѣжавшій босъ и голъ
Открытіемъ своимъ онъ восхищался
И громко всѣмъ кричалъ: нашолъ! нашолъ!
Ну! думалъ онъ, отъ бѣсовъ и юбчонки
Избавлюсь я — и милыя дѣвчонки
Уже меня во снѣ не соблазнятъ
Я заживу опять монахъ монахомъ
Я стану ждать послѣдній часъ со страхомъ
И съ вѣрою и все пойдетъ на ладъ
Такъ мыслилъ онъ—и очень ошибался
Могущій Рокъ, вселенной Господинъ
Панкратіемъ какъ куклой забавлялся.
Монахъ водой наполнилъ свой кувшинъ
Забормоталъ надъ нимъ слова, молитвы
И былъ готовъ на грозны ада битвы
Ждетъ юбки онъ — съ своей же стороны
Нечистый духъ весь день былъ на работѣ
И весь въ жару, въ грязи, въ пыли и потѣ
Предупредить спѣшилъ восходъ луны.

---

[1]) Так в подлиннике.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Пойманный бѣсъ.

Ахъ отчего мнѣ дивная природа
Корреджіо искуства не дала?
Тогда-бъ въ число Парнасскаго народа
Лихая страсть меня не занесла
Чернилами я не моралъ бы пальцы
Не засорялъ бумагою чердакъ
И за бюро какъ дѣвица за пяльцы
Стихи писать [1]) не сѣлъ бы я никакъ.
Я кисти-бъ взялъ безтрепетной рукою
И выпивъ вмигъ шампанскаго стаканъ
Трудиться бъ сталъ я жаркой головою
Какъ Циціанъ иль пламенной Албанъ.
Представилъ-бы всѣ прелести Натальи
На полну грудь спустилъ-бы прядь волосъ
Вкругъ головы вѣнокъ душистыхъ розъ
Вкругъ милыхъ ногъ одежду рѣзвой Тальи
Станъ обхватилъ Киприды-бъ поясь златъ.
И кистью-бъ былъ щастливѣй я стократъ!
Иль краски-бъ взялъ Вернета иль Пуссина;
Волной рѣки струилась бы холстина
На небосклонъ палящихъ, южныхъ странъ
Возведши ночь съ задумчивой луною
Представилъ бы надъ сѣрою скалою
Вкругъ коей бьетъ шумящій океанъ
Высокія, покрыты мохомъ стѣны;
И тамъ въ волнахъ гдѣ дышетъ вѣтерокъ
На серебрѣ вкругъ скалъ блестящей пѣны
Зефирами колеблемый челнокъ

[1]) Первоначально: «Съ бумагою».

Нарисовалъ бы въ немъ я Кантемиру
Ея красы... и радъ бы бросить лиру
Отъ чистыхъ музъ навѣки удалясь,
Но Рубенсомъ на свѣтъ я не родился
Не рисовать, я ѳемы плесть пустился
М . . . . . ъ пусть плѣняетъ кистью насъ
А я — я вновь взмостился на Парнасъ
Исполнившись иройскою отвагой
Опять беру чернильницу съ бумагой
И стану вновь я пѣсни продолжать.

Что дѣлаетъ теперь сѣдой Панкратій
Что дѣлаетъ и врагъ его косматый
Ужъ пересталъ ѳебъ землю освѣщать;
Со всѣхъ старонъ ужъ тѣни налетаютъ;
Туманъ сокрылъ видъ рощицъ у лѣсовъ;
Ужъ кое-гдѣ и звѣздочки блистаютъ...
Ужъ и луна мелькнула сквозь лѣсовъ....
Не живъ ни мертвъ сидитъ подъ образами
Чернецъ молясь обѣими руками.
И вдругъ бѣла какъ вновь напавшій снѣгъ
Москвы рѣки на каменистой брегъ
Какъ лёгка тѣнь въ глазахъ явилась юбка...
Монахъ встаетъ какъ пламень покраснѣвъ
Какъ модинки[?] прелестной Ала губка
Схватилъ кувшинъ весь гнѣвомъ возгорѣвъ
И всей водой онъ юбку обливаетъ
О чудо!... вмигъ сей призракъ изчезаетъ —
И вотъ предъ нимъ съ рогами и съ хвастомъ
Какъ сѣрой волкъ щетиной весь покрытый
Какъ добрый конь съ подкованномъ копытомъ
Предсталъ Молокъ дрожащій подъ сталомъ
Съ главы до ногъ облитый весь водою
Закрывъ себя подоломъ Епанчи
Вращалъ глаза какъ фонари въ ночи
Ура вскричалъ монахъ съ усмѣшкой злою

Поймалъ тебя подземной чародѣй
Ты мой теперь не вырвешься злодѣй
Всѣ шалости заплатишь головою
Иди въ бутыль, закупарю тебя
Сей часъ ее [1]) въ колодезъ брошу я
Ага Мамонъ! дрожишь передо мною. —
— Ты побѣдилъ почтенной старичокъ
Такъ отвѣчалъ смирьнехонько Молокъ
Ты побѣдилъ но будь великодушенъ
Въ гнилой водѣ меня не потопи
Я буду ввѣкъ за то тебѣ послушенъ
Спокойно ѣшь спокойно ночью спи
Ужъ соблазнять тебя никакъ не стану
— Все такъ, все такъ да полѣзай въ бутыль
Ужъ отъ тебя мой другъ я не отстану
Вѣдь плутни всѣ твои я не забылъ
— Прости меня доволенъ будешь мною
Богатства всѣ польютъ къ тебѣ рѣкою
Какъ Банкова я въ знать тебя пущу
Достану домъ куплю тебя [2]) кареты
Пріидутъ къ тебѣ въ переднею поэты
Всѣхъ кланиться заставлю Богачу
Сниму клабукъ, по модѣ причеши [3]).
Все промѣнявъ на длинной фракъ съ штанами
Поскачешь ты гордиться жеребцами,
Народъ смѣясь калесами давить
И Аглинской каретой всѣхъ дивить
Поѣдешь ты потѣть у Шиловскова
За ужинамъ дремать у Горчакова
Къ Нарышкиной подправливать жилетъ
Потомъ всю знать (съ Министрами, съ князьями
Вѣдь будешь жить какъ съ кровными друзьями)
Ты позавешь на пышной свой обѣдъ.—

[1]) Первоначально: «тебя».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) Очевидно, следует: «причешу».

— Не соблазнишь! тебя я не оставлю
Безъ дальнихъ словъ сей часъ въ бутыль иди.
— Постой, постой, голубчикъ погоди!
Я женъ тебѣ и красныхъ дѣвъ доставлю —
— Проклятый бѣсъ! какъ? и въ моихъ рукахъ
Осмѣлился ты думать о женахъ!
Смотри какой! но нѣтъ работникъ ада
Ты не прельстишь Панкратья суетой
За все про все готова ужъ награда
Разкаешься, служитель бѣса злой! —
— Минуту дай съ табою изъясниться
Оставь меня, не будь врагомъ моимъ
Поступокъ сей навѣрно наградится
А я тебя свезу въ Іерусалимъ —
При сихъ словахъ монахъ себя не вспомнилъ
Въ Іерусалимъ! дивясь онъ бѣсу молвилъ
Въ Іерусалимъ! — да, да, свезу тебя —
Ну, естьли такъ [1]) тебя избавлю я.
Старикъ, старикъ не слушай ты Молока
Оставь его, оставь Іерусалимъ
Лишь ищетъ бѣсъ поддѣть святаго съ бока
Не связывай ты тесной дружбы съ нимъ
Но ты меня не слушаешь Панкратій
Берешь сѣдло, берешь чепракъ, узду
Ужъ подъ тобой бодрится чортъ проклятый
Готовится на адскую ѣзду.
Лети, старикъ сѣвъ на плеча Молока
Толкай его и въ задъ и подъ бока
Лети, спѣши въ Священной градъ востока
Но помни то что не на Лошака
Ты возложилъ свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги
Вѣдь въ мрачной Адъ дорога широка!

---

[1]) Далее зачеркнуто: «освобожду».

Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову.

Письма Тургенева к Анненкову представляют собой комментарий к общественным взглядам писателя-либерала. Годы, к которым относятся публикуемые письма, были последним временем жизни писателя, умершего в 1883 г. П. В. Анненков — долголетний друг автора «Отцов и детей», и письма к нему больше всего содержат рассуждений и откликов на общественные явления того времени. Те годы были временем глубокой реакции, закончившейся террористическим актом 1-го марта. Деятельность «Народной Воли» пугала либерально настроенного писателя-помещика, а ее выступление 1-го марта вызвало у него ужас: «Русский бог до сих пор только тем и помогал, что ничего не делал: все как-то распутывалось само собой. Но теперь, кажется, такой затянулся узел, что не чета Гордиеву... А вот еще, если и против нового царя вздумают делать попытки — тогда уж точно — как говорится: завязамши глаза, да беги на край света, пока мужицкая петля не затянула твоей цивилизованной глотки. — Невольно повторяю за Стасюлевичем: хорошее времячко мы переживаем! — Он написал мне письмо, которое живо напомнило мне колокольчик на скаку тройки, когда язык в нем не звенит уже, а только шуршит по стенкам... а-а-а — ай-ай-ай — и ничего не разберешь.

Г-да нигилисты великодушно уверяют, что дадут и новому государю и России несколько недель сроку и роздыху... Зато — потом. Так как теперь эти пустоголовые бубны — сила, то и приходится принимать к соображению эти дурацкие слова,— хотя как их применить к действительности?.. В нынешних журналах уже говорится о смертельных приговорах Лорис-Меликову и даже Победоносцеву.... Дуй, значит, в хвост и в голову! — А свалится ли при этом Россия в бездну и сломит себе шею — им то что, нашим «вспышечникам». (Из письма 18 и 19 марта 1861 г. См. ниже № 6.)

Тургенев недоволен и той «стороной», где стоял Победоносцев. Правительственные «меры» вызывают у него осуждение. Желчную характеристику дает он в письме от 10 января 1883 г. русской официальной партии и ее действиям, поздравляя своего друга Анненкова с новым 1883 годом, «как ни скверно он начинается. Чего стоит одна смерть Гамбетты! Я видел из окна его похороны — и ничего подобного в жизни не видал. Это уже точно целая Франция, целая раса, целый народ — провожали в могилу своего лучшего сына и вождя. И з р е л и щ а подобного я никогда не видывал». А по

контрасту рисует русскую «тишь и благодать»: «А у нас-то, — продолжает он, — экая тишь и благодать! Михайловского и Шелгунова высылают из столицы, Феоктистова сажают владычествовать печатью, Кавелин опять опасно заболевает, Гончаров окривел на один глаз, Победоносцев не идет в монастырь, хотя жена его сделала рогоносцем, рубль стоит ниже 2 фр. 50 сант...

Превосходно!..»

В нарисованной картине смешаны воедино: и болезнь Кавелина, и супружеская неверность жены Победоносцева, и падение стоимости русского рубля.

В письмах рассеяны отзывы о литературных произведениях Л. Толстого («Анне Карениной»), Салтыкова и др., — рассуждения о природе художественного творчества и его отношении к реальной действительности, и признания Тургенева о том, какие «куски» этой действительности использовал он, как художник, для своих созданий. Совершенно новым, неизвестным до сих пор фактом из творческой биографии Тургенева является рассказанный им в письме 20 января 1882 г. эпизод сожжения Герценом его поэмы.

Письма печатаются по автографам, которые считались исчезнувшими бесследно, но в 1921 г. обнаружены были в Симбирске. В настоящее время они хранятся в Центрархиве. Последние абзацы писем №№ 9 и 17, публикуемых здесь, были напечатаны ранее в журнале «Печать и революция», 1922, кн. 2 (5), стр. 98—99.

Н. Бельчиков.

1.

Москва.
Пречистенский бульвар,
д. Удельной Конторы.
Четверг, 24 апреля (6 мая) 1880 г.

Милый Павел Васильевич.

Полагаю, что это письмо застанет вас на самом отлете из Баден-Бадена и потому ограничусь двумя словами: приезжайте, приезжайте скорее — ибо Пушкинский праздник (который будет продолжаться три дня: 25, 26 и 27 мая) — без вас немыслим, и все вас ждут с величайшим нетерпением. [1]) За обедом, 26-го, вы непременно должны будете произнести маленький спич — по поводу какого угодно произведения Пушкина; и вы уже внесены в список, где находятся имена: Гончарова, Достоевского, Островского, Писемского, Потехина, Полонского, Майкова, И. С. Аксакова, Тихонравова, вашего друга Бартенева, вашего покорного слуги и др. — Всякий нехороший элемент будет устранен. Сам я приехал сюда в прошлую пятницу (NB На другой же день пришла телеграмма о низвержении Толстого [2]), такого взрыва общей радости я еще не видывал). Остаюсь здесь до понедельника — потом еду в деревню — в Спасское, — а 24 мая я снова здесь у моего друга Маслова. На пути я посещу Льва Толстого

и постараюсь его убедить также приехать, в чем едва ли успею. Итак — до скорого свидания! Кланяюсь всем вашим и обнимаю вас.

Ив. Тургенев.

2.

(Seine et Oise)
Boujival.
Les Frènes.
Середа, 13 (1) октября 80.

Милый П. В.

И откуда вы это взяли, что один из нас на другого дуется? — Это после сороколетней-то дружбы! — А не писал я вам по трем причинам: во-первых — я провел неделю в Англии (ездил стрелять фазанов и куропаток — и ужасно скверно стрелял) — впрочем это не настоящая причина; во-вторых — на меня нашло какое-то нежелание, недумание, неделание, а потому — и неписание; но и это не настоящая причина, а в третьих — и это главное — вот уже месяц, как я денно и нощно озабочен возможностью свадьбы для моей милой Марианны (но это, пожалуйста, сохраните в тайне), которая в первый раз серьезно полюбила и которую полюбили тоже серьезно; существуют некоторые (надеюсь, устранимые) препятствия; и хотя собственно я тут сделать ничего не могу — но ни о чем другом думать не в состоянии. — А потому не взыщите на меня — и знайте, что моя дружба к вам — та же скала, которую ни волны, ни ветры поколебать не могут: Dixi — et animam meam salvavi.

Впрочем — все идет потихоньку да полегоньку. Здоровье мое недурно — подагра молчит — и я даже — о чудо! — раза два верхом ездил, причем, конечно, натер себе задницу — а впрочем никакой себе беды не причинил. — Видался здесь с Толстым [3]) и милым Ковалевским [4]), который недели две пролежал от нарыва на ноге — но теперь совсем здоров; видался с разными «Алѐками», говоря á la Dostoïevsky; Салтыков уехал — Арапетов [5]) еще тут торчит. Вам, конечно, известно, что Стасюлевичу разрешено водружение знамени, около которого долженствует сгруппироваться слабосильная и малочисленная «конституционная» партия: разрешено появление «крамольного» журнала под названием: «П о р я д о к». [6])

Я обещал поставить ему в 1 номере фельетончик в виде отрывочка из Воспоминаний; до сих пор еще ничего не оторвал. — Вероятно, он и к вам обратится. — Надо помочь хорошему делу. — А в то же время прочли вы начальническую нотацию, сделанную гр. Лорис-Меликовым всем редакторам?

«Приглашаю — мол вас итти по этой дороге; — впрочем не скрываю, что если вы слишком усердно пойдете, то можете получить удар

палкой по носу». — Помните, как Белинский в Зальцбрунне смеялся одной услышанной мною немецкой фразе: «Следует парить — но умеренно». Вот и нам самим пришлось парить или пáрить — как угодно — умеренно. Мы остаемся в Буживале до конца Октября или начала ноября; а там в Париж — а в декабре я думаю в Питер. Надеюсь, что все ваши веселы и здоровы; кланяюсь всем и обнимаю вас.

Ив. Тургенев.

3.

50, Rue de Douai.
Paris.
Суббота, 4 декабря 80.

Милый Павел Васильевич.

Сейчас пришел пакет с «Старыми портретами»; нечего вам говорить, как меня обрадовал ваш отзыв. — Честью вас заверяю, что до его прибытия я вовсе не знал, что это я такое написал — и если б вы мне отсоветовали печатать эту студию, я не удивился бы! — Этим объясняется и мое письмо к Стасюлевичу: я, право, тут не «миндальничал». — Теперь, конечно, это письмо будет уничтожено — и сохранено только несколько строк о форме личного я, как более удобной и дающей мне большую свободу. — Теперь на счет кучерка. — В действительности эта история именно так совершилась и закончилась (я даже имени (Ивана) не переменил). — Это еще, однако, не доказательство: действительность кишит случайностями, которые искусство должно исключать; но мне на ум приходит тот факт, что почти никогда русский убийца сам с собою не кончает — особенно в крестьянском сословье; в Европе же сплошь да рядом. Боюсь, как бы не дать самоубийце Ивану европейский колорит. — Но так как я вашему критическому чувству почти слепо верю, то я намерен, прежде чем отослать свою штуку Стасюлевичу, дать себе дня два, три на размышление — а там и решусь — так или иначе.

У меня в голове готовых еще несколько подобных студий: пожалуй, теперь они и увидят свет. — В начале моей карьеры успех «Хоря и Калиныча» породил «Записки охотника»; было бы чудно, если бы «Старые портреты» оказались тоже плодовитыми — под конец этой самой карьеры.

Еще раз искренне благодарю вас за скорый отзыв: дружески кланяюсь вашей жене, целую деток и обнимаю вас.

Ваш Ив. Тургенев.

4.

50, Rue de Douai.
Paris.
Воскресенье, 19 декабря 1880.

Любезный друг П. В.

Сегодня получил я ваше письмо и сегодня же написал Симонову. Это — какой-то чудачина, который просит вас убедительно, заставляет хлопотать — а потом — ни гугу! Однако ему спуска давать не надо — и деньги он должен возвратить.

На счет кучера Ивана я, верно, не так выразился. Русские л ю д и убивают себя с необычайной легкостью, чуть не с охотой; но русские у б и й ц ы — убивают самих себя — н о ж о м — весьма редко, особенно в простом народе: они как будто чувствуют потребность отдать себя на суд: своего рода искупление греха. — Стасюлевич уже известил меня о получении рассказа. Очень — и очень — жаль Писемского; жаль и бедной его жены. И с чего вздумалось молодому Писемскому сойти с ума. Такой был солидный — и, между нами сказать, — ограниченный человек. «Сие есть тайна», как сказал мне однажды один помещик, который, сходив на двор, непременно плевал в свое испражнение, и которого я спросил о причине такого поступка.

Последние 5, 6 дней были для меня — не совсем веселые. Я всегда знал, что у меня что-то неладно в сердце; но оно вдруг так закуралесило, что я обратился к первому здешнему с е р д ц е в е д у д-ру Нету — и он открыл утолщение одного клапана, подагрические влияния и т. д., налепил мне мушку на грудь и вообще советовал быть очень осторожным. — А уж на что, кажется, я был осторожен! Memento mori... что будешь делать!

Да, в Москве совершаются глупости. Одна — безвредная и только скучная: Аксаковская «Русь»; [7]) другая — вредная: студенческие беспорядки. Нерадостно мы начали жизнь, нерадостно и кончаем.

А впрочем — к чорту уныние!

Кланяюсь всем вашим — и крепко жму вам руку.

Ив Тургенев.

P. S. На всякий случай вот адрес Симонова: Paris, 140, Boulevard S-t Germain.

5.

50, Rue de Douai.
Paris.
Четверг, 4 февраля 81.

Любезный друг П. В.

Во-первых, получаете ли вы в Бадене «Страну»? Прочли ли вы в № от 15 января статью о Чернышевском? — Если нет, скажите —

я вам ее вышлю — а вам советую подписаться на эту л у ч ш у ю нашу газету. Статья эта — благородный поступок честного человека, желающего добра правительству. [8])

Во-вторых. Я до сих пор все еще получаю ругательнейшие анонимные письма по поводу Флобера... вот разворошил шмелиное гнездо. Ай да патриоты! — Прилагаю вам как документ вырезку из «Новостей». Эти меня не бранят, напротив; но замечателен тот факт, что и они приписывают слабый успех «Старых портретов» моему письму! Ну скажите, не прелесть ли такая публика? — Возвратите мне этот отрывок.

В-третьих. — Здоровье мое совсем поправилось — но я не могу выехать, — прежде совершения одного семейного события, о котором вы, вероятно, догадываетесь и которое очень становится возможным и близким. [9])

Кланяюсь вашим и обнимаю вас. Ив. Тургенев.

6.

50, Rue de Douai.
Paris.
Пятница, 18 марта 81.

Получаете ли вы «Страну», любезнейший Павел Васильевич? — Если получаете, прочтите руководящую статью в 27 № от 3 марта (за которую она впрочем получила предостережение). Умнее и дельнее я давно ничего не читал. Л. Полонский — наш первый публицист; в ней вы найдете некоторое подобие ответа на те «проклятые вопросы», которыми наполнено ваше письмо. — Да; несчастная страна — наша родина. — Я не мог не улыбнуться от вашего воззвания о помощи к русскому богу; — и припомнились мне стишки Беранже: Si je conçois comment l'on s'y comporte — je veux, mes enfants, que le diable m'emporte [10]). «Русский бог» до сих пор только тем и помогал, что ничего не делал: все как-то распутывалось само собой. Но теперь, кажется, такой затянулся узел, что не чета Гордиеву... А вот еще, если и против нового царя вздумают делать попытки — тогда уж точно — как говорится: завязамши глаза, да беги на край света — пока мужицкая петля не затянула твоей цивилизованной глотки. — Невольно повторяю за Стасюлевичем: хорошее времячко мы переживаем! — Он написал мне письмо, которое живо напомнило мне колокольчик на скаку тройки, когда язык в нем не звенит уже — а только шуршит по стенкам... а-а-а — ай-ай-ай — и ничего не разберешь.

Г-да нигилисты великодушно уверяют, что дадут и новому государю и России несколько недель сроку и роздыху... Зато — потом! Так как теперь эти пустоголовые бубны — сила, — то и приходится

принимать к соображению эти дурацкие слова — хотя как их применить к действительности?

Суббота, утро.

В нынешних журналах уже говорится о смертельных приговорах Лорис-Меликову и даже Победоносцеву... Дуй, значит, в хвост и в голову! — А свалится ли при этом Россия в бездну и сломит себе шею — им-то что, нашим «вспышечникам».

Свадьба Марианны состоится в начале апреля, вероятно, 5-го или 6-го; и я немедленно потом уезжаю. — Стало быть, около 10 апреля я вас увижу в Бадене — и мы поговорим обо многом... если только у нас хватит духу говорить.

Нынешнюю зиму подагра меня трепала лихо — и я до сих пор еще с трудом хожу — и ноги как у 100-летнего старика.

Кланяюсь всем вашим и крепко жму вам руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Письма ваши я все вам привезу.

7.

50, Rue de Douai.
Paris.
Вторник, 13 декабря 81 г.

Любезнейший Анненков.

Скажу безо всяких оговорок: меня очень обрадовало ваше одобрение «Отчаянного»; я несколько сомневался в нем. Вы угадали: оригинал, с которого я списал его — был мой племянник — Миша Тургенев. [11]) — Я и имя Миши ему оставил. — Легенда о намерзшем льде не мною выдумана: но вы правы — надо либо ее выключить либо оговориться об ее неправдоподобии: что я и сделаю. — Для вас с вашим тонким чутьем — тип Миши оказался ясным; надеюсь теперь, что и в России его поймут; за границей — полагаю, что увидят в нем одно безобразие и варварство. Но ведь я пишу не для «заграницы».

По справкам оказалось, что есть полный прозаический перевод Онегина. «E. O. par Paul Beéson Paris 1868, Franck». Я заказал моему librair'у достать его и отправлю тотчас к вам для доставки Михайлову. [12])

Обнимаю вас дружески. Ваш Ив. Тургенев.

8.

50, Rue de Douai.
Paris.
Четверг, 5 января 82.

Милый П. В.

Пишу вам собственно для того, чтобы через вас извиниться перед Михайловым, которому я написал уже чересчур резкое письмо.

Да ведь и было из-за чего! — Его перевод — нечто ужасное! Я впрочем никак не ожидал, что и вам неизвестны правила о французском e m u e t, без соблюдения которых французский с и л л а б и ч е с к и й стих немыслим. Не говорю уже о других безобразиях. — Он конечно рассердился; но я его избавил от бессмысленного труда и неизбежного посрамления. — А вы все-таки, по дружеству, как-нибудь меня извините.

Поздравляю вас с двумя новыми годами — настоящим и российским — и желаю вам по этому случаю всяких благ — вам и всем вашим. Здоровьем я своим доволен — надеюсь, что и вы своим — также. От Стасюлевича я уже получил

(продолжаю 5-го числа)

разные комплименты за «Отчаянного», даже строгий Кавелин [13]) доволен. Посмотрим, что скажет публика. — Кстати, представьте: одна русская дама пресерьезно уверяла меня, что в России разгадали н а с т о я щ е е значение «Песни торж. любви»: Валерия — это Россия; Фабий — правительство; Муций, который хотя и погибает, но все же оплодотворяет Россию — нигилизм; а немой малаец — русский мужик (тоже немой) — который воскрешает нигилизм к жизни!! Какова неожиданная аллегория?! Как m-r Jourdain, qui parlait en prose sans le savoir — я все это глубокомыслие сочинил, сам того не подозревая!

Мои здесь все здоровы и благоденствуют. Марианне остается ждать еще месяц. — Пока — все в исправности. Кланяюсь всем вашим и обнимаю вас.

Преданный вам Ив. Тургенев.

9.

Париж.
50, Rue de Douai.
20 января 1882.

Милый Павел Васильевич.

Прежде всего два слова о переводе Онегина. Читали ли вы мое письмо? Оно очень было резко — но откуда взял М[ихайлов] озлобление? — И никакой а п о с т р о ф ы в нем не было. — Я написал: любезнейший г. Михайлов — ибо не помнил ни отчества его, ни имени; но уж никак не Михайлов! — Совершенно справедливо, что Пушкина надо переводить стихами; — на прозаический перевод никто не обращает внимания — ибо существует н е о б ы ч а й н о - в е р н ы й прозаический перевод Онегина на французском языке — именно: перевод, сделанный м н о ю и Виардо и помещенный в Revue Nationale лет 20 тому назад; — и он до того остался незамечен-

ным, что не помешал появиться тому безобразному переводу, из которого вы цитируете «поэта Танбурского» — но зато и нужно, чтобы перевод в стихах был бы сделан тоже поэтом. — Вы говорите, что следовало мне отнестись с большим снисхождением к труду старца, желающего чем-нибудь наполнить свои досуги; но именно из уважения к этому старцу я должен был постараться отклонить его от такого безысходного дела; тем более что, как то было доказано переводом Гейне, этот самый старец владеет русским стихом и не лишен таланта переводить; чтобы ему взяться за какого-нибудь французского или немецкого поэта? Вышло бы полезное и приятное дело. Но переводить П у ш к и н а — человеку, не знакомому с грамматикой языка, на который он переводит — воля ваша — это преступление: c'est plus qu'un crime, c'est une faute. — Я до сих пор благодарен Герцену, который, выслушав одну мою рукописную поэму, молча взял ее из рук моих и бросил ее в огонь; — я бы желал убедить г. Михайлова, что одно искреннее сочувствие к нему побудило меня дать ему подобный совет. — А впрочем — пусть он делает, как знает. — Нет, любезный друг, нельзя, как вы говорите, допустить, чтобы все сколько угодно гуляли и возились около Пушкина; — ставят же ограды около мраморных статуй.

А — теперь баста!

Вчера, здесь, как вам известно, совершился финансовый и политический крах — и Гамбетта, еще за два месяца популярнейший человек во Франции и в палате, кверху тормашками полетел в грязь. — Поучительный казус! — «Так на свете все превратно». — Но что из сего выдет? — «Мудрый Эдип, разреши!» Я не берусь. Все мои здоровы; состояние Марианны отличное... Через три дня ожидается разрешение. Я тоже здоров. — Кланяюсь всем вашим и дружески жму вам руку.

Преданный вам Ив. Тургенев.

10.

50, Rue de Douai.
Суббота, 25 февраля 1882.

Я все откладывал да откладывал писать вам, любезнейший друг П. В., в надежде, что буду в состоянии известить вас о благополучном разрешении Марианны. Его ждали к 5-му — потом к 10-му, потом к 15-му, сегодня 25-е, и все еще ничего нет, хотя случиться может ежеминутно. Решаюсь написать вам несколько слов — хотя утешительного сообщить мало. Давно назревавшая катастрофа с моим зятем и дочерью совершилась — он умудрился пустить на ветер даже те деньги, которые я полагал упрочить за моими внуками, стал пьянствовать, грозить то себя убить, то ее — и теперь я ежедневно ожидаю,

что она прибежит сюда со своими детьми, — я должен буду ее прятать — и немедленно завести процесс de séparation de corps et de biens, уже я переговорил с адвокатом и avoué — и так как надо опять обзавестись деньгами — продал своего любимого Руссо — продаю лошадь, кареты и т. д. Словом — нечто вроде краха. Невесело, как видите.

Читал я своего «Отчаянного» (не Бешеного) — в нашем кружке — с успехом: великий князь изволил смеяться — впрочем мы с ним в приятельских отношениях: он даже сам свел меня к своей quasi-жене — Кузнецовой, с которой он здесь живет maritalement: трое детей, а она — простая, некрасивая и очень тихая и скромная горничная. [14]) — В России критика отнеслась к «Отчаянному» неблагосклонно; а здешние «иллегальные» обиделись. — Повторилась в малом виде история Базарова. — Французским lettrés эта вещь понравилась; Тэн меня даже сконфузил своими комплиментами.

Истории с Лавровым и Скобелевым вам, конечно известны. [15]) Сей последний оказался таким же безмозглым, как Карл XII, на которого он физически очень похож. А между тем его как будто поддерживают в наших высших сферах — и тем еще усугубляется царствующий там сумбур. — Аминь, аминь, говорю вам, ничего еще не было подобного тому, что теперь происходит в любезном нашем отечестве — а уж какие мы видали виды! — И хоть бы от французов заслужил Скобелев благодарность... Куда! Ругают его все самым искренним и дружеским манером.

Уезжаю я отсюда через 6 недель — и, конечно, через Баден-Баден, где я вас еще застану. Хочется поскорей добраться до деревни. — Авось там присяду за работу.

А может быть и это — мечта.

Устроили мы здесь выставку произведений русских художников. — Посещается она слабо... да оно и понятно. — За исключением крошечных пейзажей Похитонова — mediocritas!

Здоровьем я своим доволен... а каково ваше?

Что поделывают дети, жена?

Всем им кланяюсь, а вас обнимаю. Ив. Тургенев.

11.

(Seine et Oise)
Bougival.
Les Frènes.
Вторник, 15 августа 1882.

Милый Павел Васильевич.

Отвечаю по пунктам на ваше письмо: 1) Статья «Славянофилы и семейство А—х» написана мною лет 8 тому назад и третирует во-

просы более с литературно-биографической точки зрения — хотя и есть в ней две, три политические фразы, не лишенные верности, сколько мне кажется; я прибавлю к ней всего несколько строк. 2) Я напишу Тютчеву С. Н., [16]) чтоб он соблаго[во]лил ящик с книгами доставить в редакцию «Вестника Европы», о чем я спишусь с Стасюлевичем, который был у меня на-днях, проездом в Д и н а р — местечко возле S-Malo, на морском берегу; а бумаги, присланные вам, пусть у вас и останутся. 3) Я вовсе не покинул мысли доставить вам целый ящик с моей корреспонденцией и прочими манускриптами,— но проклятая моя болезнь помешала исполнению этой мысли, как и многому другому. Однако я непременно это сделаю. Что касается до моей болезни, то она в status quo — есть небольшое облегчение с тех пор, как я питаюсь исключительно м о л о к о м — но это лечение должно продолжаться еще 6 недель. — Пока сижу сиднем в буквальном смысле слова.

Кроме Стасюлевича, заезжал ко мне Арапетов. — Такой же большой, зычный, но невнятный колокол.

Все мои здесь здоровы.

Кланяюсь вашим и обнимаю вас. И в. Т у р г е н е в.

P. S. На-днях мне некий майор Штюнкель прислал изданный в Лейпциге перевод 4 моих повестушек. — Знаете, как он перевел изречение дворового о своем состоянии — «Известно... За хвост да на солнце!» — Hinter dem Schweif aber zur Sonne!» Я хохотал до упаду.— Прелестнее этого ничего придумать нельзя!

12.

(Seine et Oise)
Bougival.
Les Frênes.
Воскресенье, 28 августа 1882.

Любезнейший Павел Васильевич.

Итак вы теперь на Утлиберге — и дышите крепительным воздухом гор! — Желаю, чтобы вы нашли там лучшую погоду, чем та, которая свирепствует здесь — хотя, говорят, и в Швейцарии она все это время была прескверная. — Одна Россия жарится на солнце— «бо благоденствует» — как сказано у Шевченки. — Передал ваше поручение Арапетову. — Он благодарит за приглашение — но удалиться на такое расстояние от Café de Paris, где он ежедневно обедает на 30 франков, — не в состоянии!

Здоровье мое действительно поправляется; но прогресс так медлителен, что заслужил бы одобрение самого Каткова! Пью молоко с остервенением. — Только это мне и помогает. — Почтенный Кар-

рель [17]) мне об этом, действительно, писал и прислал брошюрку. — Уведомлю его... если выздоровлю.

Дело моего издания все еще находится в моменте родильных мук, [18]) Авось акушёру Топорову удастся вывести младенца на божий свет.

Стасюлевич все еще находится в Динаре — но к концу недели жду его сюда, так как ему 1 сентября ст. ст. нужно присутствовать при появлении книги «Вестника Европы».

Полонские все живут у меня в деревне. Там же живет Всеволод Гаршин, тот молодой писатель, на которого — из нынешних — больше всего можно возлагать надежды. — Вы, может быть, знаете, что он сходил с ума; теперь, однако, поправился — и, как слышно, принялся за работу. Засим, кланяюсь всем вашим и дружески вас обнимаю.

Ив. Тургенев.

13.

(Seine et Oise)
Bougival.
Les Frènes.
Воскресенье, 3 сентября 1882.

Любезнейший Павел Васильевич, в пандáн вашему (общему вам с митрополитом Макарием) восклицанию во время кувыркания по скату швейцарской горы — я, читая ваше письмо, внутренно все воскликал: «Однако!! Однако!!» Ну, слава богу (и хвала площадке!), что все так обошлось — и вы, полежавши осторожно в постели, к 15 сентября — очутитесь еще более бодрым и здоровым человеком, как император Вильгельм после двух полученных выстрелов. — Нет, видно, в наши годы надо не только ходить, но вообще жить и действовать нужно с «опаской», как говорится у нас в Орле. По словам одной моей тетки, даже щи надо хлебать с опаской. Не опасешься, глядь, муху проглотишь! — что не помешало, однако, этой самой тетке умереть от холеры, съевши арбуз и закусив дыней.

Жду на-днях сюда Стасюлевича с берега моря. — Надо будет потолковать о новом издании, которое Топоров, наконец, благополучно продал Глазунову — так как я вчера получил от Гинцбурга телеграмму, в которой значится, что уже весь задаток (5 500 р.) внесен. «Заметки и мысли», о которых вам говорил Стасюлевич — те же «стихотворения в прозе» — из которых я вам два, три прочел. — Я выбрал 50 (ни одного с у б ъ е к т и в н о г о) — и отдал Стасюлевичу с вопросом: стоит ли их печатать, без имени — или с именем? — Он их привезет сюда — и они все поедут в Баден на ваше рассмотрение и окончательное решение. Сверх того имею сообщить вам новость: на меня вдруг нашел «стих» — и я в течение последних двух недель написал

повесть (в 3 листа печатных) довольно странного свойства. Это тоже будет переписано и, разумеется, отправлено к вам. Если повесть одобрится, то будет напечатана в январской книжке «Вестника Европы» [19]).

Читал я «Черный передел». Очень мне понравилось. Живой и знающий человек писал. — Сообщу настоящее имя автора Стасюлевичу. — Ведь М., кажется, московский профессор?

Карреля я непременно поблагодарю... но погодя немного, тогда, как польза от молока выскажется определительнее. В эту минуту в моем выздоровлении оказывается попятное движеньице. — Ездить в карете стало почти невозможным. Грудные нервы не выносят сотрясенья. Я уже писал вам раз по баденскому адресу — и на сей раз так же поступаю.

Кланяюсь всем вашим и крепко жму вам руку, желая вам от души полнейшего и скорейшего выздоровления.

Ив. Тургенев.

14.

Seine et Oise
Bougival.
Les Frènes.
Суббота, 16 (4) сентября 1882.

Любезнейший Павел Васильевич.

Итак вы опять в вашем гнездышке, Бадене, где, как некий боевой генерал, окончательно залечите раны, полученные вами в сражении с швейцарскими горами! — Надеюсь, что вскорости никакого следа от них (не от гор — но от ран) — не останется, так же как и от Араба, национальной Египетской партии, этой бедной дурочки Фейгин — и русской прессы, если осуществится высший инквизиционный комитет цензуры.

А теперь приходится сообщить вам несколько новостей.

Во-первых: я окончил вчера переписыванием повесть (листа в три печатных) под заглавием: «После смерти». — На-днях она отправится к вам на суд и рассмотрение. — Помещена она будет, вероятно, в январской книжке «Вестника Европы».

Во-вторых: на счет моих «Стихотворений в прозе», которые я озаглавил было сперва «Posthuma», потом «Senilia» — но которые Стасюлевич (вчера прибывший с берегов моря и посетивший меня) желал бы назвать «Зигзаги»? Месяц тому назад я выбрал из сотни — 50 (исключив все личные) и дал ему, но с непременным условием, чтобы они были посланы вам, и чтобы вы разрешили следующие вопросы:

a) Следует ли их вообще печатать?
b) Следует ли выставить мое имя?
c) Если печатать, то какие выкинуть?

Э то было мое conditio sine qua non. — Стасюлевич согласился, но для удобства предлагает следующее: он повезет все эти 50 штук в Петербург, велит их набрать в двух экземплярах на веленевой бумаге — и пошлет один — вам, с о с в о и м и з а м е ч а н и я м и — а мне другой. Но это не должно помешать вам в случае, если вы все-таки найдете cette publication intempestive — объявить это мне — и экземпляры будут уничтожены, хоть и на веленевой бумаге. Во всяком случае мы успеем списаться и т. д.

В моем здоровье произошло небольшое облегчение — но в сущности все-таки это прежнее status quo — и я продолжаю быть неподвижным моллуском. — Однако пью молоко с остервенением. За сим кланяюсь всем вашим и дружески крепко жму вашу руку.

Ив. Тургенев.

P. S. Повесть вы получите на будущей неделе.

15.

Les Frènes.
7 октября 1882.
Seine et Oise
Bougival.

Милый Павел Васильевич.

Обращаюсь к вам с просьбой. — На-днях вы получите от моей дочери из Солотурна (M-me Marie Durand) просьбу выслать ей два карманных лексикона и несколько английских и немецких книг. — Будьте так любезны, исполните это, а мне дайте знать, сколько это будет стоить. — Деньги я вам немедленно вышлю. Читали вы в сентябрьском номере «Отечественных записок» «Современную идиллию» Щедрина? Такого полета сумасшедше-юмористической фантазии я даже у него не часто встречал. Хороша также (только растянута) статья Михайловского о Достоевском. Напрасно он только не указал на схожее явление во французской литературе — а именно на пресловутого маркиза де Сада, который, кроме своей «Justine» написал еще «Tourments et supplices»; — в этой книге он с судорогами сладострастья настаивает на удовольствии наносить раны, страдания, муки и т. п. Только ему епископы не пели панихид — как наши архиереи нашему де Саду.

Надеюсь что вы бодры и...*).

*) На этом текст письма обрывается.

16.

Les Frènes.
17(5) октября 1882.
Seine et Oise
Bougival.

Милый Павел Васильевич.

Ваш отзыв о моих «стихотворениях» меня искренне обрадовал и успокоил. Теперь я уже не сомневаюсь в том, что следовало их напечатать. Я уже отправил обратно корректуру. Все ваши замечания были приняты к сведению. Через месяц я, быть может, пришлю вам и остальные пятьдесят, — не с тем, чтобы издать и их (большая часть не для печати), а с тем, чтобы и они были вам известны. Посылаю вам обратно письмо Стасюлевича. Великое вам спасибо за отправку книг моей дочери. — Не забудьте прислать счет, когда вам его представят. Из того, что вы говорите о вашем здоровье, я заключаю que nous sommes logés à la même enseigne. Вы совершенно здоровы... только не действуете одним коленом. И я совершенно здоров — только не могу, по прежнему, ни стоять, ни ходить. Пока — примиряюсь с этим.

Кланяюсь всем вашим — (а также и г-же Аншетт) — и обнимаю вас

Ив. Тургенев.

17.

Париж.
50, Rue de Douai.
10 января (29 декабря) 1883.
Середа.

Через три дня, а именно в воскресение, любезный Павел Васильевич, будут вырезывать у меня именно н е в р о м — а не шишку или лупу. Этот доселе мне по имени неизвестный господин именно тем скверен, что, состоя из целого клубка перепутанных нервных нитей, должен быть насильственно вылущен или вырываем — между тем как лупа, после удара ножа, сама выдает все свои внутренности. — Опасность состоит не в самой операции, как она ни мучительна и ни продолжительна, — а в возможности двух следующих последствий: рожи или воспаления брюшной полости. Оттого-то и придется мне пролежать после операции недели две недвижимо. Но я не унываю: «le vin est tiré — il faut le boire» говорят французы — да к тому же я буду в искусных руках. А вы в воскресение — между 11-ю и 1-м — сочувственно подумайте обо мне. Это не мешает мне однако поздравить вас с новым годом, как ни скверно он начинается. Чего стоит одна смерть Гамбетты. Я видел из окна его похороны — и ничего подобного в жизни не видал. Это уж точно целая Франция, целая раса, целый народ

провожали в могилу своего лучшего сына и вождя. И з р е л и щ а подобного я никогда не видывал. А у нас-то — экая тишь и благодать! Михайловского и Шелгунова высылают из столицы, Феоктистова сажают владычествовать печатью, Кавелин опять опасно заболевает, Гончаров окривел на один глаз, Победоносцев не идет в монастырь, хотя жена его сделала рогоносцем, рубль стоит ниже 2 фр. 50 сант... Превосходно!.. Так как всегда нужно все по-возможности предвидеть — особенно все нехорошее — то вы найдете в этом письме записку от меня к вам, в силу которой вы будете иметь право, в случае моей смерти, разобрать мою корреспонденцию и взять себе все, что найдете интересным. Я об этом предупредил моих друзей Виардо.

А засим желаю вам всего хорошего, обнимаю всех ваших и остаюсь

Преданный вам И в. Т у р г е н е в.

18.

Париж.
50, Rue de Douai.
[1875 г.?].

Милый Павел Васильевич.

Я только потому не негодую на вас, что сам был часто тою же виною виноват перед вами, да сверх того вы обещаетесь исправиться и приехать в нашу ново — если не рожденную, — то окрещенную республику. — Мы вас будем беречь здесь как зеницу ока, возвратим вас цела и невредима вашей семье и всячески будем стараться развлекать и занимать вас. Право, тут теперь завелось много хорошего и интересного, что стоит посмотреть. Что «Просвещенное время» плохо — этого следовало до некоторой степени ожидать; но что роман Толстого неудовлетворителен — это горестно. Не знаю, как вам покажется «Анна Каренина», а я нашел ее, то есть ее начало, манерным, мелким, «léché» — как говорят живописцы, и неинтересным. — Может быть, дальше пойдет лучше. — Будем ждать.

Кропотливо и вяло — вот общее впечатление; есть места хорошие, но немного.

Затеи, подобные Коршевой, [20]) тогда хороши, когда могут выдержать два, три года трудного существования: хватит ли для этого у него терпения, капитала — и умения? — И где сотрудники? Штука сомнительная — и имеет еще ту невыгоду, что дает в Петербурге повод прокричать: ага! Стало быть, он враг, и покойный Лонгинов [21]) был прав! Надо это все хорошенько обдумать, взвесить le pour et le contre

Я тоже часто встречался с г-жей Гервег [22]) в Бадене и нарочно избегал возобновления знакомства. С ней-то бы ничего; но он уже слишком противен.

Итак, я надеюсь, до скорого свидания; а пока будьте здоровы и бодры. Кланяюсь всем вашим и крепко жму вам руку.

Ив. Тургенев.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Пушкинские празднества в Москве по случаю открытия памятника поэту начались не 25 мая, а 6 июня, — продолжались три дня. Отсрочка произошла вследствие смерти жены Александра II — Марьи Александровны, умершей 22 мая. — Анненков был на торжествах и приехал туда около 27 мая (см. письмо Ф. М. Достоевского к жене от 27 мая — «Красный архив», 1922, том I, стр. 383).

[2]) «Низвержение Толстого» — увольнение министра народного просвещения Дмитрия Андреевича Толстого, занимавшего этот пост в 1866—1880 гг. и известного насаждением в школах церковно-античного образования, произошло в апреле 1880 года.

[3]) Какой Толстой, — установить не удалось.

[4]) Ковалевский, Максим Максимович (1851—1916 гг.), известный историк права и социолог.

[5]) Арапетов, Иван Павлович (1811—1887 гг.) — деятель крестьянской реформы (член редакционной комиссии), чиновник удельного ведомства и II отд. собст. е. и. в. канцелярии, был в дружбе с Боткиным, Кавелиным и др.

[6]) «Порядок» — ежедневная, политическая и литературная газета, изд. в 1881—1882 гг. Прекратилась на 8 № 1882 г. — Тургенев в № 1 и № 2 за 1881 г. напечатал «Старые портреты».

[7]) «Русь» (газета) И. С. Аксакова начала выходить в свет 15 ноября 1880 г., и Тургенев, следовательно, только что мог узнать о новом издании. Славянофильству в его поздней формации Тургенев не сочувствовал, как и студенческим волнениям.

[8]) В № 7 за 15 января 1881 г. газеты «Страна» напечатана была передовая о необходимости возвращения Чернышевского.

[9]) Семейное событие — вероятно, свадьба младшей дочери П. Виардо — Марианны, состоявшаяся 6 апреля (25 марта) 1881 г.

[10]) В русском вольном переводе «Ивана да Марьи» это стихотворение Беранже («Le bon Dieu») читается так:

Благосклонный Зевс.

Проснувшись, как-то раз, Зевес
На землю поглядел с небес,
Желая знать, на месте ль эта
Им позабытая планета,
И видит: с прежней быстротой
Вдали вертится шар земной.
«Ну, — молвил Зевс, — когда я знаю,
Как все вертясь, не отдыхая,
Там человечество живет,
То пусть сам чорт меня возьмет!»

(Полн. собр. песен Беранже по парижскому изд. 1867 г. в переводе русских писателей под ред. И. Ф. Тхоржевского. Тифлис 1892. Вып. XII.)

[11]) Миша Тургенев — племянник, сын двоюродного брата И. С. Тургенева, Николая Петровича Тургенева.

[12]) Михайлов, быть может, — Шеллер, Александр Константинович (1838 — 1900), писавший под псевдонимом А. Михайлов. («Песни Гейне в переводе». СПБ. 1858 г.)

[13]) Кавелин, Константин Дмитриевич (1818 — 1885 гг.) — либеральный юрист-цивилист и философ.

[14]) Великий князь Константин Николаевич, живший с балериной Кузнецовой.

[15]) История с Лавровым неизвестна. Об истории со Скобелевым см. «Красный архив, т. XXVII, «Речь Скобелева в Париже в 1882 г.».

[16]) Тютчев, Сергей Николаевич (1820 — 1898 гг.) — д. с. с., управляющий петербургской удельной конторой; отец известного землевольца Николая Сергеевича Тютчева.

[17]) Не Каррель, а Карелль, Филипп Яковлевич, — врач, ум. в 1886 г.; лейб-медик с 1849 г. при Николае I и Александре II; автор брошюры «Ueber die Milchkuhr: Vortrag, gehalten im deutschen ärztlichen Verein zu St.-Petersburg» (Одесса 1882 г.).

[18]) Речь идет о 4-м (СПБ 1882 г.) или 5-м (СПБ 1883 г.) издании полного собрания очерков и рассказов 1847 — 1876 гг.

[19]) Повесть «в 3 листа печатных» — «Клара Милич», напечат. в 1-й книге «Вестника Европы» за 1873 г.

[20]) В. Корш с 1876 г. хотел издавать несколько журналов по критике и библиографии («Университет», «Критическое обозрение», «Литературная летопись».

[21]) Лонгинов, Михаил Николаевич (1823 — 1875 гг.) — известный библиограф. Был начальником главного управления по делам печати; избыток усердия его в этой должности вызвал игриво-колкое послание к нему гр. А. К. Толстого. Лонгинов был главным автором правил 31 мая 1872 г., изменивших в смысле расширения власти министерства внутренних дел закон о печати 8 апреля 1865 г.

[22]) Гервег (Herweg), Георг (1817 — 1875 гг.) — один из наиболее выдающихся немецких политических поэтов 40-х годов прошлого столетия.

Из записной книжки архивиста.

П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г.

Печатаемые ниже документы представляют собой переписку, возникшую между Столыпиным и министерством иностранных дел в связи с толками, появившимися во французской прессе по поводу известного конфликта Столыпина с Госуд. Советом из-за провала последним законопроекта о введении земства в 6 губерниях Западного края [1]). Поводом к внесению этого законопроекта послужило то обстоятельство, что при первых выборах в Госуд. Совет от курии землевладельцев Западного края прошли одни поляки и ни одного русского. Тогда 33 члена Госуд. Совета внесли предложение об изменении порядка выборов в Госуд. Совет от 9 неземских губерний. Правительство согласилось разработать соответствующий законопроект, но при обсуждении его в Госуд. Думе было предложено одновременно разрешить вопрос о введении земства в Западном крае.

Разрабатывая новый законопроект, «правительство... прежде всего задало себе вопрос, каким образом оградить русское государственное начало», т. е. как устроить, чтобы в крае, где русское население составляло меньшинство, «вполне обеспечить русский характер, чтобы обеспечить там преобладание русских сил». С этой целью в действующее «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 12 июня 1890 г. был внесен ряд существенных изменений: так как в Западном крае крупное землевладение было сосредоточено в руках польских помещиков, то вместо выборов по куриям: землевладельческой и крестьянской—были введены выборы по национальным куриям: русской и польской, причем земельный ценз для избирателей русской курии был вдвое понижен; норма представительства для русской курии также была понижена; особое представительство получали священники. Кроме того, председатели земских управ и училищных советов должны были быть русскими, равно как и не меньше половины членов земской управы. Евреи совершенно были лишены избирательных прав.

Это законодательное предположение встретило резко-отрицательное отношение со стороны и левых и правых членов Госуд. Совета. Правые, противники земства вообще, ополчились особенно против этого законопроекта из опасений, что снижение земельного ценза обеспечит преобладающее влияние за мелкими землевладельцами и особенно крестьянством. Левые же отвергали законопроект, будучи против национальных курий.

Как известно, законопроект, принятый Думой, был отвергнут подавляющим большинством членов Госуд. Совета. Тогда, 12 марта, Столыпин распустил на 3 дня Госуд. Думу и Госуд. Совет,

[1]) См. «Красный архив», т. II(IX) 1925 г., стр. 291—294 и т. XXX(VI) 1928 г., стр. 85—88.

для проведения в порядке 87 ст. осн. законов. Характерно для Госуд. Совета, что указ о роспуске был встречен троекратным «ура». В знак протеста против этого «неконституционного акта» председатель Госуд. Думы, лидер фракции октябристов, А. И. Гучков, сложил с себя полномочия. Столыпин подал в отставку. Создался «министерский» и «парламентский» кризис. Иностранная буржуазная пресса, как «Тан», «Нейе Фрайе Прессе» и др., оплакивали возможность ухода Столыпина, как человека, сумевшего справиться с «анархией» в России и водворить в ней «порядок».

Добившись отставки Трепова и Дурново, лидеров правых Госуд. Совета, Столыпин взял свою отставку обратно, а октябристы, поиграв в оппозицию, вернулись к мирному сотрудничеству с правительством.

Подлинники печатаемых ниже документов хранятся в Архиве Революции и Внешней Политики в личном архиве Нератова.

Ф. Драбкина.

Секретная телеграмма посла в Париже А. П. Извольского вр. управляющему мин. иностр. дел А. А. Нератову от 14(27) марта 1911 г. № 33.

Благоволите передать от меня П. А. Столыпину нижеследующее: очень опасаюсь неизбежных, крайне вредных для нас, кривотолков в здешних политических и газетных кругах о наших внутренних событиях, о которых корреспонденты сообщают самые противоречивые сведения. Не откажите снабдить меня по телеграфу возможно подробными объяснениями, дабы я мог попытаться соответственным образом направить здешнюю печать, в случае надобности, даже путем личного интервью с представителем одной из здешних крупных газет.

Отношение вр. управляющего мин. иностр. дел на имя председателя Совета Министров П. А. Столыпина от 15 (28) марта 1911 г.

Временно управляющий министерством иностранных дел, свидетельствуя совершенное свое почтение его высокопревосходительству Петру Аркадьевичу, имеет честь препроводить при сем копию секретной телеграммы гофмейстера Извольского от 14 сего марта № 33, покорнейше прося указания относительно ответа, который должен быть дан императорскому послу в Париже.

Нератов.

С. Петербург. 15 марта 1911 года.

Письмо П. А. Столыпина на имя А. А. Нератова от 15 (28) марта 1911 г. [1])

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич.

Я набросал то, что желательно было бы телеграфировать А. П. Извольскому, но опасаюсь, по правде, таких интимных сообщений официальным путем через канцелярии.

Сделайте из моей рукописи, что хотите, но затем прошу ее уничтожить.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

15 марта 1911 г. П. Столыпин.

Проект телеграммы А. П. Извольскому, составленный П. А. Столыпиным.

Париж. Гофмейстеру Извольскому.

События последних дней вызваны неестественною партийною группировкою в Государственном Совете, где объединением крайних крыльев от-

[1]) Письмо Столыпина написано на полулисте почтовой бумаги, а текст проекта ответа Извольскому — между строк записки Нератова, напечатанной на пишущей машинке. Нератов сохранил эту переписку в своем личном архиве, а текст

клонялись или задерживались законопроекты, проведенные правительством через Думу [1]). Это особенно ярко выразилось отклонением законопроекта о введении земств в Западном крае, успешно прошедшего через Думу и считавшегося правительством мерою большой политической важности. После отклонения законопроекта П. А. Столыпин подал в отставку и согласился остаться в должности лишь при условии проведения законопроекта в жизнь в думской редакции. Так как редакция эта не имела шансов быть проведенною в верхней палате, то закон издан в порядке статьи 87-ой, с последующим одобрением палат. Одновременное увольнение в отпуск Дурново и Трепова вызвано закулисною работою этих лиц против кабинета. Государственная Дума предъявила запрос в виде протеста против применения 87-ой статьи, опасаясь прецедентов, которые немыслимы, так как, при необходимости последующего одобрения Думы, мера, проводимая по этой статье, должна быть для Думы приемлема [1]).

Вероятно скорое успокоение. Октябристами не решено переходить в оппозицию.

Желательно направить в должном смысле печать. Ваше личное интервью нежелательно.

Русская металлопромышленность и международные тресты.

В связи с вопросом о связанности русских трестов с международными и о возможном влиянии последних на русскую политику представляют интерес печатаемые здесь два, относящиеся к 1908 г., письма к тогдашнему председателю Совета Министров П. А. Столыпину, в которых сообщается об учреждении в Брюсселе новой организации, называемой «Международным металлургическим трестом». Автор писем, находящийся, — по его словам — по службе своей «в некоторой зависимости от лиц, состоящих учредителями этой организации», осведомляет, между прочим, Столыпина, что этот международный трест главную свою работу предполагает направить в Россию — и это, собственно, и придает письмам особый интерес.

Но ранее чем говорить об этом, приведем самые тексты писем.

1.

Его высокопревосходительству господину председателю Совета Министров Петру Аркадиевичу Столыпину.

Марта 6 дня 1908 года.

Ваше высокопревосходительство.

В последних числах февраля месяца с/г. в Брюсселе состоялось первое собрание учредителей новой организации, именуемой «Международным металлургическим трестом». Основной капитал названного треста решено довести посредством выпуска акций до 600 миллионов марок, т. е. до 280 миллионов рублей. Для реализации этих акций будут привлечены германские банки, хранящие русское золото. Пред-

письма Столыпина переписал собственноручно, отправив его Извольскому за своей подписью. На отпуске рукой Нератова приписано на полях: «Прошу отправить и сохранить эту телеграмму в особливой тайне. А. Нератов». На отпуске помета канцелярии: «Отпр. 16/III. № 342.

[1]) Госуд. Совет отверг также принятый Госуд. Думой законопроект о старообрядческих общинах, причем соглашение о нем не было достигнуто и в согласительной комиссии

[1]) По точному смыслу закона, 87-я ст. могла применяться правительством лишь «во время прекращения занятий Госуд. Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере», чего в данном случае не было.

ставители этих банков вошли уже учредителями в эту организацию.

Деятельность названной организации предположено направить главным образом на Россию, где немедленно и решено открыть филиальное отделение под наименованием: «Русский металлургический трест». Под этим наименованием и будет вскоре представлен на утверждение устав этой организации.

Зная лично главных инициаторов этой организации, их злостный замысел и их глубокую ненависть к России и ко всему русскому, я как сын моей родины — многострадальной Руси святой, считаю долгом своим предупредить вас, ваше высокопревосходительство, о готовящемся новом и крайне опасном вражеском набеге на нашу родину.

Обращаясь к вашему высокопревосходительству с вышеизложенным сообщением, я глубоко верю, что вы как государственный муж и как, прежде всего, русский человек, призванный стоять на-страже России, примете надлежащие меры к предотвращению готовящегося вражеского нашествия и не допустите к функционированию в России этого крайне опасного учреждения.

Хочется верить, что ныне это новое вражеское нашествие встретит надлежащий отпор как со стороны правительства, во главе коего стоите вы, ваше высокопревосходительство, так и со стороны государственных учреждений — Совета и Думы, призванных стоять на-страже закона и интересов России.

Очень хотелось бы также верить и в то, что как вы, так и Совет Министров вообще, обратят надлежащее внимание и на существующие уже в России подобного же рода организации, развившиеся вследствие усердной поддержки их в свое время знаменитым деятелем России — графом С. Ю. Витте.

Заканчивая пока этим настоящее сообщение свое, я очень хотел бы отогнать закрадывающееся чувство сомнения в том, что будет ли понятна во всем объеме та опасность, которая угрожает России в случае допущения в ней функционирования «Металлургического треста».

Ведь граф С. Ю. Витте так сумел направить взгляд правящих сфер Петербурга на привлечение иностранного капитала для развития промышленности в России (хотя в действительности-то привлекался не иностранный, а русский капитал, хранящийся лишь только в иностранных банках), что там, кажется, совершенно перестали видеть различие между развитием русской и иностранной промышленности в России.

Об этой разнице я прошу разрешения написать в следующий раз, а теперь позвольте надеяться, ваше высокопревосходительство, что вы уделите время для прочитания этого письма моего.

Примите уверение в искренней преданности к вам, ваше высокопревосходительство.

[подпись.] [1])

Очень прошу вас считать это письмо мое конфиденциальным, так как я по службе своей нахожусь в некоторой зависимости от лиц, состоящих учредителями этой организации. *Н. В.*

2.

Апреля 10 дня 1908 года.

Его высокопревосходительству господину председателю Совета Министров Петру Аркадиевичу Столыпину.

Ваше высокопревосходительство.

В дополнение к письму моему от 6 марта сего года о «Металлургическом

---

[1]) Подпись автора неразборчива, ясны только инициалы — «Н. В.». Оба письма написаны на машинке и представляют собой подписанные автором копии подлинника документов. Копии, с которых письма здесь печатаются, сохранились

тресте», я, ввиду угрожающей опасности от этой в высшей степени вредной организации и тех приемов, к которым организаторы решили прибегнуть, позволил себе еще раз написать вам, ваше высокопревосходительство, чтобы обратить ваше внимание на только что полученные мною сведения, которые считаю безусловно верными.

Дело в следующем: организаторы «Металлургического треста», предвидя возможность возникновения в правительстве, государственных учреждениях — Совете и Думе — и в обществе неблагоприятного течения для задуманной ими организации, решили заранее принять соответствующие меры для противодействия этому возможному течению. Для этой цели ими было созвано 25 марта сего года экстренное собрание учредителей, на котором было постановлено:

1) Открыть кредит в размере до 6 500 000 рублей для скорейшего осуществления организации в России «Металлургического треста» и устранения препятствий, могущих встретиться на пути к этому осуществлению как со стороны лиц, так и со стороны учреждений.

2) Если же к осуществлению названного «треста» в намеченном проектом устава виде встретится непреодолимое препятствие, то переименовать его в «Общество металлургической и горной промышленности в России» и соответственным образом изменить устав на общем основании закона об акционерных или паевых обществах.

3) Поручить особо избранным лицам изыскать причины (вернее, создать их), для устранения которых русскому правительству пришлось бы прибегнуть к внешнему займу, непременным условием которого было бы допущение «Металлургического треста» в России в намеченном первоначальным проектом устава виде.

Вот таково постановление собрания учредителей названного «треста», сделанное 28 марта сего года.

Какие причины собираются создать организаторы «треста», для устранения или, вернее, преодоления которых русскому правительству пришлось бы прибегнуть к внешнему займу, я о них говорить пока не буду, так как точно их не знаю. Но судя по крайней враждебности названных организаторов к России и ко всему русскому и по некоторым уже начатым ими приемам, я почти уверен, что причины эти будут заключаться в вызове каких-либо международных осложнений.

Я думаю, что мне в самом ближайшем времени представится возможность осветить этот вопрос во всей его полноте.

А теперь я хотел бы сказать несколько слов о том, что такое представляет из себя «Русский металлургический трест», для осуществления которого организаторы, повидимому, не остановятся ни перед какими препятствиями и ни перед какими бы то ни было колоссальными затратами.

Что это: частное коммерческое предприятие, преследующее только одни лишь коммерческие выгоды, или это есть нечто стоящее выше каких бы то ни было коммерческих соображений?

Если это так, то что же представляют из себя организаторы «треста»? Есть ли это только частные лица или это есть государственная организация какого-либо из соседних с нами государств, преследующая исключительно политические цели?

Вот вопросы, над которыми, как мне кажется, необходимо задуматься.

По проекту организаторов, «Русский металлургический трест» должен будет слить в одно целое, в смысле главного управления, все металлургические и горнопромышленные предприятия, считая в том числе и минеральное топливо — уголь и нефть. Существую-

---

в бумагах кн. Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова - Эльстон (отца убийцы Распутина) (Архив Окт. Революции).

щие предприятия, оставаясь самостоятельными по своему внутреннему управлению, подчиняются главному в смысле общего руководства, т. е. действия свои согласуют с директивами главного управления. Вот такое общее положение «треста» по проекту устава.

На первый взгляд, этот «трест» как будто ничего особенного из себя не представляет. Коммерческое предприятие и только.

Но было бы величайшей ошибкой правящих сфер, если бы они установили именно такую точку зрения на этот «трест».

«Русский металлургический трест»— есть организация, несомненно, иностранная. Правда, в составе его учредителей есть несколько лиц, состоящих в русском подданстве, но и из них есть такие, подданство которых весьма сомнительно, особенно если принять во внимание существование в Германии двойного подданства.

И вот эта-то самая организация и собирается стать хозяином всей горнометаллургической промышленности в России.

Следовательно все металлы и другие горнозаводские произведения, идущие на вооружение армии, флота, сооружение крепостей, железных дорог, заводов и фабрик, все это будет находиться в ведении «треста». Во многих случаях от его воли будет зависеть развить, сократить или даже совсем приостановить то или другое производство.

Помимо экономической зависимости всей промышленности в России от этого «треста», он, несомненно, будет иметь огромное влияние и на политическую жизнь всей страны.

Представьте себе войну соседних государств с Россией (а она, по всей вероятности, не за горами, ибо на это ясно указывают те чрезмерные вооружения, производимые нашими соседями), в каком положении окажется тогда Россия, хозяином нужнейшей промышленности в которой будет иностранный «трест»?

Для меня, работающего свыше 30 лет в области развития промышленности в России, знающего многие легко уязвимые стороны ее, совершенно ясными представляются те крайне опасные последствия для России, которые, несомненно, произойдут, если функционирование «треста» будет в ней допущено.

Заканчивая этим настоящее письмо, я почтительнейше прошу вас, ваше высокопревосходительство, простить меня за причиняемое вам беспокойство. Мне очень хотелось бы уверить вас, что пишу вам об этом «тресте» лишь только из горячей любви к родине и желания чем-нибудь помочь ей.

Примите уверение в искренней преданности к вам

[подпись.]

Очень прошу вас считать это письмо мое конфиденциальным, так как я по службе своей нахожусь в некоторой зависимости от лиц, состоящих учредителями этой организации. *Н. В.*—

При оценке этих писем нужно прежде всего отметить ту националистически-черносотенную тенденцию, которой проникнут этот корреспондент Столыпина.

Переходя же к проверке фактов, указываемых в письмах, надо, во-первых, отметить, что самый факт организации всероссийского металлургического треста,— явления тогда в России нового, — был известен не только автору писем, но обсуждался в 1908—1912 гг. и в печати и в думских кругах. Настоящий вопрос рассматривался при этом с точки зрения выгодности или невыгодности его для русской промышленности; сторонники последнего взгляда указывали при этом, что организация крупнейшего треста вызовет разорение и даже полное прекращение деятельности многочисленных мелких

предприятий и целый ряд возникающих отсюда тяжелых последствий для промышленности. Для выяснения возникших вопросов при министерстве торговли и промышленности было тогда учреждено даже особое совещание, с участием представителей промышленности и членов Госуд. Думы, но оно ни к каким определенным решениям не пришло. Тогда же, в апреле 1908 г., в Государственной Думе, по инициативе октябристов, предполагалось внести спешный запрос правительству об его отношении к этому тресту и монополистическим организациям вообще, однако по каким-то неизвестным причинам [1]), запрос этот был отложен, и только более чем через два года, в июне 1910 г., Дума, по инициативе 45 членов, задала «вопрос» правительству: «1) верны ли сведения об образовании в Российской империи треста металлургических заводов и 2) если эти сведения верны, то какие правительство примет меры к ограждению широких групп населения от грозящих ему последствий образования треста» [2]).

В связи с этим министерство торговли и промышленности в заседании Думы 8 февраля 1912 г. дало такую ответную реплику:

«Так как подготовительные работы по учреждению предполагавшегося треста ни к чему не привели, то правительство не имело надобности принимать меры к ограждению насущных интересов широких групп населения, за отсутствием опасности, которая могла бы угрожать этим интересам в случае образования треста» [1]).

Следует отметить, что такой ответ правительство дало лишь почти через два года после заданного ему «вопроса», и, если принять во внимание, что и в Думе обсуждение этого вопроса также было почему-то задержано более чем на два года, то есть основание заподозреть в такой длительной задержке этого вопроса сознательное желание правительства и крупных металлургических кругов замолчать факт образования металлургического синдиката. Таким образом то «неблагоприятное течение», возникновение которого в правительстве и Думе, — по словам автора писем, — предвидели инициаторы синдиката, если и существовало, то оно, видимо, было преодолено, и правительство просто уклонилось от ответа на заданный вопрос. Не сыграли ли при этом, — является вопрос, — роль те кредиты которые были ассигнованы трестом для «устранения препятствий, могущих встретиться на пути к осуществлению (организации треста)... как со стороны лиц, так и учреждений»?

В связи с таким вопросом следует отметить еще и тот весьма характерный факт, что ответ правительства (о «подготовительных работах», не приведших ни к чему) был, в существе своем, ложен.

Дело в том, что, хотя и не в 1908, а в следующем — 1909 году — произошло весьма крупное событие, имеющее отношение к данному вопросу: существовавшее еще в 1902 г. «Общество для продажи металлургических изделий», т. е. знаменитая «Продамета», именно в этом — 1909 г. приняло свой вполне синдикатский характер, завладев чуть не всей русской металлургической промышленностью. Об

[1]) Исследователь синдикатов И. М. Гольдштейн в своей книге «Синдикаты и тресты и современная экономическая политика» (СПБ 1907 г.), упоминая об этом, говорит только, что «по целому ряду причин» обсуждение этого запроса было отложено (стр. 72).

[2]) Стенографический отчет Госуд. Думы, 3-й созыв, сессия III, заседание 3 июня 1910 г.

[1]) Стенографический отчет Госуд. Думы, 3-й созыв, сессия III, заседание 8 февраля 1912 г.

этом свидетельствуется в одном из изданий, выпущенных на средства самой «Продаметы».

«Свой настоящий характер, — говорится здесь, — общество получило в 1909 г., когда западноевропейский кризис усилил депрессию в железном деле России и заставил заводы юга войти между собою в соглашение по продаже главного рыночного продукта — сортового железа» [1]).

Таким образом в 1909 г. фактически образовался такой крупнейший синдикат как «Продамета», и, если даже правительство в своем ответе Думе имело в виду «подготовительные работы» к учреждению какого-либо иного треста, то все же оно, служа интересам крупного промышленного капитала, сознательно замалчивало факт создания «Продаметы».

По связи с темой, мы затронем вопрос и об интернационализации металлургической промышленности вообще. Официально первая попытка такой интернационализации, — как указывает М. П. Павлович, — была произведена немного позже — в 1911 г., в Брюсселе (относительно которого говорит и автор писем), на состоявшейся там «Международной конференции стали». На конференции этой, где было представлено десять наций, имелись, конечно, и русские делегаты. Главная цель конференции заключалась в выработке мер «для урегулирования конкуренции на мировом рынке между синдикатами отдельных стран». В результате конференции было решено основать «Всемирный синдикат железа и стали». Через два года, в 1913 г., в том же Брюсселе состоялся тайный конгресс стальной промышленности, собравший четыреста делегатов. Через некоторое время к этому международному синдикату примкнули и крупнейшие русские заводы, в том числе и те, которые, по словам М. П. Павловича, являлись китами русского синдиката «Продамета» [1]).

Таким образом в 1913 г. русская металлургическая промышленность окончательно вошла в этот «Интернационал капитала», — печатаемые же письма вскрывают, видимо, как первые шаги в области интернационализации этой промышленности вообще, так и в деле налаживания первых связей между соответствующими международными и русскими синдикатами.

Автор писем, как мы видели, смотрит на этот вопрос лишь со специфической точки зрения «немецкой опасности», — мы же на факт образования Международного металлургического синдиката можем смотреть как на крупнейший факт в области интернационализации промышленного и связанного с ним банкового капитала.

В. Семенников.

[1]) Гливиц. «Железная промышленность в России».

Из истории борьбы с революцией в 1905 г.

Печатаемые ниже документы освещают вопрос об исключительном положении по охране «государственной безопасности» в предреволюционный период 1905 года и представляют собой: 1) официальное письмо от 7 апреля 1905 г., № 20, за подписью гр. А. П. Игнатьева [2]), председателя «Особого совещания по пересмотру установлен-

[1]) М. П. Павлович. «Собрание сочинений», том I(Империализм). Л., Госиздат, 1925 г., стр. 177—180.

[2]) Игнатьев, Алексей Павлович, граф, ген.-адъютант, член Госуд. Совета, род. в 1842 г., убит 9 декабря 1906 г. в Твери членом боевой организации с.-р.

ных для охраны государственного порядка исключительных законоположений», на имя Степного ген.-губернатора и командующего войсками Сибирского военного округа Н. Н. Сухотина [1]) с просьбой присылки материалов по вопросу об исключительном положении в Степном ген.-губернаторстве (1 лист — 2 стр. исписанных), 2) проект официального ответа Н. Н. Сухотина на указанное письмо гр. Игнатьева (документ без точной даты, с указанием лишь месяца и года: «апрель 1905 г.»), 3) собственноручный черновик письма Н. Н. Сухотина к тому же гр. Игнатьеву по тому же вопросу, но уже в форме частного письма и, наконец, 4) собственноручные (черновые) статистические выкладки Н. Н. Сухотина, посвященные двум вопросам: а) росту революционного движения в России по данным к 1 января 1905 г. с указанием количества «бунтарей» и с подразделением их (за 1904 г.) по национальному признаку и по участию в движении того или другого характера (аграрные, фабричные и студенческие беспорядки, религиозная пропаганда и т. п.) и б) учету всего населения бывш. Российской империи с точки зрения, в каких слоях этого населения найдет опору царское правительство, кто будет «за Россию» и «против России», как пишет сам Сухотин на заголовке одного из листов своих статистических «изысканий» [2]) (18 страниц большого формата).

Указом 12 декабря 1904 г. на Комитет Министров, между прочим, была возложена обязанность «пересмотреть изданные во времена беспримерного проявления преступной деятельности врагов общественного порядка исключительные узаконения, применение коих сопряжено со значительным расширением усмотрения административных властей, и озаботиться при этом как возможным ограничением пределов местностей, на которые они распространяются, так и допущением вызываемых ими стеснений прав частных лиц только в случаях, действительно угрожающих общественной безопасности» [1]).

В заседании 10 февраля 1905 г. Комитет Министров пришел к выводу, что «если возобновить в памяти события, имевшие место в России с конца 1881 года до настоящего времени, то вряд ли представится какая-либо возможность утверждать, что за рассматриваемый период времени усилия правительства, направленные к искоренению крамолы, в достаточной мере достигли своей цели».

Такое бессилие правительства Комитет Министров объяснил «недостаточной целесообразностью или отдельных постановлений Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности или установившегося на практике способа их применения».

Председатель Комитета Министров С. Ю. Витте и член совещания, товарищ мин. вн. дел Дурново подвергли критике отдельные институты исключительного положения (административная высылка, арест по распоряжению

---

[1]) Сухотин, Николай Николаевич, до назначения на пост Степного ген.-губернатора (в 1901 г.) был профессором и начальником академии генерального штаба. С 21 апреля 1906 г. состоял членом Госуд. Совета, принадлежа к крайней правой, и пользовался большим политическим весом.

[2]) Датой статистических вычислений, посвященных первому вопросу, можно считать апрель 1905 г., а дату вычислений по второму вопросу надо отнести к периоду после издания закона о выборах в Госуд. Думу, т. е. после 6 августа 1905 года, и до ее созыва в апреле 1906 года.

[1]) «Материалы по пересмотру исключительных законоположений», том I, стр. 2, § 5.

местных полицейских властей, производство таким же путем домашних арестов, чрезвычайно широкое толкование администрацией принадлежащего ей права издания так наз. «обязательных постановлений») и высказались за настоятельную необходимость пересмотра действующего в России исключительного законодательства [1]).

В своем заключении Комитет Министров признал, что наряду с нормальными полномочиями, «представителям государственной власти, на случай возникновения каких-либо чрезвычайных событий, грозящих государственной безопасности, должны быть присвоены чрезвычайные права», но тут же выразил убеждение в том, что «действие исключительных мер должно каждый раз ограничиваться лишь районом обнаружения и краткосрочным временем продолжения исключительных событий». В особенности нежелательным и опасным признал Комитет Министров существовавший порядок, при котором «исключительный закон, благодаря долговременности [2]) и повсеместности своего применения, получил совершенно непредвиденный для него характер постоянного законоположения, под действием которого успело возрасти целое поколение, которое не видало иного порядка поддержания общественного благоустройства и лишь по книгам знает об общих законах Российской империи» [1]).

Таким образом, Комитет Министров, служивший в течение всего XIX века орудием реакции, — под влиянием ударов революционного движения, — пытался найти под руководством Витте примирение противоречий между устаревшей формой правления и растущим недовольством населения России.

Пересмотр исключительного законодательства был возложен на Особое совещание междуведомственного характера под председательством графа А. П. Игнатьева [2]), причем в рескрипте от 13 февраля 1905 г. на его имя была указана «необходимость разработки проекта в согласованность с суждениями, происходившими в Комитете Министров» [3]).

Работы Особого совещания (так наз. «Игнатьевской комиссии») начались 5 мая 1905 года и продолжались до начала июня, — затем в работе наступил перерыв, и совещание возобновило свои занятия только 17 января 1906 г.

---

[1]) Подробное изложение мнений Витте и Дурново см. в «Журнале Комитета Министров от 10 февраля 1905 г. о порядке выполнения п. 5 именного указа 12 декабря 1904 г.», стр. 4 и сл. Материалы, т. I.

[2]) Исключительные меры по охранению государственного порядка появились 14 августа 1881 г., как «временный закон», и вводились на три года, но затем срок действия «временного закона» непрерывно отсрочивался, по докладам министров вн. дел, сперва на каждые три года, до 1905 года, а с 1905 г. — на каждый следующий год вплоть до... Февральской революции 1917 г.

Материал по исключительному законодательству как в России, так и на Западе, с историко-юридическим анализом отдельных институтов, см. в работе В. М. Гессена «Исключительное положение». Спб. 1908 г.

[1]) Журнал заседания Комитета Министров, стр. 11.

[2]) Любопытно, что председателем Особого совещания был назначен именно гр. Игнатьев, сторонник крайних полицейских репрессий. Во время министерства Витте в 1905—1906 гг. Игнатьев был одним из его наиболее решительных противников и влиятельным членом кружка «высокопоставленных» лиц, носившего в петербургском обществе того времени ходячую кличку «Звездной Палаты».

[3]) Ленинградский Центр. Истор. Архив. Архив Госуд. Совета. Дело «Игнатьевской комиссии», стр. 18.

За время перерыва революционное движение приняло массовый характер и выявило в достаточной мере силу рабочего класса и крестьянства. Вызванные этим движением уступки правительства в виде манифеста 17 октября, — а затем, после подавления декабрьского восстания в Москве, новый подъем реакции, — отразились конечно и на работе Особого совещания, старавшегося примирить непримиримое. Так, с одной стороны, совещание приходит «к единогласному заключению о необходимости отмены на будущее время исключительных законов в виде нормального способа управления», но, вместе с тем, не считает возможным совершенно отказаться от исключительных законов.

«При современном революционном пожаре, — читаем в журнале Особого совещания, — охватившем почти всю Россию, когда значительные части ее объяты восстанием, многие местности объявлены на военном положении или на положении чрезвычайной охраны, в другие командированы с особыми полномочиями ген.-адъютанты е. и. в., едва ли приличествовало бы возбуждать вопрос об ограничении мер, могущих способствовать охранению государственного и общественного спокойствия»; а на дальн. страницах того же журнала встречаем резкое осуждение исключительных мер: «применение в широком объеме, начиная с 70 годов прошлого столетия, исключительных мер для обеспечения порядка и спокойствия вообще не оправдало возлагавшихся на них надежд. События же последних месяцев с особой очевидностью показали, что исключительные полномочия, предоставляемые со времени издания закона 1881 года административной власти, не могли предотвратить распространения самых крайних и разрушительных теорий в обширных слоях населения и оказались бессильны пресечь своевременно возникновение революционного движения, преступной пропаганды и даже вооруженного восстания в целом ряде городов и селений».

Такое колебание Особого совещания в оценке исключительных мер управления вызывалось изменениями в соотношении движущих сил революции и реакции в течение 1905 г. и начала 1906 г. По существу, перед тогдашним правящим классом стояла дилемма: или отказаться от власти и сдать свои позиции или попытаться силой полицейской репрессии потушить народную «смуту», несмотря ни на что. Конечно, был выбран второй путь.

Защитой этого именно пути и является «откровенное мнение» одного из сатрапов царской России 1905 г. Н. Н. Сухотина.

Это «мнение» явилось ответом на запрос гр. Игнатьева.

В своем ответе гр. Игнатьеву Н. Н. Сухотин выступает как идеолог крайних мер в борьбе с революционным движением; в оценке ее методов он совершенно не знает тех колебаний, которые отразились в работе Особого совещания, и потому идет гораздо правее этого совещания [1]).

---

[1]) Особому совещанию (так наз. Игнатьевской комиссии) было поручено разработать самый проект исключительного положения, но в связи с манифестом 17 октября и последующим созданием Совета Министров, на который, между прочим, возлагалось предварительное рассмотрение всех без исключения законопроектов, подлежащих внесению в Госуд. Думу и Гос. Совет, Особое совещание, после перерыва, не сочло возможным довести возложенную на него задачу до конца и ограничилось лишь одними только общими руководящими основаниями, которые должны были лечь, по его мнению, в основу будущего законопроекта об исключительных мерах. Разработку этого законопроекта приняла на себя в 1906 г. комиссия под председательством тов. мин. внутр. дел Макарова, решившая вопрос в «сухотинском» духе.

Для Н. Н. Сухотина в вопросах внутренней политики тогдашней России все было просто и ясно и лучшим методом защиты «вечных основ государственности» он считал исключительное положение с неограниченной властью высших местных начальников и с полным подчинением суда административным властям в их борьбе с государственными преступлениями.

Одной из характерных черт писем Н. Н. Сухотина являются резкие выпады против министерства юстиции, сыгравшего в России, по словам Сухотина, «роль... Оффенбаха с его опереткой «Елена Прекрасная» в подрыве вечных устоев государственности...» Н. Н. Сухотин нападает на судебное ведомство, говоря, что «борьба с крамолой при помощи суда — это борьба с негодными средствами», и совершенно забывает о том, что именно в России борьба царского правительства с революционным движением проходила в течение 34 лет (до 1905 г.) без суда, силой одной полицейской репрессии и все же недостигла своей цели.

В этом отношении заслуживает внимания доклад Госуд. Совету министра юстиции Н. В. Муравьева (от 28 января 1904 г. за № 4511) [1]: Муравьев, бывший министром в течение 11 лет (с 1 янв. 1894 г. по 14 янв. 1905 г.), старается отстоять права суда на разбор дел по так называемым государственным преступлениям, которые, по закону 19 мая 1871 г., стали разрешаться в подавляющем большинстве административной властью, а не судом.

Как иллюстрация, любопытна следующая статистическая таблица за 1894—1903 гг., приводимая в докладе Н. В. Муравьева:

[1] Материалы совещаний высших чинов мин. юстиции, Правительствующего Сената, старших председателей и прокуроров судебных палат и др. лиц по применению закона 7 июня 1904 г., т. I, стр. 23 и след. — Ленинградский Центр. Ист. Архив, II отд. юридич. секции, № 5492.

Годы	Число поступивших в м. ю. формальных дознаний	Число привлеченных к сим делам лиц	Число дознаний, разрешенных по высочайшим повелениям	Число привлеченных к этим дознаниям лиц	Число лиц, понесших по высочайшим повелениям взыскания	Число дознаний, переданных на в. суд	Число привлеченных по сим последним дознаниям лиц	Число дознаний, приостановленных и прекращенных	Число привлеченных к прекращенным дознаниям лиц
1894	158	919	56	559	366	3	3	61	120
1895	259	944	90	623	367	2	2	175	407
1896	309	1 668	67	561	345	3	4	180	335
1897	289	1 427	122	1 474	1 051	4	11	180	499
1898	257	1 144	149	1 004	706	1	1	108	135
1899	338	1 884	166	1 328	866	2	4	156	82
1900	384	1 580	144	1 363	919	4	10	119	162
1901	520	1 784	250	1 238	914	1	3	197	310
1902	1 053 [1]	3 744	347	1 679	1 147	5	5	364	303
1903	1 988 [2]	5 590	1 522	6 405	4 867	10	45	791	429

1) Из сего числа 3 дела о 38 лицах переданы на рассмотрение судебных палат с участием сословных представителей.

2) Из сего числа 12 дел о 28 лицах переданы на рассмотрение судебных палат, в порядке 2 части 1030 ст. уст. угол. судопроизводства.

Что же касается мер взыскания, принятых по высочайшим повелениям в отношении обвиняемых по означенным делам, то меры распределяются таким образом:

Годы	Выслано иностранцев безвозвратно за границу	Выслано в Сибирь	Выслано в отдаленные несибирские губернии	Подчинено гласному надзору полиции	Подвергнуто	
					Тюремному заключению	Аресту
1894	5	21	34	244	156	29
1895	6	42	66	219	104	20
1896	1	53	42	218	102	16
1897	11	117	79	767	148	92
1898	2	47	119	440	162	88
1899	11	49	105	308	108	195
1900	1	49	85	618	57	102
1901	9	38	51	486	203	141
1902	10	115	77	193	362	217
1903	31	910	592	1 268	332	845

Из этих официальных таблиц ясно видно, что административное разрешение дел о государственных преступлениях было обычным, «нормальным» способом решения, а судебное производство — явлением исключительным, и лишь после издания закона 7 июня 1904 г. [1]) процент разбираемых дел по государственным преступлениям в судебном порядке, несомненно, увеличился [2]).

Недовольство Н. Н. Сухотина судебным ведомством было вызвано, очевидно, законом 7 июня 1904 г. лишь частично ограничившим пределы административной власти в ее борьбе с «крамолой».

Письмо гр. А. П. Игнатьева Н. Н. Сухотину от 7 апреля 1905 г. № 20 [1]).

Милостивый государь
Николай Николаевич.

В задачу высочайше образованного, под моим председательством Особого

[1]) Собрание узаконений, № 98, от 24 июня 1904 г. — ст. 966. «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового уголовного уложения».

[2]) В «Своде статистических сведений по делам уголовным за 1905 г.», изд. м. ю. в 1908 г., указано, что за 1905 г. прошло в судебном порядке по государственным преступлениям 1050 дел (число осужденных — 279), а за 1904 г. — ни одного дела. Стр. 17 и 22.

[1]) Письмо написано на бланке со штампом: «Председатель высочайше учрежденного Особого совещания по пересмотру установленных для охраны госу-

совещания входит, между прочим, подробный пересмотр специальных правил охраны спокойствия и безопасности, существующих на некоторых окраинах империи. Поэтому я признавал бы весьма желательным, чтобы в виду совещания имелись возможно полные данные как об исключительных полномочиях, которые в разное время были предоставлены главным начальникам вверенного ныне вашему превосходительству края и которые доныне не потеряли своей силы, так, равно, о распоряжениях, в виде ли обязательных постановлений, или иных, кои были изданы главными начальниками края и применяются в нем до настоящего времени. Вследствие сего имею честь обратиться к вам с покорнейшею просьбою не отказать мне в сообщении таковых документов по возможности в самом непродолжительном времени ввиду срочности работ Особого совещания, причем с моей стороны будут приняты меры к тому, чтобы бумаги, признаваемые вами секретными, не получили огласки.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Граф Алексей Игнатьев.

Проект официального ответа Н. Н. Сухотина гр. А. П. Игнатьеву от ... апреля мес. 1905 г.

Милостивый государь
граф Алексей Павлович.

Вследствие письма от 7 сего апреля за № 20, препровождая при сем, по особой описи, копии законоположений и высочайших повелений об исключительных полномочиях, которые предоставлены Степному генерал-губернатору, а также копии разновременно изданных мною обязательных постановлений и распоряжений, считаю долгом службы сообщить вашему сиятельству мое откровенное мнение [1]) по вопросу, подлежащему обсуждению в Особом совещании под вашим председательством.

Четырехлетнее управление Степным краем привело меня к убеждению, что только крамольникам, смутьянам и вообще неблагонамеренным лицам мешают исключительные законоположения, установленные для охраны государственного порядка; все же честные люди никакого неудобства и стеснения в этих законоположениях не видят. Сохранение их на будущее время не только желательно в смысле скорейшего достижения результатов борьбы

дарственного порядка исключительных законоположений».

На письме штамп «Канцелярия Степного ген.-губернатора 22 апр. 1905 г.» и резолюция Н. Н. Сухотина: «Прошу подобрать, а также дать материал, чтобы высказать наше заключение. Главное: нужно, чтобы губернаторы и генерал-губернаторы получили бы более определенные права, а не одни пустые слова: «надзор», «наблюдение», «поощрение», и пр. Н. Сухотин.»

[1]) В делах «Игнатьевской комиссии», хранящихся в архиве бывш. Госуд. Совета (Ленинградский Центр. Исторический Архив), имеются лишь: краткое письмо Степного ген. губ. Н. Н. Сухотина препроводительного характера (от 7 мая 1905 г. за № 3024) и копии документов, указанных в начале печатаемого письма. Можно предположить, что Н. Н. Сухотин послал гр. Игнатьеву свое «откровенное мнение» об исключительном положении частным образом, и оно не было передано гр. Игнатьевым в канцелярию для подшивки к делу. (Дело Особого совещания, л. 432.)

Печатаемый документ имеет в подлиннике ряд редакционных поправок, сделанных карандашом рукой самого Н. Сухотина, — на первой странице его рукой написано: «Проект».

с злоумышленниками, но вызывается всею совокупностью условий государственной жизни России: этнографических, географических, политических, экономических.

Достаточно беглого взгляда на списки политически неблагонадежных лиц, ведущиеся департаментом полиции, чтобы видеть, что подавляющею массою во главе крамольников и врагов России стоят жиды и другие инородцы и только не более десяти процентов русских. Действуют они настойчиво и энергично, и борьба с ними требует такой же настойчивости и энергии. К сожалению, с горечью в сердце, нужно сознаться, что существующий строй управления и суда только содействует развитию крамолы и всяких беспорядков. Прекрасные сами по себе, исключительные правила охраны государственного порядка, по закону, применяются только тогда, когда крамола развилась, когда беспорядки охватывают целые районы. Применения этих правил в качестве предупредительной меры, когда тихо, спокойно можно пресечь развитие злоумышления, добиться невозможно. Сужу по собственному опыту. Никакие резоны не подвинут министерство на предоставление местной власти испрашиваемых полномочий. Борьба же с негодными средствами, т. е. при помощи нашего суда, ведет только к глумлению и наглядно показала всю несостоятельность в этом отношении судебного ведомства. Единственное средство — предоставить генерал-губернаторам и губернаторам более определенные права, а не одни пустые слова: надзор, наблюдение, поощрение и проч.

Обращаясь к общей инструкции генерал-губернаторам (т. II, ч. 1-я, общ. учр. губ., ст. ст. 208—236), нельзя пройти молчанием тот факт, что законодатель, устанавливая предметы ведомства генерал-губернатора и его многочисленные и разнообразные обязанности, с конечной целью обеспечения порядка и блага населения, ничего не говорит о способах понуждения к исполнению (сих обязанностей) и о правах генерал-губернаторов (власти) по понуждению к исполнению.

Отсутствие в законе таких указаний приводит к тому, что благие предначертания инструкции остаются пустыми словами. Как, например, может блюсти генерал-губернатор, в силу ст. 208, «неприкосновенность верховных прав самодержавия, пользу государства и точное исполнение законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном ему крае», когда многие должностные лица и учреждения ему не подчинены?

В обществе, в народе и, в особенности, у туземцев степи самою жизнью создалось представление о генерал-губернаторе, как о лице, особо отличенном царским доверием по сравнению с прочими чиновниками разных ведомств, — а потому властном и могущем скоро и непосредственно решать дела, фактически защищать обиженных, удовлетворять потерпевших, устранять беду, нужду.

На самом деле, генерал-губернаторские и губернаторские должности обращены в промежуточные передаточные инстанции, почти исключительно ограничивающиеся отправлением службы посредством письменного делопроизводства: кверху, в министерства — направляют ходатайства, заключения, постановления, вниз сообщают к исполнению указания, решения министерств и их департаментов; по отношению неподведомственных губернских учреждений препровождают отзывы на благоусмотрение, без всякой уверенности, что предлагаемое будет исполнено.

Такое ослабление и ограничение живой деятельности высших местных начальников, по основным законам назначаемых по личному е. и. в. благоусмотрению и избранию и облеченных строгою ответственностью и много-

численными разнообразными обязанностями, явилось вследствие систематического стремления министерств к сосредоточению решающей власти в своих руках, в центре, в Петербурге. Осуществлялось же это разными путями, преимущественно же министерскими циркулярами, якобы разъясняющими законы, а на самом деле иногда изменяющими их, — расширением компетенции министерств относительно назначения должностных лиц своею властью, установлением прямых сношений губернских учреждений разных ведомств со своими министерствами помимо генерал-губернаторов и губернаторов, по некоторым же специальностям — оборудование дел по соглашению петербургских департаментов разных министерств, также помимо высшей местной власти, с их представителями на месте, иногда временными партиями только наезжающими в край; установлением прямого, в подрыв престижа местной высшей власти, общения министерств с местными учреждениями и населением, посредством командируемых из Петербурга чиновников, преимущественно летом, то для преподания разъяснения и руководящих указаний, то для ближайшего изучения дел на месте, то для проверки результатов применения разного рода положений.

В силу ст. 212 на генерал-губернатора возложена обязанность наблюдения за тем, чтобы «юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданности к престолу и отечеству».

Между тем, не указано, какими же правами пользуется для сего генерал-губернатор? На мое ходатайство от 8 июля 1903 года за № 3331 о предоставлении военным губернаторам Степного края права бдительного надзора и посещения всех учебных заведений без различия ведомств и о дополнении для сего подлежащих статей закона (ст. 272 и 273 т. II, ч. 1-я) об обязанностях губернаторов соответствующими указаниями министерство внутренних дел отозвалось (от 26 июля 1903 г. за № 17310), что эти предположения будут иметься в виду при рассмотрении губернской реформы.

Указание ст. 225, которою рекомендуется особенной заботливости генерал-губернатора «строгое наблюдение (в пределах, законами установленных) за правильным и полезным употреблением городских доходов и открытие новых источников к усилению оных», остается мертвою буквою и осуждает местную высшую власть на пассивную роль наблюдателя или на роль передаточной инстанции.

Отсутствие указаний на полномочия и пределы власти генерал-губернатора особенно невыгодно отражается на охране государственного порядка и общественного спокойствия и делает изложенные на сей случай в ст. 217 обязанности почти неисполнимыми. Единственным выходом является преследование правонарушителей судебным порядком, но это средство, как показал опыт, ведет, в большинстве случаев, только к волоките и новому соблазну. Так же точно представляется неудовлетворительной и редакция ст. 218, устанавливающей обязанность генерал-губернатора «принимать меры как по восстановлению спокойствия, так и к отвращению всякой причины возобновления беспорядков».

Не большею определенностью отличаются и полномочия губернатора по охранению общественного спокойствия и прекращения беспорядков. По указанию ст. 317, мероприятия в указанных случаях предоставлены «усмотрению» губернатора, но не выяснено, в чем должно заключаться это «усмотрение» и каковы в этом случае пределы их власти.

Выше было упомянуто, что единственным средством воздействия на правонарушителей в настоящее время служит направление дел в суд, но надо

сознаться, что таковой не оправдывает своего назначения и сплошь да рядом потворствует преступной деятельности. Дело в том, что суд затягивает решение дел нередко на весьма продолжительное время и, если не оправдывает обвиняемых окончательно, то налагает такую меру взыскания, что отнимает у чинов полиции всякую охоту к направлению дел в суд и к преследованию правонарушителей.

Одна из причин медленности отправления уголовного правосудия заключается в самом строе судопроизводства, предоставляющем обвиняемому слишком много способов затягивать и запутывать дело. Уголовный процесс не дает быстрого энергичного решения, так необходимого в интересах общественного блага. Между тем, всякое замедление в наказании виновных создает опасность для общественного порядка.

Высочайше утвержденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части признано, что степень сложности и продолжительности суда должна соразмеряться со степенью важности дела, с его общественным и личным значением. Иначе суд обращается в бремя для населения в той именно сфере своей, которая глубоко захватывает мелкие и повседневные, но весьма существенные житейские интересы. Сказанное, в особенности, справедливо в отношении так называемых полицейских нарушений, направленных против правил безопасности и благочиния. Поэтому проектировано установление судебных приказов, при которых дела, невызывающие необходимости особого судебного рассмотрения, могли бы достигнуть быстроты уголовной репрессии.

Эта давно ощущавшаяся потребность ускорения судебных решений дел нашла себе выражение в ст. 1161 проекта новой редакции устава уголовного судопроизводства в главе о «судебных приказах» [1]).

Однако действие этой статьи, к сожалению, парализуется ст. ст. 1163 и 1165, предоставляющими осужденному право в семидневный срок, по получении копии приказа, просить о судебном разбирательстве дела. Так как несомненно, что каждый обвиняемый не преминет воспользоваться таковым правом, то, в действительности, опять начнется прежняя волокита, и благая мысль комиссии ускорить в интересах населения разрешение дел сведется к нулю.

Кроме того, самое наложение взысканий по 1161 статье без суда есть факультативное право судьи, которым он может пользоваться по своему усмотрению.

Таким образом проектируемое нововведение не дает никакой надежды на то, что бунтари, крамольники и смутьяны будут получать должное возмездие тотчас же по совершении проступка.

Все вышеизложенное приводит к убеждению о необходимости:

I. Оставления без изменения правил о местностях, объявляемых на военном положении, и правил о положении

[1]) Ст. 1161: «По делам о преступных деяниях, влекущих наказание не свыше ареста, участковый судья, усмотрев из поступивших к нему сообщений полиции, присутственных мест и должностных лиц достаточные, не возбуждающие сомнения, доказательства обвинения, предъявленного к лицу, учинившему преступное деяние, может, не обращая дела к судебному разбирательству, приговорить обвиняемого судебным приказом к наказанию, если признает возможным по обстоятельствам дела ограничиться назначением ареста не свыше одного месяца или денежного взыскания не более ста рублей, а также и к принятию мер для устранения или исправления совершенного вопреки требованиям закона». (Примечание в подлиннике.)

чрезвычайной охраны в тех случаях, когда высшим правительством будет признано необходимым ввести таковые.

II. Включения в ст. ст. 218, 270 и 317 т. II общ. учрежд. губерн., трактующих о правах генерал-губернаторов и губернаторов, следующих полномочий, заключающихся в правилах о положении усиленной охраны, именно:

1) Издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности.

2) Устанавливать за нарушение этих постановлений взыскания, не превышающие трехмесячного ареста или денежного штрафа в 500 рублей.

3) Разрешать в административном порядке дела о нарушениях сих постановлений.

4) Воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания.

5) Делать распоряжения о закрытии всяких вообще торговых и промышленных заведений.

6) Воспрещать отдельным личностям пребывание в той или другой местности, по рассмотрении обстоятельств дела в губернском правлении с участием лиц прокурорского и жандармского надзора.

7) Передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, когда генерал-губернаторы или губернаторы признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, для суждения их по законам военного времени.

8) Требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих послужит поводом к возбуждению умов и нарушению порядка.

9) Требовать от прокурорского надзора представления для просмотра, на срок не свыше двух недель, каждого отдельного следственного производства или дознания, не переданного еще в судебное установление.

10) Изъявлять свое несогласие на замещение всех вообще должностей по земским, городским и судебно-мировым установлениям, — утверждение в таковых должностях не поставлено действующим законом в прямую зависимость от губернаторов или градоначальников и министра внутренних дел, — с тем, чтобы, независимо от сего, по требованию губернатора или градоначальника, были немедленно удаляемы от должностей по упомянутым установлениям все те лица, которые признаны будут неблагонадежными.

11) Уполномочивать местных начальников полиции, а также начальников жандармских управлений и их помощников делать распоряжения: а) о предварительном задержании, не долее однако двух недель, всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам, и б) о производстве во всякое время обысков во всех без исключения помещениях, фабриках, заводах и т. п. и о наложении ареста, впредь до распоряжения подлежащего начальства, на всякого рода имущество, указывающее на преступность действий или намерений заподозренного лица.

12) Продолжать срок предварительного ареста до одного месяца лиц, задержанных чинами полиции и жандармского корпуса по обвинению в совершении государственных преступлений, и

13) Подвергать виновных в нарушении установленных для борьбы с чумою или холерою санитарных правил и постановлений наказаниям: арестом в размере не свыше 3 месяцев или денежным взысканием не свыше 500 р.

III. Предоставления генерал-губернаторам и губернаторам по отношению судебного ведомства тех же прав, ка-

кие предоставлены им по отношению учреждений ведомства министерства финансов и земледелия и государственных имуществ.

IV. Установления, в видах достижения быстроты уголовной репрессии, выдачи судьями судебных приказов без всяких условий по всем мелким проступкам и так называемым полицейским нарушениям, направленным против правил безопасности и благочиния, и

V. Предоставления, с целью избавления участковых судей, заваленных работою, и, главным образом, с целью облегчения населения, которое боится судебной волокиты и таскания по судам в страдную пору и в распутицу за десятки и даже сотни верст, права почетным мировым судьям выдачи судебных приказов или разбора вышеозначенных дел, с увеличением числа этих судей настолько, чтобы в каждом населенном пункте, а в городах в каждом полицейском околодке был судья.

Только при осуществлении этих мероприятий возможно будет успешно вести борьбу со всякими злоумышленниками.

Примите уверение в искреннем моем уважении и преданности.

Письмо Н. Н. Сухотина гр. Игнатьеву [1]).

Милостивый государь
граф Алексей Павлович.

Препроводив к вашему сиятельству официальные документы официально действующих законоположений и высочайших повелений, устанавливающих исключительные полномочия Степного генерал-губернатора по охране внутреннего порядка в крае, считаю себя обязанным по долгу службы, а еще более по нашим личным добрым отношениям поделиться с вами моими наблюдениями по занимающему вопросу за четыре года опыта применения этих полномочий и, в особенности, опыта последних 15 месяцев состояния мне подведомственной полосы отчуждения на военном положении.

Современное внутреннее состояние России предсказывалось давно всей подпольной литературой, прокламации коей горделиво и вызывающе, еще с 1903 года, заявляли о наступлении момента решительного натиска крамолы и о неизбежной победе ее над вечными основными устоями и законами нашего отечества. Эти пророчества должны были быть известны главным органам правительства, стоящим на страже государственного порядка, т. е. министерству внутренних дел и юстиции, а потому, казалось бы, оба органа должны были бы пустить в ход все силы и средства, мероприятия для предотвращения наступления кризиса, но ничего подобного не было сделано; и даже, наоборот, по непонятной (если только исключить умысел) слепоте делалось многое, чтобы помогать и содействовать руководимым единою волею, сплоченным железной дисциплиной, отлично организованным крамольным партиям.

Будущий историк явления [sic!], несомненно, отметит, что натиск крамолы застал два ответственных министерства в полном разладе, даже в антагонизме: даже слабые попытки ведомства внутренних дел поддерживать порядок во всем парализовались ведомством юстиции, которое должно было сохранять порядок, — и основы для этого разлада и антагонизма были заложены давно, когда создался пресловутый административный порядок разрешения вопроса о политических преступлениях, порядок, как ни покажется это парадоксальным, по идее долженствовавший дать усиление министерству внутренних дел по поддержанию порядка, по формам, по исполнению был страшным ударом администрации,

[1]) Воспроизводится с собственноручного черновика Н. Н. Сухотина.

что тоже — министерству внутренних дел.

Существует мнение, что самый сильный удар религии, государству-монархии, семье и вообще всему, что было главою, властью, нанес Оффенбах своею опереткой «Прекрасная Елена», подорвав в толпе уважение ко всему, что она считала священным и неприкосновенным, ко всему, что она признавала обладающим чем-то божественным, в силу чего на обычное простому смертному, греховное всем—она закрывала глаза[1].)

Оффенбах осмеял богов, богинь, героев, отцов толпы, заставил ее смеяться, — и этот смех Мефистофеля, а не тот, которого желал Гоголь, пошел по всей земле, с утра до вечера, и толпа гоготала, топча в грязь не только лжебогов, но и истинного бога... Это осмеяние стало coup de grâce для главных устоев жизни.

У нас в России роль Оффенбаха и его оперетки сыграло министерство юстиции, прививши населению и воспитавши в нем мысль о том, что русский царь — совсем не священная особа, как это представлялось массе, и достигло оно этого, спрятавшись за спину администрации, установлением так называемого административного порядка раз[решения вопроса о политических преступлениях] [2]).

Кроме этих трех документов сохранились собственноручные (черновые) статистические выкладки Н. Н. Сухотина, посвященные своеобразному учету революционного движения или, вернее, революционного настроения России в 1904—1905 гг. Приводимые Н. Н. Сухотиным статистические данные о количестве «бунтарей» были взяты им, очевидно, из каких-либо официальных источников, пока нам неизвестных, несмотря на все поиски в Ленинградских архивах, так что проверить сухотинские цифры не представилось еще возможным. Поэтому статистические изыскания Н. Н. Сухотина печатаются в извлечениях и выводах как сырой материал, представляющий все же определенный интерес: из них видно, как контрреволюция оценивала свои и вражеские силы, на кого она ставила свою ставку в борьбе за власть.

На «таблице А» Н. Н. Сухотин дает общие данные о количестве «поднадзорных» лиц с 1889 г. по 1904 г. включительно, оставляя некоторые года под знаком вопроса, не имея, очевидно, под руками за эти годы определенных данных. Так, за 1889 год поднадзорных числилось 955 чел., 1890 г. — 742 чел., 1891 г. —?, 1892 г. — 779 чел., 1893 г.— 795 чел., 1894 г. — 847 чел., 1895 г. — 1 171 чел., 1896 г. — ?, 1897 г. — 2 432 чел., 1898 г. — ?, 1899 г. — ?, 1900 г. — ?, 1901 г. — ?, 1902 г. — ?, 1903 г. — 3 181 чел. и за 1904 г. — 5 434 чел.

На «таблице Б» представлено распределение поднадзорных «бунтарей» за 1904 год, с одной стороны, по национальному признаку (вертикальный разрез), а, с другой, по характеру движения, в котором они участвовали (горизонтальный разрез). (См. табл. на стр. 229).

Сопоставляя затем цифровые данные о национальном составе всего населения России с вышеприведенными цифровыми данными о «бунтарях» по национальностям, Сухотин приходит к заключению, что, во-первых, на каждые 100 человек всего населения приходится по национальностям: русских—66 чел., евреев — 4 чел., поляков — 6 чел. и прочих национальностей — 24 чел., и во-вторых, на каждые 100 чел. русских — 5 человек «бунтарей» (русских), на каждые 100 чел. евреев — 65 «бун-

---

[1]) Поступая по образу Сима, а не Хама, — или по Пушкинскому: «а за грехи и темные деяния Спасителя смиренно умоляя». (Примечание в подлиннике).

[2]) На этом месте обрывается черновик письма Н. Н. Сухотина.

Состоящие под гласным надзором полиции по сведениям к 1 января 1905 года

	Русские	Жиды	Поляки	Кавказцы	Прибалт. край	Сев.-запад край	Инородцы	Итого
1. Госуд. преступления . .	1 563	1 320	528	130	75	67	3	3 686
2. Политическинеблагон. .	132	206	47	16	9	11	4	425
3. Фабричные беспорядки	135	151	49	1	1	8	—	345
4. Аграрные	68	1	—	—	—	—	1	70
Всего	1 898	1 678	624	147	85	86	8	4 526 [1]
5. Порочное поведение . .	542	150	58	18	11	9	21	809
6. Студенческие беспоряд.	47	5	2	1	—	—	—	55
7. Религиозная пропаганда	34	2	6	2	—	—	—	44
Всего	623	157	66	21	11	9	21	908
Итого	2 521	1 835	690	168	96	95	29	5 434 [2]

В том числе — скрывшихся:

	Русских	Жидов	Поляков	Кавказцев	Прибалт. край	Сев.-запад. край	Инород.	Итого
1. Госуд. прест.	130	403	112	7	13	17	—	682
2. Полит. неблаг.	6	65	5	—	1	2	—	79
3. Фабр. беспоряд.	15	100	15	—	—	—	—	130
4. Аграрн. беспор.	2	—	—	—	—	—	—	2
Всего	153	568	132	7	14	19	—	893 [3]
5. Порочн. поведен. . . .	200	97	9	3	5	3	4	321
6. Студенч. беспор. . . .	5	—	1	1	—	—	—	7
7. Религ. проп.	11	—	3	1	—	—	—	15
Всего	216	97	13	5	5	3	4	342
Итого	369	665	145	12	19	22	4	1 235 [4]

Соответственная таблица в проц.:

[1]) Русские — 41,9, евреи — 37,0, поляки — 13,8, прочие — 7,3
[2]) » 46,3 » 33,7 » 12,7 » 7,3
[3]) » 17,1 » 63,6 » 14,7 » 4,6
[4]) » 29,0 » 53,7 » 11,7 » 4,6

Процентное отношение скрывшихся:

по всем группам горизонтального разреза — 22,7
по первым четырем группам того же разреза — 19,7

На следующих листах Н. Н. Сухотин делает следующую сводку:

	Русские	Инородцы	Итого
1. Госуд. преступления	1 653 ч. (42,4%)	2 123 ч. (57,6%)	3 686 ч. (100%)
Группы 1, 2, 3 и 4 (горизонт. разреза) . .	1 898 ч. (41,9%)	2 628 ч. (58,1%)	4 526 ч. (100%)
» 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7	2 521 ч. [1] (46,3%)	2 913 ч. (53,7%)	5 434 ч. (100%)
Скрывшиеся:			
1 группа	130 ч. (19,0%)	552 ч. (81,0%)	682 ч. (100%)
1, 2, 3 и 4 группы	153 ч. (17,1%)	740 ч. (82,9%)	893 ч. (100%)
1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7 группы	369 ч. (29,0%)	866 ч. (71,0%)	1 235 ч. (100%)

тарей», на 100 чел. поляков — 16 «бунтарей» и на каждые 100 человек остальных национальностей — 13 «бунтарей».

Во второй части своих изысканий Н. Сухотин, повидимому, ставил своей задачей выяснить политическую физиономию всего населения бывш. Российской империи или, как он пишет на заголовке одного листа, «что будет враждебно основам русской государственности?»

В решении этой задачи Сухотин подходит к населению России со следующих точек зрения: вероисповедной или национальной (эти категории для него тождественны), территориальной, сословной и с точки зрения степени образования.

На основании цифровых данных, взятых из «Общего свода результатов всеобщей переписи 1897 года», с одной стороны, а также на основании субъективной оценки степени «враждебности» той или иной группы населения, — Сухотин делает следующие выводы:

По вероисповедному признаку, по мнению Сухотина, из 125 миллионов населения России «за русскую государственность» окажется 76 миллионов населения (исключительно православных), а «против» — 49 миллионов (из них 13 миллионов православных, а остальные 36 миллионов — католики, армяне, евреи, магометане и пр.); по территориальному признаку, — «за Россию» окажется 75 млн., а «против» — 50 млн. (Польша, Кавказ, Ср. Азия и 14 «сомнительных» [2]) губерний Европ. России); по сословному признаку, — «за Россию» — 65 млн. (из них $1^1/_4$ млн. дворянства, 56 млн. крестьянства, 4 млн. мещан и 3 млн. прочих сословий), а «против» — 60 млн. (из них $^3/_4$ млн. дворянства Европ. России, Польши, Кавказа и др. областей, 24 млн. крестьянства «сомнительных» губерний, 7 млн. польского кре-

[1]) Н. Н. Сухотин в своем официальном письме гр. Игнатьеву пишет: «Подавляющею массою во главе крамольников и врагов России стоят жиды и другие инородцы и только не более 10% русских»; и в то же время, на основании статистических данных, приходит к заключению, что среди «бунтарей», по сведениям к 1 января 1905 г., русские составляли 46,3%.

[2]) Судя по записям на одном листе, Н. Сухотин считал «сомнительными», повидимому, следующие губернии: Бессарабскую, Виленскую, Гродненскую, Казанскую, Киевскую, Ковенскую, Курляндскую, Лифляндскую, Минскую, Могилевскую, Таврическую, Уфимскую, Эстляндскую и Оренбургскую.

стьянства, 8 млн. кавказского крестьянства, 8 млн. мещан и остальные 12 млн. — прочих сословий [1]).

По цифровым данным указанных отдельных категорий «за» и «против России» Н. Сухотин выводит среднее число, а именно: $\frac{76+75+65}{3} = 72$ миллиона «за Россию» и 53 миллиона «против России» $\left(\frac{49+50+60}{3} = 53\right)$.

Судя по дальнейшим вычислениям, Н. Сухотин хотел выяснить количество мужчин в возрасте от 20 до 59 лет в этих двух вражеских лагерях и получил такие выводы:

	За Россию	Против России
По вероисповеданию . . .	$\frac{76}{4} = 19$ млн.	$\frac{49}{4} = 12^1/_4$ млн.
По территории	$\frac{75}{4} = 18^3/_4$ млн.	$\frac{50}{4} = 12^1/_2$ млн.
По сословиям	$\frac{65}{4} = 16^1/_4$ млн.	$\frac{60}{4} = 15$ млн.
Среднее число	$\frac{19 + 18^3/_4 + 16^1/_4}{3} = 18$ млн. «за Россию»	
Среднее число	$\frac{12^1/_4 + 12^1/_2 + 15}{3} = 13^1/_3$ млн. «против России».	

Считая среди всего населения России количество грамотных мужчин в возрасте от 20 до 59 лет в 10 млн. и количество мужчин, получивших «высшее, среднее и военное» образование, в 723 тысячи, Н. Сухотин следующим образом распределяет их «за» и «против России»:

«За Россию» в общем	18 млн.		«Против России»	13 млн.	
Из них грамотных	4 »		» »	6 »	
с высш. образов. .	39 000	263 000	» » . 76 000	460 000	
со средн. образов. .	175 000		» » . 373 000		
с военн. образов. .	49 000		» » . 11 000		

Отсюда Н. Сухотин делает след. выводы [2]):

I. На 18 млн. «за Россию» руководителей 263 000, или один руководитель на 77 человек.

На 13 млн. «против России» руководителей 460 000, или один на 300 человек.

II. На 18 млн. «за Россию» — грамотных 4 млн., т. е. $\frac{4}{18} = \frac{2}{9}$ или один грамотный на 4 неграмотных.

На 13 млн. «против России» — грамотных 6 млн., т. е. $\frac{6}{13}$, или один грамотный на 2 неграмотных.

---

[1]) Н. Сухотин точно не указывает, какие сословия он разумеет под «прочими».

[2]) Любопытно, что Н. Сухотин признавал количество «противников России» в 13 миллионов — «минимальным» и на одном из других листов своих вычислений уменьшает количество «за Россию» с 18 миллионов до 16 миллионов, увеличивая в то же время количество «против России» с 13 миллионов до 15 миллионов (уменьшение и прибавки, как он считает, на 10%), — сообразно этим изменениям исходных данных, меняются и все последующие цифры о количестве грамотных и руководителей в том или другом лагере (в сторону, еще более неблагоприятную для защитников «основных устоев русской государственности»).

Таковы были окончательные выводы, к которым пришел Н. Сухотин в оценке сил своего и вражеского лагеря. Несомненно, что в этой оценке много произвольного и субъективного, но все же статистические подсчеты Н. Сухотина любопытны, как показатель учета революционных сил с точки зрения защитников старого строя. В каких же слоях всего населения быв. Российской империи рассчитывал Н. Сухотин найти опору царского режима? Главным образом в дворянстве и русском крестьянстве, поскольку последнее было неграмотно. О рабочих Н. Сухотин не упоминает ни словом, — повидимому, он принадлежал к тем, о ком Витте говорил, что для них в России «рабочий вопрос не существовал» и в их глазах «рабочие продолжали быть теми же земледельцами, живущими преданиями патриархального сельского быта» [1]). История жестоко наказала этих «мудрых государственных мужей», проглядевших в революционном движении роль рабочего класса как главного могильщика не только старого феодально-сословного государства, но и того буржуазно-правового государства, о котором мечтала наша буржуазия в 1905 году.

Гр. Вересаев.

Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг.

15 апреля 1856 г. по улицам Харькова в разных местах были расклеены по стенам домов рукописные пародии на царский манифест о мире, заключенном незадолго перед тем в Париже. Пародия не без остроумия высмеивала высокий стиль «высочайшего» манифеста и его стремление завуалировать невыгодные для русского правительства условия подписанного им мирного трактата.

Несмотря на принятые харьковской администрацией меры, выяснить авторов и распространителей пародии не удалось.

Через год (в апреле 1857 г.) в Харькове была распространена новая пародия на манифест, — на этот раз — на манифест о «благополучном разрешении от бремени императрицы Марии Александровны».

И на этот раз выяснить распространителей пародии харьковским властям не удалось.

Происхождение этих пародий на царские манифесты правительству стало ясным лишь в 1860 г., когда при обыске, произведенном 25 января этого года у студента Харьковского университета П. В. Завадского, была найдена рукопись, написанная самим Завадским и заключавшая в себе историю возникновения, деятельности и ликвидации тайного общества, существовавшего в Харькове в 1856—1858 гг. При следствии удалось выяснить, что пародии на манифесты 1856 и 1857 гг. были распространены именно этим тайным обществом.

Ниже мы воспроизводим обе пародии и, в качестве комментария к ним, записку Завадского. Надо заметить, что эта рукопись была написана Завадским уже тогда, когда тайное общество было закрыто самими его участниками. Это конечно, не могло не отразиться на том освещении, какое Завадский дал истории тайного общества, участником которого он был.

Печатаемые пародии манифестов заимствованы из дела III отделения, 1 экспедиции, 1860 г. № 26, а рукопись Завадского из присоединенного к этому делу производства Харьковской следственной комиссии «об оказавшейся у студента Харьковского университета П. Завадского рукописи с изложением описания тайного политического обще-

[1]) Материалы, т. I, стр. 9.

ива» (Архив Революции и Внешней Политики).

Б. Козьмин.

Пародия на манифест 1856 года.

Божиим попущением и неистощимым терпением любезноверного нам русского народа, мы, Александр второй, император и самодержец всероссийский, объявляем всенародно:

Упорная кровопролитная борьба, начавшаяся так счастливо, ознаменованная впоследствии неоднократными поражениями наших войск, потрясла государство и угрожала его целости, между тем, силы врагов наших увеличились присоединением к союзу их держав, сохранявших доселе нейтралитет; потому мы вынуждены были просить мира и принять условия, предложенные нам союзными державами, условия, хотя невыгодные и позорные для чести народа, игрою судьбы нам вверенного, но за принятие которых воспели нам хвалебные гимны в иностранных газетах.

Условия эти следующие: 1. Покровительство над восточными христианами принадлежит пяти великим державам; по этому пункту Россия утрачивает права, приобретенные ею по Кучук-Кайнарджийскому, Ясскому, Бухарестскому и Адрианопольскому трактатам, в силу которых покровительство над восточными христианами принадлежало одной только России. 2. Флот наш в Черном море уничтожается, кроме небольшого числа мелких судов; хотя Турция обязуется таким же условием, но, сохраняя право держать в Архипелаге какой ей угодно флот, она при первом случае может напасть на южные пределы нашей империи, которые остаются беззащитными в силу третьего пункта. 3. Все крепости по берегам Черного моря, которые не были срыты, срываются, а которые срыты, не должны быть возобновляемы; верфь, арсенал и укрепления в Николаеве уничтожаются. 4. Чтобы отнять у нас всякую надежду на возвращение потерянного, союзные державы признали нужным основать между Россией и Турцией новое независимое государство, признать которое мы обязываемся и к которому отходят из благоприобретенных имений наших устье Дуная и часть Бессарабии от Придунайских озер до Хотина. 5. Карс со всеми местами, отнятыми в нынешнюю войну у турок, возвращается Турции. Хотя султан своих христианских подданных и сравнял в правах с мусульманами, но это сделал он не для нас, а для врагов наших. Не того хотел памятный россиянам родитель наш: он хотел, чтобы турецкие христиане получили эти права по его требованию и, таким образом, будучи обязаны ими русскому царю, видели бы в России своего защитника и благодетеля; теперь же они во врагах наших будут видеть защитников своих и благодетелей. Итак, россияне, ваша благодарная ревность к славе отечества, ваши пожертвования, ваша кровь были напрасны. Народ и войско сделали все, что могли; но неспособность и корыстолюбие генералов, хищничество высших сановников, инженеров и комиссариатских чиновников, наши собственные беспечность, невнимание и нерадение были причиною неудачи. Памятный россиянам родитель наш преследовал и гнал всякое развитие ума, всякий порыв истинной любви к отечеству. Вот почему в решительную для отечества минуту не нашлось достойных вождей, честных инженеров и чиновников.

Изложив условия настоящего мира, мы желаем изъявить нашему любезному русскому народу нашу искреннюю благодарность. Благодарим вас, добрые россияне, за ваше ослепление, в котором вы не видите всех злоупотреблений наших, благодарим вас за ваше терпение, поистине овечье, с которым вы переносите все бедствия, все неспра-

ведливости, всю тьму зол, происходящих от деспотической власти нашей; благодарим вас за то, что вы ревностно помогаете нам, тунеядцам, разорять вас, расточая на наши удовольствия доходы государственные, добытые вашим потом и кровью; благодарим вас за то, что вы не стремитесь к истинному просвещению, а, поверив нашим рабам, вашим обиралам — архиереям и попам, торгующим истиною евангельского учения и вашей совестью, спите во мраке невежества. Спите, добрые россияне, пока с вас не стянули последней рубахи, не выпили последней капли вашей крови. Спите! верные архиереям и попам, продающим и распинающим Христа, вечную воплощенную истину. Утешайтесь нашими о преобразованиях обещаниями, в которых не было, нет и не будет ни слова правды. Будьте всегда такими, каковыми были доселе. Мы вами неизъяснимо довольны.

Дан в С.-Петербурге и проч., и проч., и проч.

Пародия на манифест 1857 года.

Божиим гневом мы, Александр II, император и самодержец всероссийский, царь польский, великий князь финляндский и пр., и пр., и пр.

С похмелья объявляем всем нашим безумно-верным подданным: в 29 день сего апреля любезнейшая супруга наша государыня императрица Мария Александровна благополучно выпустила в свет нового дармоеда, нареченного Сергием. Таковое чухонского дома нашего прирощение приемля новым знаменем благодати божией на нас и ненависти божией к империи нашей, возвещаем о сем радостном только для нас событии безумно-верным подданным нашим. Мы уверены, что они в слепоте неведения своего вместе с нами вознесут теплые молитвы к творцу всяческих о благополучном возрасте и преуспеянии новорожденного на всякое зло, искони бывшее заветом нашего чухонского и иных прочих дома. Во всех делах, кстати и некстати, повелеваем писать и именовать сего любезного нам дармоеда его императорским высочеством.

Дан в Царском Селе, 29 апреля, в лето от Рождества Христова 1857 г. Царствования же нашего в третье.

Александр II, царь последний.

Записка П. В. Завадского.

На-днях закончило свое существование знаменитое литературное общество. Много было в нем недостатков, ошибок, увлечений, односторонности. Взгляд этот совершенно справедлив. Вот факты—читатель может сам судить. Небезынтересен, думаем, будет, для студ[ентов] хоть краткий очерк деятельности этого общества.

Образовалось [оно] еще в начале 1856 года. Начало ему положили два члена [1]), к которым вскоре присоединился третий [2]), потом четвертый [3]) и пятый [4]), потом нескоро еще один и несколько спустя еще один [5]). В числе 7 членов оно существовало почти целый год, до конца этого 1856 г., потом разом возросло до рокового числа 13 действительных членов [6]). Сначала оно было не литературное, а тайное политическое общество. Целью его было произвести всеобщий переворот в России, начав с освобождения крестьян. Достижение этой цели не казалось слишком затруднительным, и потому члены общества полагали, что к этому великому делу можно будет приступить немедленно. И, действительно, приступили, так, по крайней мере, думали члены, что их деятельность уже началась. Деятельность эта, как с самого начала, так и все время главным образом состояла в следующем: либералы собирались довольно часто, на чем свет стоит ругали правительство вообще, и, в особенности, жестоко доставалось Николаю. Затем переходили к вопросу, как помочь горю России, предлагались самые широкие планы

будущего устройства России, разбирались средства произвести всеобщее восстание. Им казалось, что произвести всеобщее восстание в России решительно ничего не стоило. Помнится, как-то раз члены так хорошо все устроили, что, казалось, в этом же году Россия подымется.

Стоило только напечатать несколько тысяч экземпляров чего-то в роде обширной прокламации *), разослать везде агентов, дать им достаточные средства для приведения в исполнение начертанных планов [с ними достаточное количество агентов для распространения экземпляров прокламации между крестьянами, военными и раскольниками **)], и в одно прекрасное утро Россия узнает, что во всех ее концах поднялся жестокий бунт. Сделать это казалось тем более легко, что ни одно из сословий не было довольно правительством. Маленькое затруднение состояло в том, что р[усский] народ очень привязан к царю и все зло приписывает панам, а не ему, но для этого положено было в то самое время, как только подымется бунт, истребить всю царскую фамилию. Как истребить ее, тоже задумывались недолго. Просто выждать случай, когда будут ехать все вместе, да и души их. Одним словом, все было устроено как нельзя лучше. «И, и проклятые! — завопил один из членов, отчаяннейший из отчаянных республиканцев [8]), — не вывернулись бы, если б поймал». «Если бы были деньги, — сказал он немного успокоившись, — сейчас бы отправился в Петербург и там бы улучил минуту». — «Да,— сказали другие, — если б были средства, скоро б можно подвинуть дело, а без денег ничего не сделаешь». Но где же взять денег? — «Мудреная задача», — заключ[ил] кто-то и начал молча ходить взад и вперед, другие тоже долго молчали и потом разош[лись]. В этом духе происходили первые заседания тайного политического общества; прибав[лю] к этому, что все это говорилось вполголоса, при тщательном наблюдении, чтобы никто не подслушал. В то время еще опасно было говорить о подобных вещах; впрочем, в скором времени как-то само собою пришло в голову всем членам, что прежде, чем начинать восстание, нужно подготовить общество и что подготовлять его распространением либеральных идей, употребляя в дело свои собственные сочинения, тоже неудобно, что удобнее всего распространять либеральные сочинения уже известных сочинителей. Дело пошло быстрее. Первые либеральные сочинения, появившиеся в Харькове, были письма Погодина о в[осточной] войне, «Записка о древней и новой истории России», письмо Штейнгеля [9]); но первое произведение, произведшее, так сказать, фурор в Харькове, это были стихи «Русскому царю» и «Русскому народу» [10]) Все, что только появлялось либерального в Харькове, принадлежит большею частью этому обществу. Деятельно члены этого общества все появляющееся переписывали и раздавали всякому желающему. Наплыв сочинений Искандера занял, можно сказать, всю деятельность членов. Этим собранием и распространением либеральных сочинений общество занималось исключительно до конца года. Заметим при этом, что общество держало себя в величайшей тайне, ежеминутно опасаясь шпион[ов], и потому часто приходилось прятать то в грубку *), то

*) Одним из членов даже начато было что-то вроде такой прокламации на малороссийском языке (7). Но этот член из головы выпустил, что едва ли сотая часть его соотечественников могут читать и что из этих читающих сотая часть едва ли в состоянии понять читанное. (Прим. в подлиннике).

**) В квадратных скобках — зачеркнутое автором. *(Б. К)*.

*) Печь. (Прим. в подлиннике).

в подполье (раз даже закопали в землю) тетради при известии о каком-нибудь подозрении насчет открытия их. Это распространение сочинений и соединенное с ним узнавание людей с либеральным направлением имело благодетельное влияние как для студентов, так и для общества. Между студентами оно зарождало мысль, общество мало - по - малу знакомилось с убеждениями студентов, и скоро ему была известна часть людей благородного образа мыслей.

Собрание, переписывание и распространение запрещенных сочинений поглотило всю политическую деятельность общества. Впрочем, неразлучно с распространением запрещенных сочинений следовала мысль об увеличении числа членов общества. Положено было, чтобы каждый из членов образовал новый круг, так сказать, приготовительный, из которого бы можно было выбирать людей в главные члены. Но это осталось только предположением. Впрочем, члены узнавали людей и имели на них надежды, но все это шло вяло, неудачно от вялости и неудачности действий самих членов. Так прошел первый год существования этого общества. К концу первого года один из членов нечаянно открыл другое общество, существовавшее также около года. Цель его была более близкая, именно: преследование начальства непосредственного. Это был, как его называли, пасквильный комитет. Оба общества соединились. 13 ноября собралось 13 членов тайного политического общества для формального соединения и для начертания устройства. В речах, сказанных по этому поводу, яснее и определеннее высказалась цель деятельности общества: приготовление себя и других к гражданской деятельности. Притом какой дух братства слышался в этих речах! Невозможно было допустить, чтобы эти пылкие благородные личности не сделали бы много для пользы себя и других. Но тут же была положена и непреодолимая преграда к достижению каких бы то ни было полезных результатов. Еще пред собранием за несколько дней каждый член написал план устройства общества. Тут же начали читаться эти планы. Ни один из них даже стороною не коснулся мысли о приготовлении к гражданской деятельности самих членов. Все предлагали устр[ойство], при котором удобнее бы было действовать на других. Забыли мудрое изречение Спасителя: «аще слепец слепца водит, не оба ли в яму упадут?»

На этом же собрании назначена была комиссия для составления устава общества. Две недели трудились три члена над составлением этого устава. Все было обдумано и определено так хорошо, что если бы члены действовали сообразно правилам, то было бы много и очень много сделано: по крайней мере, можно было поручиться, что к концу года общество будет считать своих членов десятками. Но из всех постановлений исполнено только следующее: а) Избраны должностные члены в обществе: президент, вице-президент, секретарь и казначей [11]) б) Подписан устав, и начали переписывать устав тайным способом. Около двух месяцев секретарь возился над этою перепискою и к концу 2-го месяца все бумаги были сожжены. в) Для прикрытия тайного общества положено было основать и основано литературное общество. Вот начало собственно литературного общества. Оно, кроме прикрытия, должно было служить пристанищем как бы оглашенных, непосвященных членов. Но скоро действие тайного политического общества совершенно прекратилось. Хотя, собственно говоря, нечему было и прекращаться. Потеряла только прежнее значение мысль о произведении переворота в скором времени. Принялись заниматься приготовлением себя самих и только по возможности других. Для этого стали выписывать журналы, — составили

библиотеку, — писать сочинения и собираться на литературные вечера.

Выписка журналов чрез общ[ество]— дело хорошее и полезное, но, как показал опыт, весьма неудобное. Неудобство его состоит в том, что стоит чрезвычайных усилий удержать обращение журналов между членами в должном порядке. Беспорядок происходил от несвоевременного получения и несвоевременного возвращения журналов. Все члены должны были читать журналы и газеты по списку (порядок которого определялся жребием). Каждый должен был держать журнал 2 дня и газету 1 день. Но ни порядок получения, ни срок чтения очень часто не наблюд[ались], а перехватывали и задерживали. Замечательно, что ни то, ни другое не было следствием недобросовестности, а просто невозможностью. Напр., следует получать г. N, но г. N. в тот день не увидел библиотекаря; отдать следующему, и того нет. День журнал пролежал даром или же отдан тому, кто попался на глаза. От этого происходила страшная неурядица. Порядок был только при последнем библиотекаре, но каких трудов стоил ему этот порядок! Литературное общество составило библиотеку, но библиотека эта была почти вроде складочного места всякого ненужного хламу. Иначе и быть не могло *). В начале существования литературного общества положено было писать сочинения и читать их в общем собрании. Литературное общество было вначале пристанищем для оглашенных: чрез сочинения хотели узнать образ мыслей поступающих в него, почему и положено было, чтобы желающий представил сочинение. Но это правило совершенно не исполнялось. Никто из поступающих не писал сочинений. Сначала их баллотировали и для принятия требовали согласие членов, но потом каждый член принимал новых членов по собственному усмотрению. Что касается сочинений, писанных самими членами, то они, кроме траты времени, мало приносили пользы. Нет сомнения, что сочинение студента с претензией на ученость не может иметь интереса ни для кого. Ученые не могут встретить ничего нового, непосвященные в тайны науки ничего не поймут. Доказательством этого служат статьи, помещенные в сборнике петербургских студентов. Таковы же большею частью были и сочинения членов литературного общества, хотя их было очень немного...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Инициаторами и учредителями тайного общества были Яков Николаевич Бекман, позднее член общества «Земля и Воля» 60-х годов, ум. в 1863 г., и Митрофан Данилович Муравский, позже видный деятель революционного движения 70-х годов, участник процесса 193-х, умерший в 1879 г. в Ново-Борисоглебском централе.

2) Третьим членом тайного общества был Петр Саввич Ефименко (1835—1908) впоследствии известный этнограф и статистик.

3) Четвертым членом общества был Петр Васильевич Завадский.

4) Пятый член общества — Александр Амфианович Тищинский, впоследствии член общества «Земля и Воля» 1860-х гг.

5) До весны 1856 г. к тайному обществу примкнули Владимир Васильевич Ивков и Константин Алексеевич Хлопов.

---

*) На этом месте рукопись испорчена. Завадский при допросе объяснил, что в этом месте говорилось об обычном на практике нарушении читателями правил, установленных для пользования журналами, и о происходивших от того неудобствах. (*Б. К.*)

6) Осенью к тайному обществу присоединился Вениамин Осипович Португалов (1835—1896), впоследствии известный врач и публицист радикального направления. В ноябре же 1856 г. к обществу присоединился другой тайный кружок, существовавший в то время в Харькове под названием «пасквильного комитета»; об этом кружке Завадский рассказывает ниже. В состав его входили братья Николай и Виктор Михайловичи Раевские, братья Алексей и Евгений Львовичи Марковы и Николай Саввич Абаза. Николай Раевский и Алексей Марков умерли до обыска, произведенного у Завадского и давшего материал для начала следствия. Евг. Марков впоследствии стал беллетристом и публицистом, представителем весьма умеренного либерализма, а Абаза, во времена «диктатуры сердца» Лорис-Меликова бывший начальником главного управления по делам печати, окончил свою жизнь сенатором и членом Государственного Совета.

7) Написать прокламацию на украинском языке было поручено Завадскому. Он начал составлять ее, но не закончил.

8) «Отчаяннейшим из отчаянных республиканцев», по признанию Завадского, был он сам.

9) Завадский имеет в виду известное письмо декабриста бар. Штейнгеля, написанное в 1826 г. из крепости Николаю I.

10) Как известно, стихотворения «Русскому народу» и «Русскому царю» были написаны П. Л. Лавровым.

11) Президентом общества был избран Бекман, вице-президентом — Ник. Раевский, секретарем — Завадский и казначеем — Хлопов.

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский. В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дневник министерства иностранных дел за 1915 — 1916 гг. (окончание). 3—87
Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника П. И. Ренгартена). С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 88—124
Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). С предисловием *А. Гуковского*. 125—157
Мобилизация реакции в 1906 г. . . . . 158—182
«МОНАХ». Поэма А. С. Пушкина. Песнь вторая и третья 183—190
Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. Сообщил *Н. Бельчиков* 191—208

Из записной книжки архивиста

П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. Сообщила *Ф. Драбкина*. 209—211
Русская металлопромышленность и международные тресты. Сообщил *В. Семенников* . . . . . 211—216
Из истории борьбы с революцией в 1905 г. Сообщил *Гр. Верещагин* 216—232
Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг. Сообщил *Б. Кузьмин* 232—238